

Михаил БАРУ

ВО ВСЯКИХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ

История в России от самых древнейших времен предоставляет науудивительные примеры <...> мужества и твердости во всяких приключениях.

Алексей Соскин. История города Соли Вычегодской. 1789 г.

Участь Сольвычегодска тоже имела свои превратности.

Николай Скворцов. Взгляд на исторические события, имевшие влияние на промышленность, торговлю и состояние жителей Вологодской губернии. 1866 г.

Вместо предисловия

Обычный писатель, если так можно сказать о писателе, решившем заниматься провинциальным краеведением, а до того писавшем рассказы, повести и романы, напоминает военного летчика, посаженного за штурвал гражданского самолета. Иногда это даже не среднемагистральный самолет, а кукурузник местных авиалиний летающий из райцентра в областной. Военному летчику хочется все время утопить педаль газа в пол (или как там это называется у истребителей), хочется заложить какой-нибудь вираж, или мертвую петлю или бочку, в том смысле, что описать загадочное убийство или строительство космодрома, или хотя бы портал в параллельную область, но тут он замечает – в салоне сидят люди, не привыкшие к перегрузкам: коллежские регистраторы, протоиереи, губернские секретари, купцы второй и третьей гильдий, секретари райцентров, уездные врачи, главбухи лесопилок, депутаты горьких городских дум... и вообще, если выглянуть в окошко, то окажется, что самолет привязан шпагатом к покосившемуся кресту колокольни городского собора и уже который час нарезает круги над каменными купеческими домами, пустившими глубоко в землю корни, над мужиками, шумящими вокруг бочки с пивом, над девочкой лет десяти, которую упрямая коза тащит домой, над участковым, пытающимся завести свой старенький мотоцикл с коляской, над огородами с цветущей картошкой, над облупленным домом культуры, над мужчиной нетрезвого вида, спящего в кустах неподалеку от этого дома, над приبلудным щенком, пытающимся прогрызть коробку давно слипшихся пельменей, которую вместе с пустой бутылкой водки мужчина нес, нес...

Из Москвы до Сольвычегодска путь неблизкий – больше тысячи километров на северо-восток. Сначала едешь на поезде «Москва – Лабытнанги» около суток до Котласа, потом на маленьком автобусе по асфальтовой дороге, потом по грейдеру, потом по грунтовке, потом просто по колдобинам до места паромной переправы через реку Вычегду¹. Местных от приезжих отличить легко – приезжие, когда покупают у водителя билет, то говорят: «до Сольвычегодска», а местные – «до берега». У переправы все пересаживаются на понтон, который шустро и сноровисто толкает к пристани на сольвычегодском берегу выдавший виды катер под названием «Евгений». Впрочем, никакой пристани или деревянного дебаркадера с башенкой, какие у нас бывают на речных остановках, нет – только спуск к реке. Приезжих, кстати сказать, мало – большей

частью это люди пожилого и очень пожилого возраста, которые едут поправить свое здоровье на сольвычегодском бальнеологическом курорте. Туристов еще меньше. Если они и приезжают, то на один день, чтобы успеть до вечера вернуться в Котлас – паромная переправа работает до семи вечера. Опоздаешь – нужно брать такси и ехать через Коряжму, через платный понтонный мост, через... Короче говоря, получается намного длиннее и дороже. Зимой, то есть с января по конец марта, через Вычегду можно перейти по бесплатной ледовой переправе, а весной, когда ледоход... тогда ледоход, и для того, чтобы выбраться из Сольвычегодска на большую землю, придется проехать около трехсот километров по плохой дороге до ближайшего автомобильного моста через Вычегду, возле села Усть-Вымь, от моста еще восемьдесят километров до Сыктывкара, а там уж садись на поезд, и бормоча про себя «да чтобы я еще хоть раз...», катись в свою Москву.

Усоличчи

В первый раз Сольвычегодск был упомянут в Новгородской Синодальной летописи под 1492 годом по самому мирному, что в те времена было редкостью, поводу – по повелению Ивана Грозного на реку Печору отправлены были сведущие в горном деле люди на поиски серебряных руд. Этим сведущим людям в помощь дали шестьдесят человек из Устюга, с Двины сто человек «а Пермич, Вымич, Вычегжан и Усолич сто человек». Пермичи, понятное дело, из Перми, вымичи – с берегов реки Вымь – правого притока реки Вычегды, вычегжане – с берегов реки Вычегда – тоже правого и самого большого притока Северной Двины, а усоличчи – жители Сольвычегодска, который тогда назывался Усольем Вычегодским. Строго говоря, усоличчи тоже вычегжане, поскольку и сам тогдашний Сольвычегодск располагался... впрочем, до того места, где он располагался, мы дойдем чуть позже. История эта, как и все средневековые истории, основанные больше на легендах, чем на фактах, довольно запутанная.

Это было первое упоминание о Сольвычегодске. Новгородская Синодальная летопись – документ, в котором сомневаться не приходится. Она хранится в Государственном историческом музее, и ее можно даже потрогать. Чисто теоретически, конечно. В самый первый раз Сольвычегодск был упомянут в Вычегодско-Вымской, или Мисаило-Евтихьевской летописи. Вот ее потрогать уже нельзя даже теоретически, и существует она в копии, сделанной в двадцатых годах прошлого века. Собственно, и сама летопись, с которой была сделана копия, представляла собой рукописную книгу, написанную почерком начала девятнадцатого века, а уж где находилось то, с чего был сделан список начала позапрошлого века...² В записи, относящейся к событиям 1385 года, читаем: «Лета 6893 владыко новгородский разгневан бысть зело, како посмел Пимен митрополит дати епархия в Перме, в вотчине святей Софии и прислал дружинники воевати пермскую епархию. Позвал владыко Стефан устюжан, им бы беречи Пермскую землю от разорения. Устюжане побии новгородцев под Чорной рекой под Солдором». Здесь у Сольвычегодска тоже другое название – Солдор. Так его называли зыряне, пришедшие в те края еще раньше славян.

Если верить археологам, а оснований не верить им нет, поскольку у них в руках есть не только догадки и теории, а еще и конечники стрел, бусы, обломки глиняных горшков, позеленевшие нателные кресты и ржавые мечи, то финно-угорские племена, к которым зыряне (нынешние коми) относятся, жили в этих местах начиная уже с двенадцатого века. В самом Сольвычегодске в результате раскопок в двадцатом году нынешнего века были найдены конусовидные пронизки, или, попросту говоря, бусины, прорезные бубенчики, подвески-денарии, поясные пряжки, кожаный пояс с бронзовыми пластинами, литое бронзовое звено цепочки со сложным косоплетеным орнаментом и даже фрагмент какого-то украшения в виде припаянных друг к другу трубочек. Между прочим, по данным археологов, звено цепочки с косоплетеным орнаментом, найденное в Сольвычегодске, самое массивное из всех, найденных в бассейне Северной Двины. Нам

эти подробности без надобности – просто отметим, что в районе Сольвычегодска, начиная с двенадцатого века, жили люди – и не просто жили, а жили красиво: украшали себя бусами, привесками в виде прорезных бубенчиков, подвесками с серебряными монетами, кожаными поясами с бронзовыми пластинами и неизвестными науке украшениями в виде припаянных друг к другу трубочек.

В начале тринадцатого века эти края стали ареной борьбы между Ростовом и Новгородом. С одной стороны, сюда вплотную подобралась земельная угодья новгородских бояр, а с другой – ростовских. Новгородские ростовских теснили, занимая земли в Нижнем и Среднем Подвинье, но и ростовские сдаваться просто так не собирались. В 1212 году ростовский князь Константин Всеволодович «заложил град Устюг Великий <...> и детинец и церкви устроив в нем». Основал как форпост в этих краях, пытаясь закрепиться на рубеже Вычегды. Место было удобное – рядом с Устюгом проходили пути новгородских сборщиков дани с печорских и югорских племен. Устюжане занимались тем, что возвращавшихся домой новгородских данщиков с собранной, то есть с награбленной пушниной, грабили. Кстати, Сольвычегодск, которого тогда еще не было, от Великого Устюга всего в ста километрах и практически у места впадения Вычегды в Северную Двину, а по Северной Двине можно было добраться до Белого моря. Всю эту область в бассейнах рек Северная Двина и Вычегда, изобиловавшую пушниной, рыбой и соляными угодьями, новгородцы считали своей и называли Заволочьем или Двинской землей. По притокам Северной Двины Сухоне и Вычегде проходил речной путь, по которому новгородцы шли на Урал и в Сибирь. Такие места пустыми никогда не бывают.

В четырнадцатом веке и Новгороду и Ростову пришлось потесниться – сюда пришла Москва и начала прибирать к своим рукам то, что уже было прибрано новгородцами и ростовчанами. Руки у Москвы были куда длиннее и хватистее, чем у Новгорода и Ростова. Сначала Иван Калита потребовал с новгородцев так называемого «черного бора» – чрезвычайного и нерегулярного налога, чтобы платить дань Золотой Орде, потом стал раздавать эти земли в кормление своим людям, потом, в третьей четверти четырнадцатого века, Дмитрий Донской окончательно отобрал у Новгорода Печору, Мезень и часть земель по берегам притока Северной Двины – Пинеги, потом московские князья уже и сами стали собирать дань за Уралом, у югорских племен. Среди участников этих походов всегда были вычегжане. Впрочем, это уже был пятнадцатый век, а мы вернемся в четырнадцатый и обратимся к предыстории города Сольвычегодска.

Чернигов и Выбор

Как и во всякой предыстории, истоки которой теряются в глубине веков, легенды здесь так затейливо переплетены с фактами, что... Не будем, однако, наводить тень на плетень, а откроем книгу «История города Соли Вычегодской» первого сольвычегодского историографа Алексея Ивановича Соскина³, написанную в конце восемнадцатого века. Первая глава этой книги называется «О бывших городах Чернигове и Выборе и в них обывателях» и рассказывает о пренатальной, если так можно сказать, истории Сольвычегодска. Во времена Соскина еще жили в городе старожилы, которые хотя и не могли помнить событий четырнадцатого века, но охотно рассказывали, что в незапамятные времена, в том месте, где река Черная впадает в Вычегду, стоял город Чернигов. «А в которые времена и кто сей город Чернигов построил и населил в летописце⁴ и в других записках нигде не упоминается, а также и народ о том словесным повествованием не сказывает. А только есть в народе басня, якобы до начала города Чернигова жил на том месте и в окрестностях онаго пришедший из других мест народ, называемый чюдь. Немалое время, но пришедший словенский народ из северной России, то есть новгородский, их, чюдь, со оных мест прогнав, а иных противящихся взяв в плен к себе в рабы. <...> И по очищении онаго места, из тех пришедших новгородцов многие

для жительства на том месте Черниговском поселились, видя пространства и пажитность около реки Вычегды мест, никем не обитаемых».

Находился Чернигов несколькими километрами выше нынешнего Сольвычегодска по течению Вычегды на мысу, который образовывала река Черная при впадении в Вычегду. Сведений о том, в каком году появился Чернигов до нас не дошло. В «Сольвычегодском летописце» сказано: «в которые годы поставлен того неведомо». Можно только говорить о том, что ни в четырнадцатом, ни в начале пятнадцатого веков Чернигова еще не существовало, поскольку ни в одном из заслуживающих доверия летописных источников о нем не упоминается. Ни в Житии Стефана Пермского, написанном в конце четырнадцатого века, где перечислены все мало-мальски значимые населенные пункты по течению Сухоны, Северной Двины и Вычегды от Великого Устюга до Усть-Выма, ни в Вычегодского-Вымской летописи упоминаний о Чернигове нет.

Собственно, и о самом Чернигове почти ничего неизвестно кроме того, что внутри города стояла церковь Иоанна Предтечи, да над одними проезжими воротами находилась икона Спаса Нерукотворного, а над другими – икона Св. Георгия Победоносца. Летописец сообщает только точную дату пожара, который уничтожил город – 1546 год.

Строго говоря, Чернигов не являлся городом в современном смысле этого слова. Он был городом в средневековом смысле – то есть деревянной крепостью, в которую можно снести нажитое непосильным трудом и самим укрыться в случае военной опасности. Городом от глагола городить⁵. Стены его составляли из городен – срубов, часть из которых заполняли землей и камнями, а часть использовали под жилые и хозяйственные помещения. Там, где это было необходимо, в стенах прорубали бойницы. Случаев военной опасности в четырнадцатом и пятнадцатом веках было предостаточно – то набегут вогулы, то вятчане, то устюжане, бывшие опорой Москвы на севере, пойдут войной на новгородцев, то новгородцы пойдут войной на устюжан... Мимо устья Вычегды никто не проходил.

О том, что осталось от Чернигова к концу восемнадцатого века, в «Истории города Соли Вычегодской» написано: «Но ныне того городского места есть мало, а прочее черниговское местоположение сметало рекою Вычегдою. И в оставших развалинах от осыпающегося к реке Вычегде берегу видно в песку мелкое зженое дресвяное камень, ломаной кирпич, щебень, развалившаяся печная глина, горшочное черепье, согнившее в земли деревянное строение, головни и уголье, а частию находимо бывает и железное гвоздь. А позади от того места к северной стороне означается, якобы был копаный ров. И в город уповательно была дорога и чрез него мост».

Через двести лет, в начале девяностых годов двадцатого века, в четырех километрах выше по течению Вычегды, по краю берега старичного русла Вычегды и реки Черной археологи заложили четыре шурфа в поисках того, что осталось от Чернигова. В шурфе, находившемся на самом краю мыса, образованного старичным руслом Вычегды и впадающим в него реки Черной, обнаружили... да почти то же самое, о чем написано в «Истории города Соли Вычегодской» – гвозди, клинья, железные пластины, обломки керамики, характерной для пятнадцатого и шестнадцатого веков, серебряную денгю и медную пластину с отверстием в виде сердца. Нашли еще и кремниевые отщепы с кремниевыми наконечниками. Видимо, еще до людей, которых называют славянами, и даже до людей, которых называют финно-уграми, селились здесь в незапамятные времена просто люди без всякого названия.

Ровно через тридцать пять лет после того, как Чернигов сгорел, в 1581 году, жители тех мест поставили деревоземляной город Выбор. Поставили на мысу, образованном Вычегдой и впадающей в нее маленькой речкой Усолкой. В те времена такое расположение считалось удачным с точки зрения обороны. Выбор с трех сторон был окружен водой. С двух сторон его окружала пресная вода Вычегды, а с третьей соленая вода Усолки – маленькой речки, вытекавшей из Соленого озера, рядом с которым били соляные ключи, стояли соляные варницы, в которых кипели и упаривались рассолы в

больших железных четырехугольных сковородах. Одни подносили дрова, другие подливали рассол, третьи сушили полученную соль, четвертые таскали в амбары тяжеленные рогожные кули с уже готовым товаром, а пятые с помощью целого набора буравов, долот и сверл бурили новые скважины, чтобы добраться до подземных резервуаров с соленой водой.

Не будем, однако, углубляться в технологию солеварения, о которой у нас еще будет случай сказать, а вернемся к Выбору. Просуществовал Выбор недолго – в 1586 году в писцовых книгах Афанасия Вельяминова и дьяка Ивана Григорьева есть похожее на некролог описание Выбора: «город Выбор на реке Вычегде, сметало тою рекою заднюю стену городовую, да и сторонних стен осталось двадцать три городни». Писцы называют Выбор старым городищем, то есть местом, где когда-то был город. Тем не менее, в центре этого городища стояли церкви Вознесения Христова, Иоанна Предтечи и Святых царей Константина и Елены. На еще сохранившейся передней стене над воротами проезжей башни висела икона «Спасов образ икона нерукотворного образа Христа Черниговская». От Выбора в конечном счете не осталось и гвоздей с обломками горшков – все унесла Вычегда. В 1590 году, как сообщает Сольвычегодский летописец, храм Вознесения Христова был перенесен на торговую площадь посада Соли Вычегодской.

Соль Вычегодская

Теперь нужно разобраться, откуда и по какой причине появился у Соленого озера посад, в котором к концу шестнадцатого века жизнь была ключом – одних только соляных варниц там стояло девять десятков и черных, то есть тягловых, обложенных податями, дворов, было более трехсот. Вот как в «Истории города Соли Вычегодской» описана причина появления посада у Соленого озера: «А по речке Усолке есть солонцы и озеро Соленое, круглое, состоящее длины и ширины по примечанию не более 40 сажень; которое в древние годы было вокруг обросшее лесом и на оное как из города Чернигова, так и из прочих его селений повадилась скот по природной своей натуре на те солонцы и озеро завсегда ходить и, напившись того росолу, тут и спал. И тем скучал своим хозяевам, которые жители почасту по него ходили. И с того времени они, черниговские граждане, заприметили сей предмет вод солеразсолных. Действительно начали узнавать и радеть в надежде, что от того может им последовать немалая прибыль. И по тогдашнему времени, по малоимению соляных промыслов, начали вокруг того соляного озера строить для варения соли варницы с соляными трубами и промысловые селения». О том же самом пишет побывавший в Сольвычегодске в 1771 году академик Иван Лепехин: «Когда и кем город Соль Вычегодская построен, за потраченными в 1716 году во время пожара переписными книгами точно сказать не можно, а за достоверное почитать должно, что соляные ключи в самом городе находящиеся первого были причиною в сей лесистой стороне поселения, от которых и заимствование свое город имеет».

Посад, находившийся у соляных ключей, поначалу назывался просто Усольем – то есть у соли. Кстати сказать, зырянское название Сольвычегодска Солдор, то получится две части: корень «сол/сов», что в переводе означает соль, соляной, соленый и послелог «дор» – место около чего-либо. Вот и в переводе с зырянского тоже получается «место у соли» или Усолье.

В первые десятилетия своего существования Усолье представляло собой просто россыпь соляных варниц и дворов соловаров, кузнецов, бурильщиков и плотников. Производство соли в те времена было очень выгодным – соль, как универсальный консервант, нужна была всем. Посад стал богатеть, а богатому посаду без крепости, иначе говоря без города, не прожить. Пришлось еще не сольвычегодцам, но уже не гражданам Выбора и, тем более, не черниговцам, а усольцам строить третью по счету после Чернигова и Выбора крепость. Вот эта крепость, или острог, построенный в 1602 году, уже получила название Соли Вычегодской.

Денег и усилий на строительство острога не пожалели, и получился он, как свидетельствуют писцовые книги первой половины семнадцатого века, большим, и очень – одних только глухих башен было четырнадцать. Внутри крепости вело четверо проезжих ворот. Протяженность стен составляла немногим более тысячи семисот метров. Писцовая книга 1625 года описывает то, что осталось к тому времени от первого сольвычегодского острога: «тын⁶ стоячей на иглах⁷ да в остроге ж тын рубленые тарасы⁸ и насыпаны землею и скреплены сцены, а на сценах были катки, верхней бои⁹ мощены полати, а около острогу был ров, а изо рву к острогу осыпь и тот острог во многих местах развалился, а в ыных местех рекою Вычегдою и Усолкою сметало, а цепи и полати развоилися и ров песком заплыл...». Выглядела крепость внушительно, но оказалось неудобной для обороны. Защитить ее от поляков зимой 1613 года граждане Сольвычегодска не смогли. Не будем, однако, забегать вперед, а вернемся в шестнадцатый век, но прежде чем говорить о жизни Сольвычегодска и его жителей в шестнадцатом веке, необходимо рассказать хотя бы в общих чертах о том, что составляло основу его тогдашней жизни – о солеварении.

В шестнадцатом веке соледобыча на русском Севере представляла собой сложное дело. Во-первых, во-вторых и даже в-третьих, нужно было иметь много денег. Только одна рассололившая труба, снабжающая раствором варницы, могла стоить сотни рублей. Бурением скважин занимались буровые или трубные мастера – самые высокооплачиваемые специалисты среди тех, кто имел отношение к добыче соли. На втором месте были кузнецы, изготавливавшие црены – огромные железные сковороды, в которых упаривались соляные растворы. На третьем – мастера по выварке соли или повара и их помощники подварки. Вслед за ними плотники, изготавливавшие подъемные ворота, насосы и другие необходимые механизмы, потом плотники попроче – строители варниц, рассололивающих труб, ларей для хранения соляного рассола, амбаров, кладовок и избышек, в которых жили разнорабочие. Меньше всех платили разнорабочим, которых тогда называли ярыжками, – землекопам, солоносам, дровосекам, дрововозам и грузчикам¹⁰.

До нас дошло рукописное руководство шестнадцатого века, достаточно подробно описывающее поиск источников соли, бурения скважин, устройства варниц и, собственно, процесса солеварения. Называется оно «Роспись как зачать делать новая труба на новом месте» и составлено одним из мастеров, работавших, правда, не на сольвычегодских, а на тотемских соляных варницах. Трактат этот сохранял свою практическую ценность вплоть до начала девятнадцатого века.

Начнем с выбора «россольного места», то есть с места выхода на поверхность соляных ключей. В Сольвычегодске их можно было не искать – эту работу за трубного мастера сделал домашний скот сольвычегодцев, и все рассолоподъемные трубы устанавливались вокруг и внутри Соленого озера или по берегам Усолки¹¹. Остатки трех труб можно видеть и сейчас, торчащими из воды возле того места, где Усолка вытекает из озера. Уже в наше время археологи сделали дендрологический анализ этих остатков, и он показал, что деревья, из которых изготовлены эти трубы, были спилены в двадцатых, тридцатых и девяностых годах шестнадцатого века. Кстати, в конце двадцатых годов прошлого века соляных труб семнадцатого века в Сольвычегодске оставалось еще двадцать шесть

После того как «россольное место» найдено, приступали к самой сложной и ответственной части работы – бурению и установке рассольных труб. Перед началом работ служился молебен священниками сольвычегодского Благовещенского собора. Одну часть подсобных рабочих набирали среди сольвычегодских бедняков, живших малооплачиваемой работой около варниц, а вторую из завсегдаев царских кабаков. Кабацким ярыжкам, которые работали лишь для того, чтобы жить пропиваячи, платили вдвое и даже втрое меньше и без того маленькой зарплаты обычных поденщиков.

После молебна плотники строили у места бурения амбар для хранения буровых инструментов, ярыжки под руководством колодезного мастера копали яму глубиной в полторы-две сажени, то есть около четырех с небольшим метров, или «до воды». В яме ставился сруб, над ямой возводились бревенчатые леса и простейшие устройства для опускания труб и бурильного инструмента. После этого к работе приступал трубный мастер. Пятьсот лет назад не было ни стальных труб, ни бетонных колец, ни, тем более, алмазных буровых инструментов, которые вращаются электроприводом. Трубы делали из дерева – где из лиственниц, а где из сосен. Лиственница в воде не гниет вовсе, а сосна гниет очень медленно. В Сольвычегодске трубы изготавливали из сосен. Первая труба называлась «матица», длиной около шести сажен или тринадцати метров. Диаметр такой трубы должен был быть аршин без двух вершков, или шестьдесят два сантиметра. Внутреннюю часть соснового ствола высверливали, выжигали и выдалбливали так, чтобы толщина стенки составляла около двух вершков, или девять сантиметров. Если такой длины бревен не было, матицу делали составной из двух, трех и более звеньев, которые скрепляли железными обручами. Таким образом сделанные две трубы загоняли в землю строго вертикально на глубину до двух с лишним десятков метров. На верхнем конце трубы ставился помост, а на помосте ставилась маленькая избушка под названием «струб», которая наполнялась вынимаемым из трубы грунтом. Под тяжестью такого груза матица заходила все глубже и глубже в землю.

В зависимости от плотности грунта бурить могли от нескольких месяцев до нескольких лет – пока не дойдут до соленосных пластов. Глубина сольвычегодских скважин в семнадцатом веке составляла от восьмидесяти до ста шестидесяти метров. Все эти десятки метров грунта, часто вместе с камнями, нужно было вытащить из довольно узкой трубы. Работали круглый год. На конец длинного шеста, который назывался сковородником, крепились болтами различные буровые инструменты – буравы, сверла, железные долота. Для выемки твердых глиняных грунтов применялись «шеломы железные», для мягких – «желонки», представлявшие собой длинные железные трубки, на нижних концах которых были нарезаны зубья. Сковородники с насаженными инструментами постоянно вращались несколькими рабочими при помощи двух воротов, причем на верхнем конце сковородника насаживали груз из камней и кусков железа весом от трех центнеров до тонны для увеличения давления на грунт. Во время выемки раздробленного грунта груз снимали, а потом снова устанавливали. Инструмент мог сломаться, мог застрять в каменистом грунте, его могло, как кость в горле, так перекосить в трубе... Иногда недели могли уйти только на то, чтобы вытащить его обратно. Зимой... Нечего и говорить об условиях, в которых все это делалось зимой. При такой примитивной технологии бурения неудивительно, что установка рассолоподъемной трубы длилась несколько лет. За две недели могли пройти около полуметра. Иногда чуть меньше, а иногда чуть больше. Если грунт попадался твердый и каменистый, то от одного до двух вершков, или не более девяти сантиметров.

Как только матица на глубине около десяти метров доходила до твердого каменного грунта, в нее начинали загонять целую систему более тонких «обсадных» или «литных» труб, которые делали тоже из сосновых стволов, но почти в три раза более тонких, чем матичные трубы, и без единого сучка. Внутренний диаметр таких труб составлял пять вершков или, в переводе на сантиметры, около двадцати двух сантиметров. Обычно обсадная труба состояла из трех или четырех колен, которые скреплялись железными обручами. Обсадные трубы должны были быть водонепроницаемыми, чтобы пресная вода снаружи не разбавила соляной раствор, текущий внутри. Для придания трубам водоотталкивающих свойств их сначала смолили, потом обматывали холстом, затем снова смолили и снова обматывали холстом, а затем покрывали варом. Поверх вара к литным трубам прибавляли гвоздиками овчину для того, чтобы овчина, прилипая шерстью к твердому грунту, задерживала пресную воду. Пространство между матицей и обсадной трубой конопатили войлоком, паклей или

овчиной. Обсадные трубы вдавливались в грунт на глубину от восьмидесяти до ста тридцати метров. Где-то на глубине от сорока до шестидесяти метров мог появиться рассол. В этот момент работа останавливалась для благодарственного молебна. Трубному мастеру предписывалось при этом не только самому молиться, но и следить за тем, чтобы и остальные молились. Ареометров для определения крепости рассолов тогда не было, и крепость рассола определялась мастером сначала на вкус, а потом из небольшого количества рассола делалась пробная выварка. Если крепость раствора была недостаточной, то с помощью еще более тонких «подлитных» или «подвойных» труб углублялись еще на десять или двадцать метров. Соляной раствор шел по таким трубам обычно самотеком или выкачивался насосом, мускульным приводом которого служили ярыжки или лошади. В тех случаях, когда рассол накапливался в неглубоких колодцах, его поднимали наверх цилиндрическими бадьями саженой, то есть двухметровой, длины и диаметром около восемнадцати сантиметров. Поднимались бадьи колодезным журавлем. Одна рассололивная труба могла обеспечить рассолом непрерывную работу от четырех до шести варниц.

После того как рассолоподъемная труба, говоря современным языком, вводилась в эксплуатацию, наступала очередь соловаров. Соляные варницы представляли собой четырехстенные избы с одной дверью. Внутри избы выкапывали квадратную четырехсаженную яму с отлогими краями и обкладывали ее камнем и глиной. Яма служила печью, в которой разводили огонь, и над ней на специальных дугах вешали црен. Дымовой трубы в варнице не было – его заменяло квадратное отверстие в крыше. Открывая и закрывая дверь, можно было регулировать тягу в печи. Над цреном устраивались деревянные полаты, на которых сушили свежевываренную соль.

Соляной раствор в црен или носили в бадьях ярыжки из Соленого озера, или же он поступал по рассольным трубам в специальные лари, емкость которых доходила до нескольких сот кубометров. Тем, кто по бедности носил рассол из озера, приходилось на время весеннего половодья прекращать работу, поскольку в озеро попадала пресная вода из Вычегды, а тем, у кого имелись лари, можно было работать без перерывов круглый год¹². Те владельцы рассолоподъемных труб, у которых были излишки рассола, могли и вовсе продать их тем, у кого варница была, а рассола по тем или иным причинам не было или его не хватало¹³.

Что касается самого црена, то его склепывали железным «гвоздем поличным двоестенным» из железных полос – «полиц» толщиной около восьми миллиметров. В шестнадцатом веке црены делали трехсаженными, квадратными, глубиной в десять вершков. Таким образом сторона такого квадрата составляла шесть с лишним метров, а глубина сорок четыре сантиметра. На сольвычегодских варницах купцов Строгановых использовали прямоугольные црены длиной в четыре сажени при несколько меньшей ширине. После того как все было готово к «варе», повар, помолившись, затапливал печь. Когда црен по мнению повара достаточно нагревался, он посылал ярыжек выметать из него сор пучками березовых прутьев. Понятное дело, что о герметичности клепаного црена говорить не приходится, и потому перед началом процесса упаривания раствора или, как его называли, «вари», швы на дне црена и все места клепки ярыжки промазывали тестом из ржаной муки. Повар требовал и неукоснительно следил за тем, чтобы все тесто ярыжки тщательно прожевывали и перемешивали со слюной, а не с водой, поскольку «от слюны делается некоторая против воды способность». Заметим только, что эта операция производилась ярыжками на довольно горячем црене. Вряд ли хозяин варницы им выдавал специальную обувь на толстых подошвах. Скорее всего, обуты ярыжки были в обычные лапти. Так что ногами им приходилось перебирать шустро и даже еще шустрее.

Как только замазка немного подсыхала, подварок «напущал» в црен рассол¹⁴, который поступал туда самотеком по лоткам, или его приносили бадьями ярыжки. Подварку и после наполнения црена скучать не приходилось – он постоянно регулировал жар в печи с помощью кочерги и печных заслонок, чтобы кипение раствора было

равномерным. Вода мало-помалу испарялась, и соль начинала кристаллизоваться из насыщенного раствора. Называлась это «засолом». Тут вступал в дело повар – он давал указания «содильщику», чтобы тот железными граблями постоянно помешивал кипящий рассол для того, чтобы соль не падала на дно и не приставала к стенкам црена, образуя соляную корку, или «леденец». Не допускать появления «леденца» было необходимо потому, что в тех местах, где он образовывался, црен прогорал быстрее. «Содильщик» время от времени опускал в рассол деревянную палку «засольник» и по образуемому на ней пояску из кристаллов соли (как только они появлялись в достаточном количестве) сообщал повару о том, что пора подливать новый рассол¹⁵. Повар приказывал подварку подбросить дров в печь, и в црен добавляли еще одну порцию рассола. Так делали несколько (от двух до четырех) раз до тех пор, пока весь рассол не становился насыщенным. Число добавок рассола и время его упаривания зависло от исходной концентрации.

Когда процесс считался законченным, топку прекращали, соль собирали в углы црена, откуда помощники повара лопатами ее набрасывали на полаты для просушки¹⁶. Полаты, сделанные из тонких жердей, устраивались таким образом, чтобы раствор стекал в щели, а кристаллы оставались. Высушенную соль ярыжки насыпали в рогожные кули по три пуда в каждый и выносили в соляной амбар. После каждой «вари» црены чистили от налета приставших к его стенкам солей и молотками выбивали «треску» – скопившиеся на дне залежи гипса и глинистых известняков. После этого все было готово к новой «варе». Остается только добавить, что сам процесс солеварения здоровья его участникам не добавлял – работа ярыжек на горячих цренах, а кузнецов и цыренщиков на неостывших цренах, зачастую приводила к ожогам, от постоянного дыма у солонваров слезились глаза, а от запаха сероводорода и различных соединений серы, который выделялся во время варки рассола...

Немного бухгалтерии. За одну суточную «варю» в XVI–XVII веках на сольвычегодских варницах получали от полутора сотен до двухсот десяти пудов соли. Тут нужно сделать поправку на то, что с течением времени при интенсивной добыче соленосные слои мало-помалу истощались, и к концу семнадцатого века соляной промысел в Соли Вычегодской начинает приходить в упадок¹⁸, но в шестнадцатом веке концентрация соли в сольвычегодских месторождениях еще была достаточно высокой. Если даже вычесть из рабочего времени варниц дни и месяцы, приходившиеся на половодье и ликвидацию последствий этих половодий, если к половодьям прибавить заморозки и периодический ремонт и даже замену прогоревших цренов, ремонт рассолоподъемного и другого оборудования, и все оставшиеся дни умножить хотя бы на полтора пуда в сутки, то только за полгода получится двадцать семь тысяч пудов или четыре с лишним тонны соли.

Пуд соли у Соли Вычегодской стоил от десяти до одиннадцати московских денег или, как их позже стали называть, копеек. В Москве цена той же самой соли колебалась от двадцати одной до сорока трех копеек за пуд. То есть за то количество соли, которое получали в Сольвычегодске с одной варницы, за полгода можно было выручить восемь тысяч сто рублей. По тем временам деньги огромные. Это если считать даже не по сорок три, а лишь по тридцать копеек за пуд. К концу шестнадцатого века в сольвычегодском посаде только у купцов Строгановых вовсю дымили четырнадцать варниц, которые снабжались рассолом из девяти рассолоподъемных труб. Если к этим варницам прибавить несколько десятков варниц других хозяев и умножить на количество пудов, а потом копеек, то получится даже с вычетом налогов и стоимости доставки в Москву... Не Сольвычегодск, а какой-то Новый Уренгой, если переводить на наши деньги.

Теперь о расходах. Бурение скважины, установка рассололивной трубы, различный инструмент, оплата бурового мастера и подмастерьев обходились солепромышленникам в копеечку, особенно если бурение затягивалось на несколько лет. Сольвычегодцам в этом отношении повезло – их соляные источники находились или вовсе на поверхности, как

озеро Соленое, или на не очень большой глубине. Средняя стоимость установки рассололивной трубы в Усолъе не превышала двухсот рублей. В тех случаях, когда бурить приходилось на большую глубину, когда почва была каменистой, расходы на установку рассололивной трубы могли увеличиться в три и даже в четыре раза. Такие предприятия были по карману только очень богатым купцам или тем, кто договорился о долевом участии в предприятии и кому в равных или в неравных долях принадлежали рассололивная труба, соляная варница, црен, инструменты, дрова и все то, без чего соль не добыть.

Аника Федорович

Сказать, что уже не раз упомянутые купцы Строгановы были одними из таких богатых купцов – значит не сказать ничего. В Сольвычегодске они были самыми богатыми. Скажем больше: первые два столетия истории Сольвычегодска – это два столетия истории семейства Строгановых. Сольвычегодск был столицей их соляной империи, был их вотчиной, их родовым гнездом, местом, где они были безраздельными и самовластными хозяевами, а потому об истории сольвычегодской ветви Строгановых, о том, что они сделали для города, нужно рассказать подробно.

Основателем сольвычегодской ветви Строгановых был Аника Федорович Строганов, родившийся в 1497 году¹⁹. О его детстве мы ничего рассказывать не будем, поскольку о нем никаких документальных свидетельств до нас не дошло, а вот о его бурной купеческой юности кое-что все же известно. В 1515 году, когда юноше исполнилось восемнадцать лет, о нем упоминает летописец Устюга Великого, отметивший, что Аника первый в Усолъе по своей инициативе завел солеваренный промысел. Может и не первый, но то, что один из первых, сомнению не подлежит. Вычегодско-Вымская летопись в записи под 1517 годом сообщает: «повеле князь великий Василей Оникею сыну Федорову Строганова с братьею Вычегодским Усолъем владети по жалованной и на князя великого соли варити».

Сольвычегодск тогда еще представлял собой поселок неподалеку от Черниговского острога. Там в конце пятнадцатого века поселился отец Аники – Федор. Не возле Выбора или Чернигова, где было безопаснее, а в сольвычегодском посаде – поближе к соляным источникам. Уже к середине шестнадцатого века Анике Строганову принадлежало около половины земли сольвычегодского посада. У кого-то Аника купил сначала часть варницы, а потом еще часть, а потом и всю целиком вместе с землей, кому-то ссудил денег, под залог земли, а когда должник не смог вовремя расплатиться, залог перешел к Строганову, кто-то продал варницу с землей и «со всем нарядом», пытаясь расплатиться с долгами.

Вот несколько примеров таких приобретений Аники. В феврале пятьсот двадцать шестого года он приобретает «треть варницы без цырена, место варнишное подле Ондreja Теребина» у Якова Федорова за две гривны. Еще через четыре месяца «у Овдотьи у Максимовой дочери у Степановские жены у Зуевы, да у ее внука у Василья Онтманова сына варницу и с цыреном, а цырен з дугами и с ношками и со всем нарядом, что к варнице и с колодами» за двадцать рублей. По тем временам это были довольно большие деньги, причем большая часть из них была заплачена за црен. Через тридцать шесть лет, за восемь лет до своей смерти Аника покупает варницу со всем оборудованием вместе с варничным двором и цреном за семь рублей. Из этих семи рублей шесть рублей стоил црен.

В пятьсот сороковом году Аника приобрел за гривну московских денег половину варничного места у вдовы Ульяны Плешкиной и у ее сына Юрия Ермольева. Этот участок был у вдовы и ее сына в совместном владении с другой семьей, и чуть позже Аника приобретает и вторую половину варничного места вместе со всем, что на нем стоит – соляными амбарами, погребом, кузницей и другим инвентарем. Он поступал так всегда – сначала покупал промыслы с рассолоподъемными трубами, а потом двор с варницей, если

не получалось купить всю сразу, или сначала двор с варничной избой, а потом трубу, но в конце концов прибирал к рукам все. Примеров таких покупок не один и не два. В купчих остались имена тех, у кого Аника приобрел целые солеваренные хозяйства – у Якова Балакшина двор вместе со срубами и промысловыми колодцами, у Некраса Кожина двор с рассолоподъемными трубами и промысловыми колодцами, у Якиша Плющиева соляной амбар...

Постепенно Строганов скупил соляные промыслы и варничные места у большей части мелких сольвычегодских крестьянских товариществ. Мало того, Аника смог купить промысловые участки и у приказчиков князя Токмакова, бывшего далеко не последним человеком при дворе Ивана Грозного. Предприимчивый князь надеялся разбогатеть на местной соледобыче, но... к тому времени в Соли Вычегодской уже был главный соледобытчик, и конкуренты ему были не нужны. Не дал Аника Строганов устроить свои варницы и вездесущим соловецким монахам, которых привлекли сюда, как и Токмакова, льготы, раздаваемые солеварам царским правительством. После Аники Строганова при разделе Сольвычегодского имения его сыновьям осталось десять работающих соляных варниц²⁰, с дворами, необходимым оборудованием, действующими рассолоподъемными трубами, буровыми скважинами, кузницами для ремонта цренов, соляными амбарами, большим количеством запасного инструмента, и половина посадской земли Соли Вычегодской. Заметим, что в шестнадцатом веке на мелких хозяев варниц, владевших промыслами вскладчину, наступали не только Строгановы, но и другие крупные сольвычегодские промышленники – Пырские, Бутусины, Гогунины, Пивоваровы и Протопоповы. К семнадцатому веку в Сольвычегодске мелких производителей не осталось, и тогда крупные стали ~~есть друг друга~~ конкурировать между собой. В этой борьбе победа досталась Строгановым. Не тронули Строгановы только два монастыря, имевших варницы в Соли Вычегодской. Первый – Сольвычегодский Введенский монастырь, который братья Строгановы – Яков, Григорий и Семен сами же и основали в 1565 году, и в который Аника Строганов пожертвовал икону «Введение во храм Пресвятой Богородицы». Второй – Вологодский Спасо-Прилуцкий, не имевший в Сольвычегодске своих рассолоподъемных труб и покупавший рассол у Строгановых, а потому полностью от них зависел.

Было бы, однако, неверно думать, что Аника Строганов представлял собой лишь хитрого и удачливого скупщика соляных варниц и земель своих конкурентов. Вовсе нет. Он был в полном смысле этого слова промышленником. К примеру, до него сольвычегодские солевары носили рассол в варницы бадьями, никаких запасов не делали, и потому любые изменения погодных условий могли привести к остановке работы. При нем к варницам стали пристраивать огромные лари, в которых запасали рассол не только на случай непогоды или паводка, но и для работы в зимнее время²¹. Скажем больше – в довольно подробных документах о ранних покупках Аники Строганова в Соли Вычегодской сведений о рассолоподъемных трубах и системе снабжения рассолом варниц вовсе нет.

Средневековое солеварение было невозможно без цренов. Те, кто владел варницей вскладчину, обычно црены покупали. Дорого, конечно, но самим, без кузнечного хозяйства и кузнецов, такую огромную сковороду не сделать. Поначалу и Аника покупал црены. Когда стал богаче – завел у себя кузнечное производство и покупал уже не готовые црены, а железные полосы, из которых их делали. Црены время от времени прогорали, и их нужно было чинить, так что без кузнецов так или иначе было не обойтись. Кроме того, требовалось делать и чинить многочисленные буровые инструменты. Железо в больших количествах покупалось как отечественное, так и заграничное. Стоило оно ох как недешево, и везли его издалека – из Устюжны Железнопольской, из Архангельска, из Вологды, из Москвы, где покупали его на торгах. Через какое-то время Строганов задумался о собственном железоделательном производстве.

Сыновья, внуки и племянник

Заниматься организацией этого производства пришлось уже сыновьям и внукам Аники – Якову Аникиевичу, Максиму Яковлевичу и Семену Аникиевичу. Помог случай. В августе 1570 года на имя Якова Аникиевича и еще одного сольвычегодского купца и солеваря Леонтия Пырского была получена царская грамота, поручавшая им организовать надзор за английской торговлей. Англичане кроме торговли занимались еще и поисками железной руды и выплавкой железа, которое могли по данной им привилегии отправлять себе домой, уплачивая по одной деньге пошлины за фунт. При этом английские рабочие, выписанные из Англии, обязаны были обучать русских своему ремеслу²². Сыновья Аники не были бы Строгановыми, если бы упустили такой случай. Начались активные поиски железной руды²³, которая вскоре была найдена на реке Лахоне под Сольвычегодском и на реке Ваге, неподалеку от современного Вельска. Земли по Лахоне Строгановы скупают у местных крестьян, а болота в бассейне Ваги выпрашивают у царя себе в оброчное пользование. На болотах Яков Строганов поставил домницы или сыродутные горны. В них можно было выплавлять из болотной руды кричное железо – рыхлые комья размягченного губчатого железа в смеси со шлаком и частицами несгоревшего угля, которые потом шли в дальнейшую переработку. Что же касается железоделательного производства возле Соли Вычегодской, то к нему относится самое раннее упоминание о применении водяного колеса, приводившего в движение боевой молот, с помощью которого удаляли из кричного железа примеси.

Полученную соль нужно было доставлять покупателям – и Строгановы завели свой, довольно большой, речной флот, что неизбежно привело к строительству верфей, судам, плотникам, пристаням, шкиперам, лоцманам, матросам и портовым грузчикам.

Необходимо упомянуть еще об обширной торговле хлебом, крупами и фуражом, которую вели Аника, его сыновья и племянники, о широкой раздаче денежных и хлебных займов под залог земли и будущего урожая, позволявших им закрепощать крестьян и увеличивать свои владения в Сольвычегодском уезде, и не только в нем. Строгановы приобретали землю, если судить по сохранившимся земельным актам, большей частью ссудно-денежными сделками, а не прямой покупкой. О масштабе таких операций можно судить по деловой памяти от 7 января 1578 года, в которой сказано, что Семен Аникиевич Строганов и его племянник Максим Строганов при любовном дележе имущества получили на свой пай кабал на триста шестьдесят пять рублей, а сын Григория Аникиевича Строганова Никита – на сто восемьдесят рублей и двадцать два алтына²⁴. При том, что средний размер кабалы колебался, как правило, между двумя и тремя рублями, можно легко вычислить, сколько крестьян находились буквально в шаге от того, чтобы стать строгановскими крепостными. Занимались Строгановы хлебными делами и по поручению правительства – продавали оброчный хлеб, овес и ячмень, собранный в царских вотчинах, и деньги привозили в казну государства. Строгановы выступали и в качестве царских кредиторов. Это была такая услуга Ивану Грозному, от оказания которой лучше было не отказываться. Они и не отказывались, не раз и не два ссужая царя деньгами и не требуя их обратно. Царь расплачивался с Аникой и сыновьями многочисленными льготами, послаблениями в уплате налогов и пожалованиями земель. Все это с лихвой покрывало выданные кредиты. Иван Грозный не стеснялся обременять Строгановых просьбами и по покупке разных предметов для царского обихода – мехов, пуха и дорогих тканей.

Торговля пушниной приносила Строгановым исключительно высокий доход. Николаас Витсен в своей книге «Северная и восточная Тартария», изданной в Амстердаме в 1692 году, описывает со слов Исаака Массы, неоднократно бывавшего в России в начале семнадцатого века, сибирскую торговлю Аники Строганова, который, видя, как сибирские народы «ежегодно спускались по реке Вычегде со своими товарами, торгуя с русскими в городах Сольвычегодске и Устюге на Двине, которые в то время были складочными

местами для всего, между прочим, и для мехов <...> побуждаемый большою жадностью, пожелал узнать, какими землями они владеют и где обитают эти народы <...>. Этот Аника полагал, что можно приобрести большие богатства, так как прекрасные меха, которые они привозили, представляли большую ценность. Аника тайком подружился с некоторыми из этих народов, а также послал некоторых своих рабов и слуг с ними в их страну, приказав им хорошенько присмотреться к местности, через которую они поедут, и старательно отметить все их нравы, жизнь и поведение, чтобы представить точный отчет по возвращении. Это было исполнено, и тех, которые там побывали, он хорошо принял и проявил к ним особенную милость, но приказал им решительно молчать и сам сохранял про себя, никому не говоря про это. В следующий год он послал туда больше народу, а также несколько своих друзей с товарами малой ценности, как-то: немецкими безделушками, бубенчиками и тому подобным. Эти так же, как и их предшественники, основательно пронюхали, осмотрели и добрались до реки Оби через многие пустыни и различные пустыни, которых там много, и очень подружился там с самоедами. Узнали, что меха там не имеют большой ценности и что там можно приобрести большое богатство <...>. Так Аника со своими друзьями торговали с ними в течение нескольких лет, и стали Аниковичи очень могущественны и скупили повсюду кругом много земли, так что люди удивлялись этому страшному богатству, не зная, откуда оно происходит».

Строгановы оказывали Ивану Грозному не только услуги финансового и хозяйственного характера. Достаточно вспомнить организованный, полностью снаряженный и оплаченный ими поход Ермака против Сибирского хана Кучума или отправленную за десять лет до покорения Сибири на помощь царскому войску тысячу казаков с пищальми и всем необходимым припасом во время набега крымского хана Девлет-Гирея на Москву. Не приходится удивляться тому, что Строгановых и в опричнину записали, и у себя дома, в Сольвычегодске, Аника Федорович в пятидесятых годах шестнадцатого века играл первую скрипку в земском самоуправлении – был главой выборной коллегии земских судей и занимал должность всеуездного земского старосты.

Храм соборной каменной

На этом месте можно было бы и остановиться в своем рассказе о деятельности Строгановых в шестнадцатом веке по превращению Сольвычегодска в свое родовое гнездо²⁵, но это будет лишь половина рассказа. Аника Строганов при всех его деловых качествах, которые говорят о нем как о человеке жестком, быть может даже и жестоком, извлекающем прибыль отовсюду, откуда ее можно и нельзя извлечь, был человеком набожным и большим библиофилом. Конечно, в шестнадцатом веке набожный купец не представлял собой что-то исключительное, но купцов, готовых потратить на покупку книг огромные деньги, было, мягко говоря, не так много. После кончины Аники Федоровича, который за три года до смерти постригся под именем Иосафа в монахи основанного им же Пыскорского монастыря²⁶... или, как следует из недавних исследований, сольвычегодского Борисоглебского монастыря, не осталось ни дорогой одежды, ни каких-то особенных украшений²⁷, но осталась огромная по тем временам библиотека в двести с лишним томов как рукописных, так и печатных книг при восьмидесяти пяти названиях²⁸. Большую часть библиотеки составляла, что неудивительно при набожности ее хозяина, богослужебная литература. Было и то, что называлось душеполезным чтением – нравоучительные книги, жития святых и даже сборник сочинений древнегреческого драматурга Менандра. К этим книгам прибавим самую разнообразную литературу по истории, среди которых были книги не только по истории России, но и переведенный на русский язык роман Гвидо де Колумна «История разрушения Трои» и повесть о взятии Царьграда турками в середине пятнадцатого века Нестора Искандера. Прибавим сюда книги о путешествиях и так называемые Кормчие книги, в которые включались своды церковного права, история Вселенских соборов, правила поведения христианина и списки

разрешенных и запрещенных к чтению книг. Одну из таких книг Семен Аникиевич, Максим Яковлевич и Никита Григорьевич Строгановы дали вкладом в домовый Благовещенский собор в Сольвычегодске.

Собор, который после окончания строительства стал занимать главное место на всех панорамах Сольвычегодска, был заложен в пятьсот шестидесятом году Аникой Строгановым. Дату закладки собора мы знаем точно, поскольку она записана вязью на внутренней стене собора: «Лета от сотворения мира 7068, от Рождества же по плоти Бога Слова 1560 индикта 3 месяца основан сей храм соборной каменной Благовещения Пресвятыя Богородицы и Приснодевы Марии и с приделы у Соли Вычегодской на посаде при благоверном Государе и Великом Князе Иоанне Васильевиче всея России и при великом Господине Макарие, Митрополите Московском и всея России и при Архиепископе Никандре Ростовском».

К строительству собора Аника Федорович подошел так же основательно, как подходил ко всему, чем он занимался. Было построено несколько кирпичных заводов, и не просто построено поблизости от места, где должен был стоять собор, а сначала подыскивали землю с достаточным количеством глины, и эту землю выменяли и купили у жителей сольвычегодского посада. Нужные для строительства блоки известняка подвезли по Вычегде, для чего построили специальные суда. В обширном строгановском хозяйстве появились мастера-иконописцы, были наняты искусные кузнецы дляковки ажурных металлических переплетов окон и дверей. Для золочения крестов и куполов наняли мастеров по золочению. Несмотря на то что формально Сольвычегодск в те времена принадлежал Ростовской епархии и архитекторов Благовещенского собора нужно было брать в Ростове Великом, Строгановы, используя свою близость к царю, добились приглашения московских архитекторов²⁹. Такая же история произошла и с иконописцами. Для росписи собора³⁰ были приглашены лучшие московские, суздальские и ярославские изографы. Закабалить их было трудно, почти невозможно, но приманить выгодными заказами... Они и дали начало целой школе иконописи – Строгановской. Конечно, лучшие из этих мастеров были московскими иконописцами, работавшими по заказам Строгановых – Истома Савин, его сыновья Никифор и Назарий, Прокопий Чирин, но нельзя не вспомнить и строгановских, пусть и не таких знаменитых, сольвычегодских мастеров – Фетку Снозина, Сенку Иванова, Пятунку Самсонова, Митку Стрекаловского. Без разделения труда, как и в солеварении, не обошлось – одни писали лики святых, другие одежду, третьи пейзажи, четвертые покрывали икону олифой... Не будем, однако, вступать на территорию, давно обжитую и неусыпно охраняемую искусствоведами. Скажем только, что Благовещенский собор и все последующее церковное строительство Строгановых вызвали к жизни школы лицевого шитья, ювелирного дела и церковного пения.

Что касается школы лицевого или, в переводе на современный язык, изобразительного шитья, то ее создание заслуга исключительно сольвычегодских мастериц. Занимались этим жены, дочери и невестки строгановского семейства, которым помогали дворовые и наемные мастерицы из местных. Вышивали шелком, серебряными и золотыми нитями, унизывали жемчугом. И здесь дело дошло до узкой специализации – кто-то вышивал тексты, расположенные в каймах, иконописцы или знаменщики знаменовали образец на бумаге и потом переводили его с бумаги на ткань, одни вышивальщицы обметывали рисунок белыми нитками, а другие его вышивали. До нас дошло около ста пятидесяти памятников строгановского лицевого шитья – хоругви, плащаницы, пелены с изображением святого, одноименного тому или иному члену семьи, покровы и различные детали церковных облачений. Как правило, все эти вещи вкладывались в церкви и монастыри Сольвычегодска, в храмы пермских строгановских вотчин, в Троице-Сергиев и Соловецкий монастыри. Наибольшего расцвета строгановские мастерские лицевого шитья достигли уже в семнадцатом веке, и расцвет этот в большой мере связан с именем Анны Ивановны Строгановой.

Кстати, о жемчуге. Он нужен был в довольно больших количествах, и не только вышивальщицам, но и строгановским ювелирам, и иконникам для украшения окладов. Сольвычегодский историк девятнадцатого века Попов в своей рукописной «Сольвычегодской старине», написанной после 1865 года, пишет, что Строгановы «будто бы в речке Иксе воспитывали жемчужные раковины, для чего, по рассказам, держали особаго приставника, какого-то иностранного доктора. Насколько все это справедливо не знаем, но знаем, что в Иксе и в настоящее время водятся раковины таких громадных размеров, каких не видно ни в одной реке Вологодской губернии, только свойство их нам по невежеству нашему в естественных науках неизвестно»³¹. По народному преданию, которое и теперь живет всех живых, Строгановы разводили жемчужницы в крошечном озере, больше похожем на пруд, рядом с Благовещенским собором. Во главе этого жемчужного промысла, как гласит все то же предание, стоял немец – доктор и аптекарь. Что касается немца, то может статься, что это так и было, поскольку доктор и аптекарь мог быть кем-то из пленных иностранцев, которых Строгановы выкупали из московских тюрем. Как правило, добытый в строгановских владениях жемчуг шел на внутреннее потребление. По крайней мере, документов о его продаже до нас не дошло.

Изготовление окладов к иконам и церковной утвари и предметов личного благочестия без ювелиров не обходится. Еще первый сольвычегодский историограф Алексей Иванович Соскин отмечал в своей книге, что кроме занятий солеварением многие сольвычегодские граждане «производили ремесла, серебряные, золотые и иные вещи, а особливо иконописное и серебряное, и финифтяное <...>. Откуда же сии два мастерства, серебряное, сканое и финифтяное, в здешней город принесены; и кто первейший из граждан изобретатели были? О том письменных документов отыскать я не мог. А ежели слуху народному верить можно, что якобы оные изобретены до царствования в России царя Ивана Васильевича самодержца Всероссийского, бывшими гражданами соливычегодскими в иностранных государствах за коммерциею в Греции и Китайской землях. <...> И когда предки господ-барон Строгановых в Соли Вычегодской жительствовавали, тогда при домах их многия мастерства существовали для украшения церковного благолепия, коего они весьма любители были, которые видно из церковных сокровищ, для тех мастерств и имели немалое число служителей». Конец шестнадцатого и весь семнадцатый век можно считать временем расцвета ювелирного дела в Сольвычегодске. В строгановских мастерских работали как местные, сольвычегодские ювелиры, так и приезжие мастера из Москвы, Новгорода, Суздаля и даже из-за границы. Местные зачастую были из зависимых кабальных людей. Кроме ювелиров, которые подразделялись на эмальеров, граверов, сканщиков, занимавшихся изготовлением скани, чеканщиков, басманщиков, теснивших на тонком листовом серебре затейливые растительные узоры, и литейщиков в строгановских мастерских работали еще так называемые крестенщики или крестечники, вырезавшие из ценных пород дерева или кости кресты – нательные, наперсные, на престольные и за престольные. Делали они миниатюрные рельефные образки, складни, которые ювелиры потом оправляли в серебро или медные сплавы, золотили, расцвечивали эмалями, скаными узорами, украшали жемчугом, перламутром и полудрагоценными камнями³². О мастерстве сольвычегодских ювелиров свидетельствует тот факт, что часть из них в 1653 году вызвали в Москву для временной срочной работы. Должны они были заниматься чеканкой серебряных окладов для иконостаса Успенского собора в Кремле. Сольвычегодский воевода отписывал царю Алексею Михайловичу: «По твоему государеву указу сысканы чеканщики Федька посадский человек Прокофьев сын Суворов, да Федоров человек Строганова Томилко Васильев, да Усолицы-ж посадские люди Петрушка Назимов, Офонька Козлов, Бориска Герасимов <...> послать их к Москве». Тотчас и Строгановы отправляют челобитную царю: «Бьют челом холопи твои Митька да Федька Строгановы: велено выслать от Соли-Вычегодской серебряников и иконников, а у меня холопа твоего Митьки, кабальному

моему человеченку Костьке Софроньеву, а у меня, холопа твоего, Федьки, – серебрянику Томилку Васильеву; вели, государь, тех наших людишек имати к своему государеву делу».

Увы, в последней четверти семнадцатого века и начале следующего, после смерти Федора Петровича и Дмитрия Андреевича Строгановых, ювелирное дело в Сольвычегодске приходит в упадок и мастерские прекращают работать.

Несколько слов скажем и о школе церковного пения, поскольку без сольвычегодцев ее создание не обошлось. Собор, как известно, предполагает церковный хор. Его начали организовывать уже на этапе строительства. Священником домово́й церкви Строгановых еще до постройки собора служил житель сольвычегодского посада Иван Лукошков. Видимо, его вокальные способности были замечены Никитой Григорьевичем Строгановым, и для обучения Ивана Лукошкова пению, приемам композиции и использованию музыкальных инструментов он пригласил одного из самых известных в то время певцов – Стефана Голыша, обучавшегося в Новгороде. Собственно, его и приглашать было не нужно – он как раз в то время ходил по Сольвычегодскому краю и обучал желающих пению. Лукошков оказался талантливым учеником и сам сочинил не одно произведение. Песнопения и распевы, им созданные³³, и стали основой Строгановской певческой школы. Специалисты утверждают, что «усольское мастеропение» во второй половине шестнадцатого века и в начале семнадцатого находилось на уровне ведущих в то время московской и новгородской певческой школ. Усольских певцов даже вызывали в Москву, к царскому двору. Хор просуществовал в Сольвычегодске до семидесятых годов семнадцатого века и потом был в полном составе переправлен в центр пермских владений Строгановых – Орел-городок.

В 1584 году, уже после смерти Аники Строганова, Благовещенский собор был наконец достроен и освящен. За восемь лет до освящения в городе был сильный пожар, сгорело десять церквей и полтысячи домов. Собор, конечно, тоже пострадал. Расписывать его начали лишь в мае 1600 года и закончили в августе того же года. Об этом была сделана надпись на стене внутри собора: «Лета от сотворения мира 7108 (1600)... у Соли Вычегодской на посаде соборный храм каменный Благовещения... начат надписывать внутри и с алтаря и с приделом Иоанна Богослова и с кружалы верхними около храма Благовещения Богородицы настенным письмом московские иконники Федор Савин да Стефан Арефиев с товарищи и совершенно того ж лета, августа 29 день, строением и повелением Никиты Григорьева сына Строганова». После росписи собор повторно освятили. Расписана была тысяча квадратных метров. Трудно даже представить, сколько людей нужно было нанять, чтобы обернуться за такой короткий срок. Еще одна надпись на внутренней стене гласит: «...а стави сей храм своею казною Иоанникий Федоров сын Строганов и его дети Яков, Григорий и Симеон и его внучата Максим Яковлев сын, да Никита, Григорьев сын, да Андрей и Петр Семеновы дети Строгановы и по себе на память и на помино́к ныне и впредь».

Мрачные палатки

Рассмотрение архитектурных особенностей пятиглавого Благовещенского собора³⁴, величественно возвышающегося над крутым берегом Вычегды, может нас увести далеко от истории Сольвычегодска, а потому мы ограничимся описанием его подземелий, с которыми связаны многочисленные городские легенды. Одно из описаний позаимствуем из уже известной нам «Сольвычегодской старины» Попова: «У кого здоровые легкие и есть несколько мужества, кто не боится спертова воздуха и глубокого мрака, тот может спуститься и в нижний этаж собора. По боковым сторонам его расположены еще довольно высокие прикрытые сводами и довольно просторные палатки. Из них некоторые и ныне приносят собору небольшие выгоды, будучи отдаваемы под склады товаров. Но чем дальше углубляешься к середине, тем мрачнее делается вокруг любопытного. Узкие и низкие коридоры с неровными полами препятствуют свободному движению, а лазанье в

разные тайники через узкие отверстия утомляют еще больше. Между этими тайниками находятся и такие, в которые и взойти нет возможности или по чрезвычайной узости отверстий, засыпавшихся обвалившимся щебнем и известью или потому, что железные двери, ведущие в них, заржавели до такой степени, что напрасно было бы и пытаться отворить их. Но перо наше слишком слабо, чтобы описать эти мрачные палатки, тайники и переходы между ними <...>. Это разве по плечу старым, а, пожалуй, и новым французским романистам.

Эти подвалы, по мнению одних, служили Строгановым кладовыми. И это, кажется, правдоподобнейшее из предложений. Здесь как нельзя более удобно было хранить им свои громадные сокровища; здесь же в 1613 году при взятии Сольвычегодска поляками скрыта была наиболее ценная утварь собора. Только простой народ любит иногда пересаливать и по этой привычке создал басню, что храмоздатели зарыли здесь несметные богатства. Басня, конечно, не имеет основания. Какими бы крезами Строгановы ни были, но едва-либo согласились бесполезно для себя, подобно другим профанам прошедших веков, погребсти свое достояние. Нет, их понятия были очищеннее, они и тогда выходили из-под общего уровня. Басня прибавляет еще, что ими проведен был даже подземный ход из-под собора в Введенский монастырь, что тоже положительно невероятно.

Другие, наоборот, уверяют, что сюда Строгановы сажали лиц, чем-либо провинившихся или вызывавших их мщение. Спору нет, они имели право суда и расправы на пожалованных им землях, но ни откуда не видно, чтоб этим правом пользовались они и в поморском Сольвычегодске. Правда, и мы при осмотре этих подвалов в одном из них крайне глухом и тесном нашли человеческий череп. Но череп не говорит, жертва ли он мести или случая».

Второе описание возьмем из путевых заметок, написанных в 1910 году, одним из воспитанников Вологодской духовной семинарии, побывавшем на экскурсии, организованной «Вологодским Обществом изучения Русского Севера». Маршрут экскурсии проходил через Сольвычегодск, и без детального осмотра Благовещенского собора конечно же не обошлось. Пожалуй, эти заметки интересны не столько описанием самих подземелий, напоминающим рассказы Эдгара По, сколько психологическим портретом первых Строгановых, какими они представлялись молодому выпускнику духовной семинарии в начале двадцатого века. «Под собором из подвалов идут в стороны коридоры с маленькими камерками, называемыми “мешками”. Сюда, в эти мешки замуравливали не только преступников, но и вообще крепостных людей, почему-либо не понравившихся Строгановым. Мешки эти осматривали уже поздно вечером, при фонаре. Страшно мрачное настроение вызывают они. Мороз пробегает по коже, когда вспоминаешь все те ужасы, которые должен был испытать замуравленный человек. Какое отчаяние должно было охватить его, когда удаленный от людей и света, томимый голодом, холодом и жаждою, сидел он в четырех стенах, не имея надежды на освобождение и жизнь! Какие муки он должен был перенести перед смертью! Все это невольно представляешь себе при виде маленьких конурок с толстыми каменными стенами, – представляешь и невольно упрекнешь прежних бар Строгановых в бессердечии к человеческой личности, в фарисейской религиозности, выразившейся в пожертвованиях. Христианство еще не победило своим духом их варварские инстинкты. Может быть, они чувствовали угрызения совести, но старались успокоить ее постройкой богатых храмов, монастырей и богатыми жертвованиями. Мешки устроены под самым храмом, и это еще более усиливает контраст их и еще больше противоречивых чувствований вызывают в нас эти немые многовековые свидетели характеров бар шестнадцатого века».

Любознательный семинарист записал и поверья, связанные с колоколом, который в то время висел на колокольне Воскресенской церкви, стоявшей на рыночной площади. «Пользуются им, как целебным средством, следующим образом. Больного приносят сюда, под колокол; льют тогда на колокол воду и в то же время ударяют в него три раза; воду

стекшую с колокола собирают и дают пить больному. Как и когда образовалось такое поверье, узнать не пришлось». Редактор Вологодских епархиальных ведомостей приписал в этом месте путевых заметок примечание: «Колокол этот был в свое время на городской башне “всполошным”, то есть в него звонили в тех случаях, когда в городе была какая-либо суматоха, например пожар, народный бунт. Потом, когда надобности в нем для подавания сигналов к тревоге не стало, а название “всполошного” продолжало оставаться, тогда стали ударять в него приходские священники для прихожан, заболелавших “сполохом”, то есть нервным расстройством от сильного испуга, и для их детей, страдавших “родимчиком”. Так возникло поверье».

Есть предположение, что этот колокол не просто колокол, а бывший вечевой колокол Великого Новгорода, который по приказанию Ивана Грозного был, после вырезания у него ушей и языка, сослан из Новгорода в Сольвычегодск, но это очень смелое предположение, больше похожее на легенду, поэтому всерьез мы его рассматривать не будем.

В первые годы советской власти все эти легенды о каменных мешках не умерли, но расцвели пышным цветом. По вполне понятным причинам стали говорить о пыточных каменных мешках, о замурованных заживо людях, которых жестокие крепостники Строгановы... Нашли двух сторожей собора и древнего старика священника, которые утверждали, что в девяностые годы при очистке соборных подвалов вывезли никак не менее десятка возов человеческих костей. В двадцать четвертом году заместитель заведующего музеем Ешкилев и архитектор Тильман, обследуя здание собора, взломав в некоторых местах фундамент и разобрав кирпичную кладку... подземных ходов не нашли, но при углублении в землю на метр возле одного из взломов обнаружили череп, ключицу и бедренную кость. Кончилось все организацией выставки о строгановских пытках. В одной из таких кладовых разместили в живописном беспорядке кандалы, цепи и другие орудия пыток. Изготовили и восковую фигуру жертвы. Потом, правда, одно из орудий пыток попало в руки реставраторов и им оказались щипцы девятнадцатого века для охолощивания жеребцов. Впрочем, выставка у сольвычегодцев имела успех. Теперь, конечно, никакой выставки нет, и о пыточных подземельях экскурсоводы в Благовещенском соборе рассказывают с усмешкой, но как быть с замечанием одного из авторитетнейших советских исследователей деятельности семейства Строгановых Андрея Александровича Введенского в его монографии «Дом Строгановых в XVI–XVII веках»: «Сольвычегодские хоромы внутри строгановского кремля на Никольской стороне знали свирепые расправы хозяев с дворовыми холопами и работными людьми, которых здесь били, увечили и даже заживо замуровывали в тайнички трехсаженной толщины стен строгановского Благовещенского собора. Еще в 1928 году мне пришлось сделать страшную находку при размуровывании такого тайничка в виде скелета и лежавших тут железных кандалов»... С другой стороны – дворовых людей у Строгановых в шестнадцатом и в семнадцатом веках в Сольвычегодске было несколько сот человек. Скорее всего, большую часть провинившихся просто пороли на конюшне или в амбаре, но тех, кого такие методы к покорности не приводили, тоже было наверняка немало. Как предусмотреть заранее необходимое количество таких тайников...

И последнее о подвалах Благовещенского монастыря. В 1691 году личное имущество умершего еще в 1649 году Андрея Семеновича Строганова сложили в каменную палатку, расположенную в подвалах Благовещенского собора, переписали и опечатали. Довольно скоро оказалось, что вещи из этой опечатанной палатки стали пропадать. Соборного протопопа Андрея Барашкова, пытавшегося дознаться, как воры проникают туда, куда им, как кажется, хода нет и быть не может, просто закололи рогатиной. Только через шесть лет, в январе 1697 года был пойман некий Данилка Кулаков, который конечно же поначалу ото всего отпирался, но после допроса с пристрастием, то есть после пытки, рассказал, каким образом крали строгановские вещи и выдал своих поделщиков.

Семен Аникиевич

Оставим Благовещенский собор и перейдем к Введенскому монастырю, который в 1565 году на берегу Усолки начали строить сыновья Аники – Яков, Григорий и Семен. Срубили деревянную церковь и обнесли монастырь деревянной оградой. Аника пожертвовал в собор икону «Введение». Дальше о монастыре заботился сын Григория – Никита. Он поставил в ограде монастыря еще несколько деревянных церквей, над воротами поставил надвратную церковь Во Имя Всех Святых, а под колокольной... Впрочем, нет смысла перечислять эти храмы и колокольни, поскольку все они сгорели во второй половине семнадцатого века, а к тому каменному собору в стиле «строгановского барокко», который будет построен в конце семнадцатого века, мы еще вернемся. Лучше расскажем о том, как через восемь лет после основания монастыря при дележе наследства Аники Федоровича Семен Аникиевич «своровал». Поскольку никаких документов, проясняющих подробности этого «воровства», до нас не дошло, мы знаем только, что два других брата – Яков и Григорий пожаловались в Москву, как говорится, на самый верх. С самого верха в 1573 году пришла царская грамота одному из крупных сольвычегодских купцов и солепромышленников Леонтию Пырскому с распоряжением выдать Якову и Григорию Строгановым «брата их Семена головою со все его животом и с его людьми и деловые за их руками велел есмя им отдать, что они с Семенкою делились». Об исполнении Пырский должен был донести в Москву. Семену Аникиевичу дорого обошлось «воровство» – его на четыре года отстранили от управления вотчинами, и только 1577 году он смог вернуться к делам. Через четыре года Семен Аникиевич вместе с племянниками организует, снабдит всем необходимым и отправит на покорение хана Кучума Ермака, а еще через пять лет, в конце октября 1586 года, Семена Строганова убьют в ходе вооруженного бунта сольвычегодских посадских людей. В Аникиевском синодике Благовещенского собора о смерти Семена Аникиевича имеется запись: «в 1586 году октября проти 22, в ночи убиенье Семена Аникиева сына Строганова». Трудно сказать, из-за чего конкретно его убили, но очевидно, что отношения между Строгановыми и сольвычегодскими посадскими людьми не были безоблачными. Да и как им быть такими, если Строгановы правдами и неправдами скупили половину сольвычегодского посада, прибрали к рукам большую часть варниц, кузнечных дворов и соляных амбаров, не говоря уже о кабаках, которых у Строгановых было... Сохранился фрагмент следственного дела, представляющий собой черновик челобитной Афанасия Владимировича Строганова, представителя крестьянской ветви Строгановых, в которой он вспоминает: «боясь от тех Соли Вычегодские, от посадских людей убойства себе, по прежнему их воровскому умышлению, что они убили брата моего Семена Строганова, да оне ж государь, в городе снаряд имали и меня Офонку с племянниками, заперли во дворе племянника моего Никиты Строганова и хотели нас всех из снаряду побити на смерть». Уцелела и царская грамота, вернее, ее фрагмент о сыске убийц Семена Строганова, в котором власти требуют найти убийц Семена Аникиевича, а тем, кто будет их укрывать, «быти от нас в продаже».

К концу шестнадцатого века Сольвычегодск превратился в главную базу снабжения обширнейших пермских вотчин семейства Строгановых. Из Сольвычегодска туда посылают для налаживания солеваренного промысла црены, буровые инструменты, соловаров, подварков и кузнецов с их кузнечной снастью. Мастерские Строгановых снабжают все вновь построенные храмы в пермских вотчинах иконами, богослужебными книгами, церковной утварью. Строгановым церковные власти разрешают отправить в эти церкви и своих священников, дьячков, псаломщиков и пономарей, но самое главное – из Сольвычегодска на восток шло военное снаряжение для укрепленных городков, которые Строгановы строили на пожалованных им Иваном Грозным землях. Григорию Аникиевичу Строганову специальной царской грамотой дается разрешение сварить на

Сольвычегодском посаде или в Усольском уезде селитры, которую тогда называли «ямчугой» тридцать пудов «про себя, а не на продажу на которых местех ямчюги не варят на меня царя великого князя». За ним велено было «крепко досматривать» старостам Сольвычегодского посада и уезда, чтобы сварил никак не более тридцати пудов и «чтоб в том в ямчюжном варенье от Григорья крестьяном обид и продажи не было некоторыми делы». В Москве, хотя и доверяли Строгановым, но проверять не забывали никогда. Видимо, были к тому основания.

Девки, называемо приплавухи

Аника Строганов имел лавки на посаде и в самом Сольвычегодске, но в маленьком городе торговля тоже была маленькой. Более или менее крупная торговля разворачивалась на трех сольвычегодских ярмарках: Алексеевской, проходившей в первой половине марта, июльской Прокопьевской, названной так в честь Прокопия Устюжского, на которой торговали мехами, и Введенской, проходившей в конце ноября после сбора урожая и в преддверии праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. На ярмарки съезжались большей частью крестьяне из ближних и дальних волостей.

Торг происходил на центральной площади города, на которой стоял соборный храм Воскресения Христова, два кабака и двадцать восемь дворов местных священнослужителей. Вино в кабаки приносили со складов, а складами служили... подвалы Воскресенской соборной церкви. В Городовой книге по Сольвычегодску того времени написано, что из-за этих складов в церкви так несет вином... «Из-под той церкви целовальники вино продают в ведра и в полуведра, и в четверти, и в осьмушки, и на кабаки, на стойки, вино отмеривают, а которое вино на кабак принимают и то вино под тою ж церковью ставят <...> А хто купит вина под церковью, осьмушку или четверть, и тое вино тут и пьют. А как в церкви обедню или вечерню поют и в те поры под церковью бражники песни поют и всякое бесчинство чинят». Конечно, московские власти не одобряли размещение в церквях винных складов, а также пьяных песен под их стенами, но... чего не сделаешь ради прибыли. Кабацкие головы, то есть те, кто заведовал в городе кабацкими сборами, а среди них одно время был один из Строгановых, беспокоясь о том, как бы эти сборы не уменьшились, писали властям: «Переносить из-под церкви вина до году, покаместа продается немочно для того, что бочки великие, сосновые и еловые ветхи, обручи на бочках такие ж сосновые и подо многими бочки для течи стоят подставки и только те бочки с места тронутца и на бочках обручи не устоят, а вину будет поруха». Еще какая поруха. Забегая вперед, в начало семнадцатого века, скажем, что в некоторые годы прибылей от кабацкого сбора выходило больше тысячи рублей. По тем временам такая сумма составляла в масштабе города Сольвычегодска, а не строгановских оборотов, не просто большие, но огромные деньги³⁵.

Оставим в покое вино и перейдем к торговым делам на ярмарках. Из поймы реки Виледь, левого притока Вычегды, в Сольвычегодск привозили отменного качества шелковистый лен-долгунец, за которым сюда приезжали английские купцы. С притоков Виледи привозили лодки. Местные племена из районов Приуралья, берегов Печоры и Оби привозили самый ценный товар – пушнину, которую Строгановы скупали почти всю сами. Само собой, торговали и солью, но здесь, на месте ее добычи, цена на соль была низкой, а потому старались увозить ее в Вологду, Архангельск, Ярославль, Москву и другие крупные города. Торговали солью крупные солепромышленники и монастыри – вотчинный строгановский Введенский монастырь и Вологодский Спасо-Прилуцкий. Впрочем, и эти монастыри покупали рассол у Строгановых, так что конкурентами в полном смысле этого слова не были. Добавим к ним нескольких посадских солепромышленников, имевших по одной варнице. Впрочем, и те продержались только до конца первой четверти семнадцатого века. Мелких и средних торговцев к соляной торговле не подпускали. С берегов Печоры привозили красную рыбу. Торговали хлебом,

ценными полицами, луком, капустой, орехами, говяжьим топленым салом, медью, картами, иконами, мылом, дровами, сушеными грибами, сапогами, нагольными тулупами, теплыми рукавицами и всем тем, без чего не выжить в краю, где восемь месяцев зима и вместо фиников морошка. Хлеба, кстати, в Сольвычегодском уезде было мало. Еще и периодически случались неурожаи, что неудивительно при таком климате, а потому хлеб здесь был по большей части привозной – с Вятки. Рожь, конечно. О пшенице в этих краях и речи нет.

Торговали еще... нет, это нельзя назвать торгом. Прокопьевская летняя ярмарка, хоть и не могла похвастаться большими оборотами по сравнению с осенней, Введенской, была ярмаркой найма рабочей силы для уборки урожая и ярмаркой невест. Тут лучше не пересказывать своими словами первоисточники, а процитировать Алексея Ивановича Соскина, который в восемнадцатом веке описал обычай, которому к тому времени исполнилось более двухсот лет: «При всем том объясняю я бывшую на Прокопьевской ярмонке редкость следующую. Приезжают в то время крестьянские дочери, девки, для избрания себе женихов и выхода замуж, который обряд состоит в таковой церемонии. Как те невесты приплывают по Вычегде в лодках и квартируют более на берегу с родственниками и знакомцами своими при тех лодках у продажи своих продуктов. Хотяшии ж видети их женихи приходят к тем невестам и смотрят их. И естли покажется или пондравится, тогда желания от невест спрашивают, также и о приданном. И буде стыдливые невесты сами сказывать не хотят, тогда ответствуют вместо их находящиеся при них родственники и знакомцы. И когда согласное условие положат, тогда в церкви обыкновенно и венчаются. А в противном случае, естли никто их не возьмет, или сами по себе не изберут, тогда отъезжают обратно восвоеси со своим изготовленным приданным. Сие бракосочетание происходит не з гражданами, а с бедными поселянами. Но в том бракосочетании примечательно бывает между ими щастие такое, что из тех вольных невест ленивых и распутных весьма мало случается, а большею частию к домашней и крестьянской экономии бывают они радетельны и трудолюбивы. Сей опыт можно сравнивать с базаром Константинопольским, на котором для продажи и бракосочетания жен и девиц-невольниц находится много, на котором подобно сему, кто какую хочет избирает».

Через сто с лишним лет другой сольвычегодский краевед, которого мы уже ранее цитировали, Федор Протопопов, писал о том же самом старинном обычае: «Изстари здесь водится, что на Прокопьевскую ярмарку сюда приезжают по Вычегде, даже от границ Яренских³⁶, из разных деревень девки, называемо *приплавухи*, выходить замуж. <...> На сих девках женятся бедные поселяне и господские люди, а граждане их не берут, потому, что те девки приезжают в город тогда не столько по обычаю, сколько по бедности, не зная чем пропитать себя, и чрез то находят честным манером себе хлеб насущный».

Рассказ о жизни русского средневекового города не будет полным без перечисления пожаров, моровых поветрий и неурожаев, которые случались с завидной регулярностью. Сольвычегодск шестнадцатого века в этом смысле не был исключением. В пожаре пятьсот сорок четвертого года сгорели церкви и кабаки на торговой площади. Огонь объял множество дворов. Как пишет Соскин: «Пламень бо вельми возвысился и вся купно обят снedaше. Ветру с югу велию бывшу и дыму с пламенем смесившуся, людям же не могущим камо бежати. Доиде же то пламя огненное близ Борисоглебского монастыря сажень за десять. Дионисий же игумен того монастыря начат молебен пети пред иконами Всемилоственного Спаса и того Матере пресвятыя Богородицы Одегитрия, и, по окончании молебна взял древо честное и святое Животворящего Креста Господня, течаше со тшанием за врата монастырские; противу пламени став и крестом оградив и к Богу моляшеся и пресвятую Богородицу на помощь призываше. Огонь, яко устыдеса, и отвратися на пустые места. И после того начаша пресвятей Богородице пети молебен по всякую неделю». Через девять лет был еще один пожар, еще через три года неурожай и страшный голод, от которого умерло тысяча четыреста человек, еще через год от голода

умерло тысяча сольвычегодцев и еще через два года умерло по неизвестной причине и похоронено пятьсот тридцать человек. В 1565 году снова пожар, и через шесть лет случилось моровое поветрие. Восьмого июля оно началось, и тогда же «по обещанию и по совету градских и уездных всех людей, в сем городе основан храм деревянной во имя Всемилоственного Спаса Нерукотворенного образа нашего Иисуса Христа. А совершен и освящен купно со служением божественная литургия месяца августа в шестнадцатый день единым днем. И божиим милосердием со онаго числа то моровое поветрие стало меньше ...»³⁷. За шесть лет до начала нового, семнадцатого века, сгорело то, что оставалось от города Выбора, и без того почти смытого рекой, и икону Спаса Нерукотворного, называемую Черниговской и стоявшую в надвратной башне выборского острога, перенесли в сольвычегодскую посадскую церковь Спаса Нерукотворного, стоящую на берегу Вычегды.

И последнее о Сольвычегодске в шестнадцатом веке. В 1590 году по приказу царя Федора Иоанновича из Сольвычегодска в Сибирь были отправлены тридцать семей хлебопашцев. Государство о людях, отправленных на освоение Сибири, беспокоилось. Помимо подъемных денег власти предписывали каждое семейство снабдить годовым запасом хлеба, тремя меринами, тремя коровами, тремя свиньями, двумя козами, пятью овцами, двумя гусями, пятью курами, двумя утками, сохой со всеми необходимыми приспособлениями для обработки земли, телегой, санями, запасом разной одежды, домашней утвари и двадцатью пятью рублями денег. Мало того, власти заботились и о личной жизни холостых поселенцев, которые уже в семнадцатом веке в царствование Михаила Федоровича писали царю: «Все мы людишки одинокие и холостые как государь с твоей государственной пашни придем хлеб печем и есть варим и толчем и мелем сами. Опочиву нет ни на один час. А кабы государь у нас сирот твоих женушки были мы хотя бы избные работы не знали... И вели нам государь прислати гулящих женочек на ком жениться». Царь эту челобитную без ответа не оставил и в грамоте верхотурскому воеводе Плещееву в 1630 году приказал: «... на Вологде, на Тотьме, на Устюге Великом и в Соли Вычегодской прибрати из вольных и гулящих людей в Сибирь, в Тобольск 500 человек казаков, да в тех же городах в Сибирь же, в Енисейский острог велено прибрать служилым людям и пашенным крестьянам на женитьбу 150 человек женок и девок».

Хлебные спекулянты

Семнадцатый век начался в сольвычегодском крае, как и во всей европейской части России, с неурожаев. «Бог насылал на нашу землю глад», но здесь, в далеком северном краю, никто житниц не открывал и хлеб не раздавал, как это делали по царскому приказу в Москве. Наоборот – Строгановы в Сольвычегодске и в уезде вместе с церковным начальством монастырей, детьми боярскими и зажиточными крестьянами стали активно спекулировать хлебом. Строгановы и их приказчики в 1601 году после того, как был собран плохой урожай, стали быстро скупать не только его, но и хлеб прошлых урожаев. Видимо, масштаб этих хлебных спекуляций был так велик, что слух о них быстро дошел до Москвы, и уже третьего ноября того же года в Сольвычегодск и уезд пришла грамота царя Бориса Годунова: «к Соли Вычегодской на посад и в Усолской уезд в станы и в волости, данным, и оброчным, и таможенным, и кабацким, и становым. И волостным старостам, и целовальником и судьям всей Усолийские и Вычегодские земли». Писалось в ней о том, что «Ведомо нам учинилося, что у Соли Вычегодские на посадах и в уездах хлеб дорого купят: четь ржи по рублю, овес в двадцать алтын, ячмень по тридцати алтын без гривны. <...> А архимариты, и игумены, и епискупли дети боярские, и десятильники, и Строгановы, и их приказчики, и посацкие люди, и наших волостей, и монастырских сел крестьяне, и приезжие многие прожиточные и пашенные люди меж себя сговорятся, для своей корысти, хотя хлебною дорогою ценою обогатети, тот весь хлеб у себя затворили, и затаили, и для своих прибылей вздорожили в хлебе великую цену; а которые де и

продают, и они тот свой хлеб отдают скупщиком богатым приезжим и тутошним людям на большие деньги в отвоз свалным обычаем чети по сту, и по двести, и по триста, а врознь по четям на торги не возят, и молотчим посадским людям, и нужным пашенным крестьяном никому никакова хлеба четью и осминою не продают. Да у Соли ж де Вычегоцкой на посаде многие скупщики хотя такую же корыстью хлебную продажею от дорогие цены обогатети, преже сего до нынешние поры за полгода ездя и розсылая по всей Вычегоцкой земле в станы, и в волости, и в села, и в слободы и в погосты в хлебную дешевую пору роздали и издавали на хлебе по дешевой цене многие деньги». Скупали и держали у себя в амбарах и даже необмолоченным в скирдах, а на торги и на ярмарки вывозили понемногу, «зговорясь воровством, цену вздороживая и ожидая того, чтоб им также вперед еще того больша хлеб к своей корости вздорожити <...>». Мало того, тех крестьян, которые не состояли в сговоре со спекулянтами и везли на продажу свой хлеб в Сольвычегодск, перекупщики останавливали на дороге за несколько верст до города и весь хлеб скупали. Точно так же скупали хлеб, но уже по высокой цене и у тех, кто смог довести его до ярмарки или торга. «И цена хлебу у Соли Вычегоцкой от часу прибывает и дорожает со дни на день больше прежнего; а посадским и волостным людям делается многая нужда, что им по таковой по большой дорогой цене у скупщиков и у хлебников, и у колачников хлеб зкупити не изможно».

Царь, как и полагается справедливому царю, повелел спекуляции прекратить и «тех всех людей, которые цену в хлебе вздорожили, и на хлебе деньги задатчили, и хлеб закупали, и затворили, и затаили, сыскивати, и вперед смотрети ж и беречи, и проводывати накрепко. <...> И за таким нашим царским великим утверждением, и за крепко учиненную заповедью велели есмя учинити у Соли хлебную цену одну <...> А купити есмя велели всяким людям понемногу про себя, а не в скупе, чети по две, и по три, и по четыре человеку». Велено было припрятанный хлеб найти, переписать и хозяевам этот хлеб продавать по цене и нормам, установленным царской грамотой, «а свалным обычаем многим хлебом на в скупе продавати и в отвозе отсылати не велели никому некоторым дели». Грамота предписывала «смотреть и беречи того накрепко, чтобы скупщики за город на те проезжие дороги на встречу хлеба не выходили и не закупали». Точно так же велено было следить за скупщиками хлеба на торгах и ярмарках, а тех «воров-скупщиков», кто царского указа ослушается, «по торгам бити кнутием нещадно, а ково изымают вдругие и втретие, и вы б их били кнутием, и метали в тюрьму на время». Тех же, кто решил хлеб на время припрятать, следовало сажать в тюрьму, штрафовать каждого на пять рублей, а хлеб, переписав, конфисковать и продавать по установленной цене. Правда, деньги, полученные от продажи, нужно было отдавать владельцам хлеба.

Царь Борис, чтобы, как говорится, два раза не вставать, той же грамотой строго предупредил, «чтоб у Соли у Вычегоцкой на посаде и во всем Усолском уезде и наших чорных волостей и архиепископли, и монастырские слуги, и крестьяне, и всякие люди однолично не курили некоторыми делы, и судов винных у себя не держали <...> чтоб у Соли у Вычегоцкой на посаде и во всем Усолском уезде в станех и в волостях крестьяне и всякие люди пив и вин не варили. А кому будет, для великие нужи, на великие праздники, и на родительские памети, и на родины, и на свадьбы сварити не ото многа пива, и то б с великим береженьем, чтоб в том их во многом в хмельном питье хлебе лишних расходов не было». Можно, конечно, представить, хотя и с большим трудом, что у хлебных спекулянтов, к примеру, таких как Строгановы, хлеб бдительные граждане переписали, власти его продали по установленной цене и деньги вернули хозяевам, но, чтобы на свадьбы и поминки посадские или крестьяне варили мало вина и пива...

Раз уж зашла речь о хлебе, скажем о том, как непросто он доставался крестьянам Сольвычегодского уезда в семнадцатом веке. Про климат и говорить нечего – Вычегда не Дон и не Волга возле Саратова. Еще и поле найди, годное для вспашки – вокруг болота, бескрайние леса, часто подступавшие к берегам рек. В мирской челобитной 1648 года посадские люди Сольвычегодска и крестьяне Сольвычегодского уезда просили сложить с

них недоимки, объясняя это, в частности, тем, что: «у нас земли плохие и места тесные, меж болоты, и реками мечет и песками засыпает, и пашень прибавить негде, и хлеб позябает». Каждый клочок поля приходилось отвоевывать у леса, а уже отвоеванные участки каждый год чистить от бесконечно наступающей лесной поросли. Поэтому крестьянское хозяйство представляло собой лоскутное одеяло, кое-как сшитое из разбросанных то тут, то там клочков расчищенной и вспаханной земли – один был засеян рожью, другой овсом, на третьем росла трава, а четвертый стоял под паром. Если, конечно, все эти участки не затопила, к примеру, Вычегда или другая беспокойная река, которой надоело ее прежнее русло. Кроме того, необходимо учитывать, что земля на Севере теряла плодородие куда быстрее, чем в центральной России – буквально через два или три года. В Сольвычегодском уезде крестьяне на новых участках, отвоеванных с помощью подсечно-огневого земледелия, получали один урожай в течение трех лет, а уже на четвертый год забрасывали их, так как земля к тому времени уже была бесплодна. Своего хлеба не хватало даже тогда, когда никаких катаклизмов не было, а уж когда перуанский вулкан устроил нам недород...

Бесовское умышление

Недородом, как известно, дело не ограничилось – оно им только началось. В середине января 1605 года в Сольвычегодский Введенский монастырь пришла грамота патриарха Иова о ежедневном молебствии по случаю войны царя Бориса Федоровича с Гришкой Отрепьевым и о проклятии Самозванца со всеми его сообщниками, которые по наущению «врага и поругателя христианской веры литовского короля Жигимонта» хотят «бесовским умышлением своим в Российском государстве церкви Божии разорити и костелы Латынские и Люторские учинити и веру крестьянскую попати и православных крестьян в Латынскую и в Люторскую ересь привести и погубити». Через пять месяцев восемнадцатого июня 1605 года устюжский целовальник Пятко Кисельников привез в Сольвычегодск грамоту о воцарении Лжедмитрия I. Еще через несколько дней в город пришла грамота о приведении к присяге новому царю гостей, посадских и черных людей, к которой был приложен текст крестоцеловальной или подкрестной записи, то есть присяги. Грамота заканчивалась словами: «А как всяких людей к крестному целованью приведете, и мы вас и их пожалуем великим своим царским жалованьем, чего у вас на разуме нет». В конце июня все население города, включая все семейство Строгановых, было приведено к присяге.

У сольвычегодцев и на разуме не было, что царь, которому они собираются присягать, окажется самозванцем, что первый Лжедмитрий скоро сменится вторым, второй – третьим, что впереди Семибоярщина, поляки и литовцы в Кремле, шведы во Пскове и в Новгороде, ополчение Минина и Пожарского, изгнание интервентов из Москвы, Земский собор, выборы на царство Михаила Романова, и уж точно они не думали и не гадали увидеть зимой 1613 года под стенами сольвычегодского острога трехтысячный отряд пана Якуба Яцкого, но прежде чем приступить к рассказу об этих событиях, расскажем о том, что было между принятием присяги Самозванцу и осадой города воровской шайкой поляков и казаков.

Первого декабря 1605 года Строгановы получают от Самозванца жалованную несудимую грамоту на Максима Яковлевича, Никиты Григорьевича, Андрея и Петра Семеновичей, в которой сказано, что они, как и их братья, дети и племянники «или куды пошлют людей своих или крестьян с каким товаром или без товаров и для иных каких дел» местным судам неподсудны и делах их могут разбирать только в Москве и делать это будет или сам царь, или тот, кому он прикажет. Кроме того, семейство Строгановых было освобождено от целования креста, подводной повинности и получило право держать безъявочно «про себя» питье «всякое». Это, собственно, все, что получили Строгановы от первого Лжедмитрия. После того как на московский трон сел Василий Шуйский и

началось восстание Болотникова, Строгановы всем семейством переезжают в Сольвычегодск и живут там тихо и спокойно вдалеке от театра боевых действий. Правительство нового царя несудимую грамоту Самозванца, не прибавив и не убавив в ней ни единого слова, подтверждает.

Время от времени в Сольвычегодск приходили с большой земли грамоты – в июне 1607 года от митрополита Филарета протопопу Благовещенского собора с прописанием богомольной грамоты патриарха Гермогена о молебне по случаю царского похода на войско второго Лжедмитрия, потом еще одна о молебне по случаю победы царского боярина князя Голицына над войском Самозванца, потом пришла царская грамота о трехдневном молебне по случаю сдачи мятежниками царским войскам Тулы и выдачи властям еще одного Самозванца – Лжепетра. В ноябре 1608 года устюжане прислали в Сольвычегодск письмо с рассказом о присылке из Вологды грамоты, в которой велено целовать крест «Царю Дмитрею Ивановичу», о разгроме Тушинского вора князем Скопиным-Шуйским, о походе Федора Шереметьева из Астрахани к Москве со многими воинскими людьми, о том, что галичане и костромичи «целовали были крест Царю Дмитрею, да слыша такое великое Божье милосердие, все меж себя крест друг другу целовали, что им за Государя Царя и Великого Князя Василья Ивановича всея Руси ожить и умереть <...> И вам бы к нам отписати: что ваша мысль? А пишем к вам всякие вести и совет свой о всяком Государеве деле и земском, а вы к нам ничего совету своего не пишете. <...> Пожалуйте помыслите с миром крепко, а не спешите креста целовати: не угадать на чем совершится». Что и говорить – было от чего голове кругом пойти...

Через месяц новое письмо из Устюга о немедленной посылке ратных людей к Устюгу и к Тотьме: «И вам бы, господа, ратных людей собрав тотчас, так же, как и иных городех радуют и людей собирают, отпустить вверх, к Устюгу и к Тотьме, с головами, с кем вы изволите; а с Тотьмы и до Вологды идти. Да и о том бы вам пожаловати порадеи: отписати на Вымь и к Вычегде, и на Вятку, и в Пермь Великую <...> тотчас с нарочными гонцы». Сольвычегодцы в конце декабря того же года пишут пермичам о том, что «собрали ратных людей со всяким боевым оружием <...> и ко Государю Царю и Великому князю Василью Ивановичу всея Руси на помощь послали от Соли от Вычеготкия первых людей сто пять человек Октября в 30 день <...> да с теми же, господа, с ратными людьми послали мы от Соли от Вычеготкия городского снаряду три пушечки и с ядры и с зельем» и посылают им копию письма князя Михаила Скопина-Шуйского устюжанам о ратном деле. В конце января 1609 года сольвычегодцы снова пишут пермичам и торопят их с посылкой ратных людей. В апреле им же сообщают: «Государевы денежные доходы мы у себя, с посаду и с уезду, собираем и ко Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Руси посылаем» и предлагают пермичам делать то же самое для общей пользы. В середине мая 1609 года вологжане просят сольвычегодцев срочно прислать «ратных людей и наряду, и зелья, и селитры» для освобождения Ярославля от литовских людей и казаков. Еще через неделю от царя приходит похвальная грамота вологжанам, белозерцам, устюжанам, каргопольцам, сольвычегодцам и других городов посадским и ратным людям за усердную службу. В июне сольвычегодцы снова пишут пермичам и укоряют их за непосылку ратных людей на помощь царю: «А преж сего мы к вам о том Государеве о ратном деле писали многижда, чтоб вы Государю порадели и ратных людей и всякого городского наряду, и зелья, и селитры, и свинцу, ко Государю на помощь послали: и вы Бога не боитесь, а Государя не слушаете; и вы то делаете не гораздо, Государевым ратным делом не радеете, и вам то от Бога и от Государя не пробудет».

Сольвычегодцев не зря отметили в похвальной царской грамоте – в декабре 1609 года они посылают ратных людей в район Вятки и пишут об этом пермичам: «И мы у Соли у Вычеготкия приговорили всюю землею, чтоб нам и вам Вятские земли не подати и воров бы в ваши места и к нам не пропустить: и мы, для крестьянския избавы, от Соли посылаем на помощь у Вятке ратных людей наспех, с сохи, резвых служилых людей с головами, а за тем, по вестям смотря, хотим итти к Вятке на помощь все своими головами.

И вам бы, господа <...>». Впрочем, и на этот раз пермичи остаются к увещаниям сольвычегодцев глухи. В скобках все же заметим, что в бедном в те времена Пермском крае населения было раз-два и обчелся, и потому пермичи старались посылать вместо ратных людей, наем которых обходился очень дорого, деньги. Кроме того, Пермский край посылал деньги и поставлял продовольствие в Сибирь, и от него же Москва требовала искать людей для заселения новых земель. Освоение Сибири никто не отменял. Вот и крутись тут, вот и выкручивайся...

В сентябре 1610 года в Сольвычегодск пришла еще одна грамота – тоже царская, но уже от другого царя и великого князя «Владислава Жигимонтовича всея Руси». Писал королевич Владислав о том, что «Были на нашей службе Соли Вычегоцкия даточные люди, Семейка Бобошин с товарищи, семьдесят человек и ныне, по нашему указу <...> отпущены к Соли Вычегоцкой по домам». Далее королевич сообщает, что еще часть сольвычегодцев просто разбежалась, и велит, чтобы тем, которых отпустили по приказу, выплатить жалованье за те месяцы, что они в Москве были, а тем, которые самовольно разбежались, не платить ничего. И грамота настоящая, потому как «печать у грамоты Государева, на черном воску, орел двояглавый». Вот и пойми, кто теперь на Москве царь, когда что ни год, то новый...

Седьмого апреля 1612 года в Сольвычегодск пришла грамота воеводы князя Пожарского с товарищами и всех ратных людей из Ярославля о всеобщем народном ополчении: «И, вам, господа, помня Бога и за православную христианскую веру твердое и непоколебимое собрание, денежную казну, что есть у Соли Вычегоцкой в сборе, прислати к нам в Ярославль, ратным людям на жалованье, чтоб нам всем единокупно за свою веру и за отечество против врагов своих безсумненною верою стояти. Да поревновать бы, господа, господа, пожаловати вам гостем и посадским людям, чтоб вам промеж себя обложить, что кому с себя дать на подмогу ратным людям; тем бы вам ко всей земли совершенную правду и радение показати и, собрав с себя те деньги прислати к нам в Ярославль тотчас».

И поревновали, и промеж себя обложили, и прислали, и радение показали. Не в первый раз так делали. Еще в 1608 году Строгановы начинают давать деньги правительству Шуйского на выплату жалованья пришедшим на службу в Москву дворянам и детям боярским украинских и северских городов, оставивших свои разоренные интервентами поместья. Счет идет на тысячи рублей. Понятное дело, что Строгановым и доверие властей было особое. Когда в мае 1611 года правительство Прокопия Ляпунова назначило в Сольвычегодск Ивана Чепчугова новым воеводой, то и к Строгановым обратилось с просьбой: «И вам бы, господам, с Иваном Микифоровичем промыслиати за один о всяких земских делах, чтоб вам, памятуя крестьянскую веру, помочи ратным людям казною». Строгановы из населения собственных вотчин формируют и полностью на свой счет обеспечивают отряды, которые посылают на помощь войскам Шуйского. Деньгами Строгановы ссужали не только Василия Шуйского, но и Прокопия Ляпунова. Ополчению князя Пожарского и Кузьмы Минина дали в долг четыре тысячи рублей, при вступлении на престол Михаила Романова внесли три тысячи.

Шайка пана Яцкого

Вернемся, однако, к шайке пана Яцкого, которая приготовилась брать приступом сольвычегодский острог. За несколько месяцев до того, осенью предыдущего года, сольвычегодский воевода предупредил горожан, что нужно быть готовыми к приходу польско-литовских людей, привлеченных сюда слухами о несметных сокровищах вотчины Строгановых. Осенью, однако, никто не пришел. Головорезы полковника Яцкого появились на противоположном от Сольвычегодска берегу Вычегды только двадцать второго января. Нельзя сказать, что сольвычегодцы смотрели на незваных гостей сложа руки – посадское население, строгановские дворовые люди и посошная рать, то есть

крестьянское ополчение, или посоха, аккуратно напротив крепости прорубили пешнями и топорами во льду замерзшей Вычегды огромный канал шириной несколько сажень в ширину и несколько верст в длину. Горожане вытащили на лед поближе к полынье пушки, затинные пищали и стали обстреливать поляков и казаков. Противник, который по численности и военной выучке сильно превосходил сольвычегодцев, со своей стороны сделал то же самое, да еще и стал наводить понтонные мосты через полынью. Еще два отряда разбойников обошли прорубленный канал с двух концов и атаковали посадских и посоху, которые, потеряв многих убитыми и ранеными, и без того уже стали отступать с реки на берег, к Благовещенскому собору. Большая часть защитников города, не выдержав натиска поляков и казаков, разбежалась по домам спасать имущество и домочадцев.

Стрельцы сольвычегодского гарнизона и посоха по приказу воеводы князя Григория Ивановича Гагарина собрались в огромном дворе строгановских хором, которые были так хорошо укреплены толстыми стенами и тыном с земляной насыпью, что полковник Яцкий не решился брать их штурмом. Вместо этого он повел своих грабителей на штурм острога, защищавшего Троицкую посадскую сторону Сольвычегодска. К сожалению, огромный в масштабах Сольвычегодска острог был построен на вырост, и оборонять его горсткой людей было невозможно. Поляки прорвались внутрь, но на площади у гостиного двора и соборной церкви Воскресения Христова их встретил маленький отряд посадских под командой соборного священника Леонтия. Бандиты убили их всех – и Леонтия, и двадцать шесть бойцов его отряда. Всего при штурме погибло около двухсот человек.

На следующий день после взятия острога началось разграбление посада. Поляки, литовцы и казаки ограбили собор, посадские церкви, торговые лавки, дома, перебили часть жителей и на третий день ушли вместе с награбленным по Устюжской дороге. Преследовать их гарнизон Сольвычегодска не стал.

Заканчивая разговор об этом печальном эпизоде истории Сольвычегодска, приведем письмо двух сольвычегодских старцев – Арсения и Авраама, отправленное в середине февраля 1613 года игумену вологодского Спасоприлуцкого монастыря Тихону. «В пречистую и великую обитель Всемиловитого Спаса и преподобного отца нашего и великого чудотворца Дмитрия Вологодского, государю игумену Тихону, яж о Христе и с братьею, от Соли Вычегодские, чудотворцова промысла, старцы Арсений да Авраам челом бьют: как вас Бог милует? А мы, по милости Господни, Февраля по 15 день, живы, а впредь тогож Господня воля; а у нас у Соли, по грехом нашим, Генваря в 23 день, с Двины пришли от Каргополя Польские и Литовские люди и Русские воры, и людей многих присекли, и храмы и дворы многие пожгли и пограбили; а нас Бог от них помиловал, от них утулились, а чудотворцов и ваш промысел Бог измилловал: варницы и онбар с солью уцелел; люди добрые пожаловали отняли от огня, и дворишко наше цело – хоромы и стены; а хозяйство рознесли всё и ничего не оставили, и только одни стены голые, да у нас же взяли паны мерина дрововоза ссекли; а промышлять, государи, нам ныне нечем, денег нет; кои дрова в заливе, и нам и нанять нечем дров сеччи и возить; и буде похотите промышлять, и вы бы к нам прислали денег и дьяка, не мешкая; а нам денег занять не у кого; а буде не пришлете вскоре ни денег ни дьяка, и нам одному коему-нибудь к вам брести к Вологде, что нам двум жить не над чем, нет ни денег ни хлеба; а старой наш двор воры сожгли весь, лише одна горница осталась; а соли у нас уварено всее соли прошлогодней онбар не полон, а числа не ведаем, много ли Бог даст мало ли; а нам жити не у чего. А после мы разоренья пришли к Соли, и мы на первое купили ковригу хлеба и дали алтын; да и ныне также покупаем; а у клетей и замки и двери высечены, и замки сломаны и у анбаров; да пожалуйте, мне Аврааму сапоги пришлите; а что сказали взять мне у старца сапоги, и мне старец не дал сапогов, а я волочусь в лаптях ныне; а у нас соли пуд по два алтына две денги купят, а бегали мы от воров на Лальское, и сидели в осаде, 12 ден не выпустили нас, и мы оттоле приехали на Виледь на засеку, и нас оттуда не отпустили 3 дни; а мы вам мало пишем, а много челом бьем: будите здравы о Христе».

Новый острог

Острог, который взял штурмом отряд Яцкого, был предпоследним в истории Сольвычегодска. Уже после того, как поляки взяли острог приступом, посадские люди писали царю: «...и велик и не по людям, и посадить было такого великого острогу в осадное время ратным некем». Через шесть лет после разграбления города поляками и казаками в город пришла царская грамота, которая предписывала поставить новый острог, чтобы поляки и литва, «пришедшие безвестно, Соли Вычегоцкия изгоном и оманом не украли и какова дурна не учинили». По царской грамоте нужно было еще и засеки по уезду ставить и на эти засеки посылать людей из посада и уезда, вооружив их огнестрельным оружием, луками и рогатинами.

Новый острог меньших размеров и более приспособленный к защите имеющимися силами велено было поставить внутри остатков старого, слишком большого. Собрали для этого с посада и монастырей деньги, наняли артель своих же усольцев – артель некоего Андрюшки Ярового, который начал строить... и не закончил. Стройку пришлось заканчивать посадским и уездным крестьянам. Заканчивали долго, в течение нескольких лет, и все эти годы ругательно ругались с Андреем Семеновичем Строгановым. Дело в том, что царь велел воеводе при строительстве острога советоваться с «лутчими» людьми посада, первым среди которых был, конечно, Строганов. Вот именно с ним посадские и не хотели советоваться. С какой стати, спрашивается, советоваться, если во время штурма острога и разграбления города Андрея Семеновича и всей его родни в Сольвычегодске не было – Строгановы заблаговременно уехали подальше от опасности. С какой стати, если острог строится на деньги посада и монастырей. Завязалась бурная переписка – Андрей Семенович писал царю, что посадские царского указа не слушаются и вместо того, чтобы ставить новый острог внутри старого и вокруг Благовещенского собора, ставят новую крепость на Никольской стороне города – возле своих посадских домов. Между прочим, доводы у Строганова были вполне резонные – новый острог окружали высокие храмы, и с их колоколен и крыш прекрасно он просматривался и простреливался. Андрей Семенович обещал отдать под новый острог в нужном месте половину своего двора, огород и сто рублей, просил царя прислать новый указ, но... нашла коса на камень. Посадские тоже умели писать и писали царю о том, что Строгановы, предлагая поставить новый острог возле Благовещенского собора, хотят укрепить от весенних паводков свои дворовые места, расположенные на берегу Вычегды, за счет посада. Мало того, Строгановы уже успели построить на территории нового острога свои дворы и амбары. Между прочим, на посадской земле, которая им не принадлежит. Строгановы уже истратили на строительство новой крепости четыре тысячи рублей, и от таких расходов многие посадские и крестьяне Сольвычегодского уезда обнищали. В 1626 году в Сольвычегодск для «городового дела» был прислан князь Вяземский. В городе к тому времени уже стояло два острога – старый, пострадавший от поляков и новый, построенный не там, где приказывал царь и хотели Строгановы. После того, как Вяземский уехал, в Сольвычегодске появился третий, совсем маленький острог, вокруг Благовещенского собора, и этот третий... тоже был построен на деньги горожан.

По писцовым книгам 1625 года новый городской острог был меньше старого, построенного в самом начале семнадцатого века. Периметр стен составлял около полутора километров, то есть на пятую часть меньше периметра стен старого острога. Острожные стены высотой три сажени стояли на высоком земляном валу. Двадцать две башни, в числе которых было шестнадцать глухих и шесть воротных, стояли плотно. Названия пяти воротных башен нам известны – Кабацкая, Орловская, Введенская, Воскресенская и Спасская, в которой находились главные ворота острога. Крепость была окружена рвом глубиной три с небольшим метра и шириной немногим более шести метров. От ворот Спасской башни через ров шел мост, а на дне рва с той стороны, где

вероятнее всего неприятель пойдет на приступ, был поставлен мелкий тын или частик из заостренных бревен. На других сторонах во рву вкопали надолбы – наклонные в сторону противника заостренные бревна. В стенах острога были проделаны бойницы для обстрела неприятеля, и для обороняющихся были сделаны специальные полаты, на которых они могли стоять с оружием в том случае, если враг прорвется к стенам. Конечно же, острог был снабжен огнестрельным оружием. В казенном погребе хранилось более семисот железных ядер разного веса и калибра, около шестидесяти затинных пищалей разной длины и к ним тысяча триста железных ядер, сорок шесть ручных пищалей, к которым не было замков, четыре немецких полностью исправных пищали с замками, три тюфяка, то есть дробовика, около тысячи железных пуль, около пятисот свинцовых и семьдесят железных ядер «нихкоторым пищалем ни пригодятца». В тринадцати бочках хранилось пятьдесят семь с небольшим пудов пороху. К пороху прибавим полтора пуда свинца к затынным и ручным пищалям, два пуда железной дроби, три с лишним пуда железных огарков, полторы гривенки горючей серы, сорок шесть фитилей и около двух пудов покони, то есть конопля, из которой фитили и делали. Внутри острога поставили воеводскую избу, пять деревянных церквей, съезжую и таможенную избы, кабак и лавки³⁸. Между прочим, отмечено, что пищали немецкого дела «куплены у города на мирские деньги <...> две пищали медные в длину полусеми пяди, да пищаль же медная в длину полустеши пяди, а те медные пищали деланы у Соли на мирские деньги, пищаль железная в длину полудевяти пяди делана у Соли ж».

К описанию всех этих фортификационных и артиллерийских подробностей добавим, что по составленной через два года росписи казенных артиллерийских запасов видно – пушки и пищали уже не стояли на своих местах у амбразур крепостных башен, а лежали под сараем у съезжей избы и в казенном погребе. За год до этой переписи в Сольвычегодске случился сильный пожар, в результате которого сгорело около двух сотен посадских дворов, хлебные и соляные амбары, съезжая, таможенная, воеводская и дьяческая избы, харчевни, осадные дворы, шестьдесят семь лавок. Новый городской острог, конечно, тоже пострадал.

К счастью, на Сольвычегодск после несчастного случая в тринадцатом году, никто не напал, но перепись артиллерийского наряда велась регулярно. В этих описях ничего нового нет – только раз от разу число неисправных артиллерийских стволов становится больше – то станки у пищалей изломаны, то замки, то «у запалов изорвало, а третью затынную пищаль изорвало всю», а то и вовсе в конце списка можно будет прочесть: «три комка железных горелых ни к чему не годятца». Стоит процитировать полностью только одну запись 1645 года: «пушка медная – змей, длина два аршина с полувершком, весу девять пудов с четвертью, подпись на ней: Семь тысяч сто двадцать втораго году Генваря вдвадесятый день, Великого Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Руссии тое пушку лил мастер Мокий Гребешков у Соли Вычеготцкой». Выходит, что не только пищали, но и пушки могли отливать на сольвычегодском посаде. В первой четверти семнадцатого века далеко не каждый уездный город в Московском царстве мог похвастаться такими мастерами.

Пройдет еще чуть более полувека, и в переписной книге 1678 будет сказано: «Тех двух острогов и земляного валу ныне ничего по переписи не объявилось; около дворов именитых людей Строгановых был деревянный же острог и того острогу стоят две башни, одна проезжая, а другая глухая, гораздо ветхи и розвалились».

И еще одна маленькая, но важная деталь, имеющая отношение и к сольвычегодскому острогу, и к Строгановым, и к Сольвычегодску. Двадцатого октября 1629 года новый сольвычегодский воевода князь Никита Гагарин посылает в Устюжскую четверть отчет о принятии дел у прежнего воеводы князя Ивана Хилкова, в котором пишет: «а ключей <...> острожных мне <...> не дал, а речью сказал, что острожные ключи живут у Андрея да у Петра да у Ивана Строгановых».

Прежде чем перейти к занятиям сольвычегодцев в семнадцатом веке, скажем о том, что в Сольвычегодском уезде имелось на случай войны или, не приведи Господь, еще одной Смуты, еще несколько маленьких и очень маленьких острожков. Возле Ратмировского погоста, состоявшем по писцовым книгам 1645 года всего из шести бобыльских дворов, стоял пустой, полусгнивший и развалившийся острожек под названием Рахлей, в котором «погреб казенный с клетью, около погребы тын стоячей на иглах, а на погребе три пищали затинных, к ним тысяча ядер железных, да пищаль затинная испорчена, да двадцать ручниц, да три пуда пороху, пуд свинцу, да в двух ящиках пятьсот стрел и тот тын замкнут и запечатан, приказано беречь городничему деревни Кузьминской Федке Федотову».

В Ильинской волости погост, а около погоста острог, в котором четыре пищали затинные, пятая испорчена, два десятка ручных пищалей, пять пудов пороху, пуд свинцу, почти две тысячи ядер железных и триста восемьдесят «стрел лучных, да четыре лучишка черемеских». Середина семнадцатого века, артиллерия уже давно бог войны, а в ящиках на всякий случай еще хранятся стрелы. Мало ли какой... В изданном «Месяцослове историческом и географическом на 1792 год» об этих и других городках, от которых к тому времени остались только давно оплывшие валы, рвы с лягушками и ветхие деревянные церкви, сказано: «Но когда, кем и на какой случай городки сии построены, никакого известия ни писменного, ни словесного не имеется».

Пять сороков соболей

Теперь поговорим о том, чем же занимались жители Сольвычегодска в семнадцатом веке. Прежде всего на ум приходит соль, но как раз именно с солью и были проблемы, поскольку соляные источники в результате такой интенсивной эксплуатации начали истощаться, концентрация соли в них упала, и к концу семнадцатого века они потеряли свое промышленное значение. Сольвычегодское солеварение стало приходить в упадок. Приведем только один пример: в 1626 году строгановский вотчинный Введенский монастырь продал шесть с лишним тысяч пудов соли, а в 1679 году – тысячу семьсот, то есть более чем в три раза меньше. Это при том, Строгановы Введенский монастырь конкуренцией не душили.

Истощение сольвычегодских источников на Строгановых мало отразилось – они просто перенесли центр соледобычи в свои пермские вотчины, где соляные источники в районе Соли Камской были куда богаче. Вслед за солеварением в пермские вотчины стало перемещаться железоделательное производство, а за железом потянулись и кузнецы. Упадок солеварения привел и к упадку посада. По переписи 1644/45 годов на посаде осталось всего три «лутчих» двора, девятнадцать «средних», а кроме категории «молотчих», то есть бедных дворов, которых насчитали сто восемнадцать, появилось пятьдесят три «самых молотчих» дворов, то есть беднее некуда, два десятка вдовьих дворов, а тридцать шесть дворов просто опустели. Оставшиеся крупные солепромышленники продавали соль уже не тысячами, а лишь сотнями пудов. В 1642 году посадский человек Петр Гогунин за четыре раза привез в Устюг водой и на лошадях тысячу семьсот пудов соли. Все же пять строгановских варниц в Сольвычегодске за весь семнадцатый век произвели около трех миллионов пудов соли. Лишь небольшая ее часть поступила на сольвычегодский торг – большая часть была продана в других городах. Да и в Сольвычегодск за солью приезжали редко – в 1651 году приехало три покупателя, купившие соли на двадцать рублей, а на следующий год еще три, купившие соли и вовсе на два, четыре и шесть рублей. Приезжали покупать устюжане. По устюжским таможенным книгам можно видеть, что седьмого февраля 1677 года «Устюжанин Андрей Афонасьев Чюприяновских с товарищем приехали от соли Вычегоцкой, явили по усольской выписи сто пудов соли и продали на Устюге, цена десять рублей». Сами сольвычегодцы приезжали в Устюг продавать соль. Пятнадцатого июня 1679 года «Соли

Вычегодской Введенского монастыря слуги Андрей Иванов Квасников явили соли восемьдесят пудов. Да слуга же Анисим Савельев Дементьевых явил соли сто двадцать пудов. И тое обое соль продали они слуги, на Красном бору, цена двадцать рублей». Приказчик Строганова Иван Перфирьев продал двадцать пудов соли на два рубля, слуга Спасского Прилуцкого монастыря Иван Лукин продал шестьдесят пудов соли на шесть рублей... Не бог весть какие обороты, если честно.

В конце первой четверти семнадцатого века сольвычегодский торг представлял собой пятьдесят четыре лавки, полтора десятка лавочных мест, семь амбаров, девять харчевен и двадцать одну кузницу. Торговали в первой четверти семнадцатого века тем же, чем и в последней четверти шестнадцатого. К тому, что уже было сказано о сольвычегодской торговле шестнадцатого века, можно прибавить большое количество овощей, которое привозили жители Вологды и Тотьмы. Ассортимент был, мягко говоря, скромный – лук, чеснок, капуста. Из Вологды привозили не только овощи, но и кожи, рубахи, мыло, грубое домотканое полотно, обычно крашеное в синий цвет, кожаные рукавицы, нашивки в виде двойных полосок тонкой телячьей кожи с плетёными из этих же полосок пуговицами или, как их тогда называли, опойчатые нашивки. Из Устюга привозили хлеб, домашний скот, железо, лен. Таможенные книги говорят о том, что средние и мелкие торговцы везли сапоги, лоскутья, орехи, сало, карты, изюм, медь, замки, иконы, сушеные грибы, икру и красную рыбу с Печоры, писчую бумагу и железные полицы для цренов. Большие партии хлеба скупало на сольвычегодском торгу московское правительство. Торговали дровами – варницы требовали большое количество топлива. Самым интересным и самым дорогим товаром была конечно же пушнина. К началу семнадцатого века пушного зверя на европейском русском Севере большей частью выбили. Основным источником пушнины стала Сибирь. Меха на сольвычегодский торг привозили сибирские купцы, устюжане и сольвычегодцы, промышлявшие их скупкой за Уралом. В 1626 году «Усолец Пимен Стрекаловских явил 5 сороков соболей, цена 140 рублей <...> усонец Треня Исаков явил 71 соболь, цена 35 рублей <...> усольского уезду Микифор Леонтьев да Спиридон Осипов явили 4 сорока, 20 соболей, цена 110 рублей». Таких записей в таможенных книгах не одна, не две и не двадцать. За соболями приезжали богатые и очень богатые покупатели из Москвы, которые приобретали в Сольвычегодске соболей на многие сотни и тысячи рублей. К примеру, в 1642 году купец гостиной сотни Данила Панкратьев скупил в Сольвычегодске на ярмарке одних соболей на шесть тысяч рублей. Торговали не только соболями, но и куницами, лисицами, норками, бобрами и белками. В некоторые годы первой половины семнадцатого века оборот распроданного на сольвычегодском торгу меха составлял от двадцати до тридцати тысяч рублей. Зажиточные люди сольвычегодского посада не оставались безучастными к торговле пушниной и на свои деньги снаряжали ватаги промышленников, уходивших в Сибирь за соболем. Некоторые сольвычегодцы и сами по себе уходили в Сибирь на пушной промысел. Уходили не от хорошей жизни, а от бедности. Уходили и жили на промыслах годами – кто два года, кто пять лет, а кто и десять. При этом в Сольвычегодске эти люди посадские пошлыны платить переставали, что, понятное дело, никак власти не устраивало. У сольвычегодского воеводы был повод для беспокойства – в период с 1655 по 1657 год в Мангазейский уезд ушел шестьдесят один человек, а в период с 1666 по 1667 год в Енисейский уезд ушло почти сто человек. Крестьян ловили на дороге и возвращали домой. Тех же, кто ушел в Сибирь вместе с женами и детьми несколько лет назад, надлежало найти и вернуть.

У большой дороги

Из указной грамоты 1625 года Устюжской четверти к Соли Вычегодской к писцам о сыске и свозе крестьян, бежавших в Сибирь: «А которые крестьяня з женами и з детьми побежали было из Усольского уезда и на дороге переиманы, а в побеге и в житье

подаваны на поруки з записьми, да с теми-ж крестьяны взята верхотурская проезжая грамота, что отпущены с Верхотурья в Усольской уезд Евсюк Васильев, Лучка Микулин по жены и по дети, и про тех крестьян про Евсютку и про Лучку, да и про иных крестьян, которые из Усольского уезда в Сибирские города вышли в прошлых годах, сыскати про них всякими сыски накрепко, хто имянем из Усольского уезда ис которые волости и деревни и в котором году в которые Сибирские города вышли, и после их хто ныне теми их жеребьи земли владеет и тягло платят, или те их жеребьи и ныне лежат в пусе. Да будет по сыску тем крестьяном Евсютке Васильеву и Лучке Микулину или иным которым крестьяном тому, как они из Усольского уезда вышли в сибирские города, меньше 10 лет, сами живут в Сибири, а жены их и дети живут ныне в Усольском уезде, и к тем крестьяном в Сибирь жон их и детей из Усольского уезда не выпускать и тех всех крестьян самих, которые живут в Сибири, с женами и без жон из Сибирских городов, где хто ни живет, вывести к Соли Вычегоцкой по прежнему на житье на старые их жеребьи, где хто в которой волости и на котором жеребью наперед сего жил. А будет ис тех сошлых крестьян, которые ныне из Сибири пришли по в Усольский уезд по жены и по дети, и вперед которые так же по жены и по дети учнут приходить, или будет которые крестьяня, на то смотря, потому-ж из Усольского уезда учнут вновь подыматца бежать в Сибирь, или инуды куды ни есть, и о тех о всех беглых крестьянх в Усольском уезде заказ крепкой учинить и велеть их, имая, давати в жите на крепкие поруки з записьми, что им из Усольского уезда, покиня свои жеребьи, в Сибирские ни в которые города и инуды никуды ни выходить, а жити им з женами и з детьми в Усольском уезде на старых своих жеребьях, где хто в которой волости наперед сего жил, и тягло им тянуть по прежнему с мирскими людьми вместе».

Расцвет торговли пушшиной в Сольвычегодске пришелся на вторую половину семнадцатого века. Как только торговые пути в Сибирь и обратно стали проходить южнее, Сольвычегодск оказался не у дел, и торговля соболями пришла в упадок. К восемнадцатому веку от нее и следа не осталось.

Участие Сольвычегодска в сибирских делах, как мы уже говорили, не ограничивалось посылкой людей для закупки пушнины. Через Сольвычегодск и уезд шло сообщение с сибирскими городами в двух направлениях, и ямская повинность легла на уезд тяжелым бременем. Нужно было доставлять почту, во-первых, зимой по направлению на Соликамск до Кайгорода – полтысячи верст, а летом – водным путем до Соликамска; во-вторых – через Уральские горы до Березова. Эта дорога была длиной в три тысячи верст. Кроме того, нужно было давать подводы до Пустозерска, до которого было полторы тысячи верст, и до Вятки. Подводы с лошадьми и лодки нанимали у местных крестьян, а за наем нужно было платить очень немалые прогонные деньги. К примеру, наем подводы на расстояние пятьсот верст стоил пять рублей, а на три тысячи — тринадцать. Если все умножить на количество подвод в год... Огромные деньги в Московском государстве первой половины семнадцатого века. Особенно для бюджета Сольвычегодского уезда. Прибавим сюда убытки от палых и хромых лошадей. Собрать ямские деньги со всего уезда было настолько непростой задачей, что сольвычегодский всеуездный староста назывался еще и всеуездным ямским земским старостой.

И это не все. В январе 1635 года московские власти издали указ, по которому города, приписанные к Устюжской четверти, а Сольвычегодск был именно таким городом, были обязаны выделить десять человек, «которые б были не воры и прожиточны, и душею прямы» для посылки их в сибирские города на должности таможенных голов. Вот и найди им не воров, да еще и прожиточных, когда в самом Сольвычегодске прожиточных раз-два и обчелся. И такие указы с требованием людей в сибирские города приходили регулярно – то нужно специалистов по поиску соляных источников, то соловаров, то железную руду нужно искать, то выплавлять железо, то кузнецов подавай, то судовых плотников с оснасткой, и посылай их на Верхотурье строить суда под хлебные запасы, предоставить которые от сольвычегодского воеводы регулярно требуют вышестоящие

инстанции. Нет плотников – давай денег на плотников, не можешь прислать хлебные запасы – собери денег на их оплату, и все это срочно, немедленно, и каждый месяц шлют тебе не одну и не две указные грамоты и требуют выслать, доправить...

Конечно, расположение на сибирском тракте очень способствовало превращению Сольвычегодска в торгово-ремесленный центр, а не просто в место, где покупают и продают. Одних только кузниц на сольвычегодском посаде в середине семнадцатого века было сорок восемь, и занимались они не только ремонтом и изготовлением цренов для местных нужд, а в огромном количестве делали серпы, ножи, топоры, подковки для сапог, замки, ключи, оружие для промыслов, ножницы, иголки, буровой инструмент, гвозди, судовые снасти и якоря, которые обозами везли и везли в Сибирь.

Правда, в городе у большой дороги случалось разное... В 1627 году проезжали через Сольвычегодск новоназначенные сибирские воеводы – князья Семен и Михайло Гагарины, князь Рыщеховский, князь Михайло Белосельский и Иван Волинский. В Сольвычегодске они, как и все командировочные, уехавшие на большое расстояние от того места, откуда их командировали, то есть от Москвы, здорово перепились и в пьяном виде, как потом сами признавались, «в колокол велели звонить в церкви у Воскресенья для сполуху <...> вышли тут же на площадь с достальными своими людьми с самопалы, и з саблями, и з луки, и з стрелами, и з чеканы и велели они в них стреляти из самопалов и из луков побирати на смерть». В пьяном виде ходили по улицам, били в барабаны и на базарной площади стреляли в разбегающихся посадских. Сольвычегодский воевода... сидел тихо и на улицу носа не показывал – что он мог сделать с князьями и такими же, как он, воеводами... Через какое-то время пьяные воеводы со своими людьми все же выехали по дороге на Кайгород более чем на ста подводах, реквизируя при этом около тысячи лошадей у посадских, уездных крестьян и даже у Строгановых. Видимо, воеводы и их люди, уезжая из Сольвычегодска, прихватили с собой все, что было им нужно для продолжения банкета, а потому водку пьянствовать и безобразия нарушать продолжили по дороге. Проезжая по уезду, они у крестьян «дворы пограбили и житницы разломали и хлеб и овес с собою имели, а иной хлеб, рожь и овес, и ячмень по улицам сыпали и людей саблями били и лошади крестьянские и Строгановы и монастырские и Устьяжские многие с собою <...> погонили в лишке». В двух верстах от Сольвычегодска пьяные подчиненные князя Семена Гагарина встретили людей Петра Семеновича Строганова, ехавших с хлебом, избили их и четырех лошадей отняли. Со Строгановыми они, конечно, зря связались. За их бесчестие и за бесчестие их людей полагалось по царскому указу сто рублей штрафа. Их челобитные разбирал сам царь или человек, которого он назначит. Петр Семенович немедленно накатал жалобу, в которой писал: «И человек мой Ивашко почал тому Дорофейко с товарищи говорити: «Што де ты, Дорофей, делаешь негораздо, бьешь и грабишь?» И как того Дорофейка человек мой Ивашко опознал, и он Дорофейко с товарищи начал ево Ивашка и досталь бити на смерть, и хотел ему тот Дорофейко отсечи голову, и человек мой укрылся рукою, и у него саблею отсек руку, и он упал заумертв»³⁹.

К счастью, такое случалось редко. Куда чаще сольвычегодцам приходилось терпеть утеснения от своих же воевод. Сказать, что воеводы брали взятки, значит не сказать ничего.

Воеводы

Поборы начинались еще до того, как воевода приступал к исполнению своих обязанностей. В 1635 году воевода Федор Головачев, только приехав в Сольвычегодск и еще не вступив в должность, потребовал с мира четыреста тридцать рублей. Этими деньгами дело, конечно, не ограничилось. Головачев, вмешиваясь в земские выборы, сам назначал выборных к разным казенным службам, нимало не считаясь с очередью. За такие назначения он брал с каждого выборного откупного по пять рублей. Подписывать результаты таких, с позволения сказать, выборов, сольвычегодцы должны были под

угрозой битья батогами. Посадского целовальника, отказывавшегося поставить свою подпись, воевода «убил на правеже и ноги ему переломал». Руки в казну Головачев запускать при каждом удобном случае – каждый раз при отправлении налогов в Москву брал три рубля. Буквально отбирал у земского старосты деньги за сено и дрова, хотя тот предоставлял ему эти припасы бесплатно. О съестных припасах и говорить нечего – ежедневно брал у старосты «многие харчи во весь год хлебом и калачами, и рыбою и живыми быками», а ему приказывал списывать эти продукты на проезжавших через Сольвычегодск сибирских воевод. У себя на дворе Головачев устроил две пивоварни, для которых хмель и солод требовал у сольвычегодцев.

Теоретически на воеводу можно было пожаловаться в Москву, и тогда начиналось следствие, но... оно могло длиться долго, а воевода, продолжавший исполнять свои обязанности, мог жалобщикам испортить немало крови, и потому жаловались на воевод обычно после того, как их переводили в другое место после окончания срока. Видимо, Головачев успел насолить сольвычегодцам так, что ждать окончания срока его службы и потом писать челобитную они не стали. Из жалобы сольвычегодского воеводы в Москву следовало, что посадские, по наущению видной местной посадской семьи солепромышленников Гогуниных вместе с земским старостой и целовальниками во главе, двенадцатого февраля 1636 года составили заговор с целью его, воеводу, убить, а занимаемый им двор сжечь. Заговорщики наняли шестьдесят человек «посадских безместных людей, ярыжек» и тринадцатого февраля после обедни ударили у церкви Климента Чудотворца в набат. Нанятые посадские пришли к воеводскому двору «с луки, с пищали и с ослопы, и с камнем, и с бревны, и с соломою, и с огнем, и с топоры, и у двора ворота выломили». Двор подожгли, воеводу связали, а имущество его разграбили, приговаривая при этом «которые де мы деньги давали, те и взяли». Собралась толпа, ругательски ругающая воеводу. Кое-кто предлагал и вовсе Головачева убить. Мздоимца спасли Андрей и Петр Строгановы, выступившие посредниками между ним и сольвычегодцами. Так или иначе дело дошло до царского суда. Головачев хотел помириться с посадскими, вернув им те самые четыреста рублей, с которых началось его воеводство, но горожане отказались, и тогда обе стороны обратились в приказ решить дело пыткой – воевода предлагал пытать предводителя посадских Гогунина, а Гогунин со своей стороны предложил пытать Головачева, обвиняя его в поклепе. Царь, рассмотрев дело, приказал произвести в Сольвычегодске большой повальный обыск. Ко всему вышесказанному о мздоимстве Федора Головачева можно добавить только одно – летом того же года в Сольвычегодске вспыхнули беспорядки, связанные с поборами нового воеводы Федора Левашова, который, как только приехал, объявил, что за свою смоленскую службу пожалован воеводством в Соли Вычегодской. Воевода понимал свое пожалование просто – его обязаны кормить в самом прямом смысле этого слова «и харчи всякие носить на двор по вся дни»⁴⁰. Надо сказать, что Левашов в своей трактовке воеводства как кормления был не первый и не последний. Расходные книги всеуездных земских старост сохранили нам многочисленные случаи этих кормлений.

Возьмем, к примеру, сольвычегодского воеводу Якова Булычева, управлявшего городом и уездом в 1674–1675 годах. Исправлявший в то время должность всеуездного земского старосты Роспута Пихтусов был человеком ответственным и все расходы скрупулезно записывал. Приезд воеводы отмечали в новой избе. Спонсором новоселья выступил староста Пихтусов. Кроме того, самому воеводе староста по старой и недоброй традиции дал денег в почесть, то есть взятку. Почесть дворецкому воеводы в большие праздники составляла три алтына и две деньги. Такую же сумму получала воеводская жена, а в другие праздники и при трапезах – алтын и четыре деньги. Столько же получала воеводская внучка. Пришел староста на обед к воеводе – принес в почесть денег. Людям воеводы на весь его двор вручалось всегда одна и та же сумма – три алтына и две деньги не зависимо от размера праздника. Ключник, повар и конюх всегда получали по одному алтыну. В октябре 1675 года в разных числах состоялись именины воеводы и его жены. На

именины были приглашены мирские люди, как тогда говорили, «хлеба есть». Вот только хлеб этот и не только его они приносили с собой – к именинам воеводской жены семгу свежую и соленую, щук, язей, сигов, палтусов, тесто и рыбу для кулебяк. На именины самого воеводы одной только семги принесли три килограмма, полпуда сигов, трех щук, палтуса и «свежих рыб всяких». На свадьбу воеводского человека Наума пригласили старосту с целовальниками и посыльщиком Петром. Гостям пришлось принести костреп мяса, свиной окорок и подарить новобрачным полтину денег. Ну, а воеводе, его жене, внучке и всем остальным приглашенные дали денег как для обычных праздников. Когда в семье дворецкого родилась дочь, староста дал денег сначала на родину, потом продукты и деньги на крестины, потом были именины самого дворецкого, и снова старосте пришлось нести деньги имениннику, его жене и детям... И это не все. Приезжал навестить мать пасынок воеводы, прогостил полтора месяца, и когда уезжал, староста его слугам дал почесть деньгами. Для обработки воеводского города Пихтусов нанял конечно же за мирские деньги человека для вспашки, унавоживания и боронования, потом для разделки гряд и посадки рассады, потом для полива капусты...⁴¹. Если вы думаете, что в соседних Устюге или в Тотме, или не в соседней Чухломе было по-другому, то ошибаетесь.

Не везло сольвычегодцам с воеводами, что и говорить. В 1644 году в Сольвычегодске на воеводстве был князь Кольцов-Масальский. Против обыкновения это был человек порядочный и справедливый. По тогдашним правилам воеводе через год меняли. В Москве не без основания полагали, что воевода, если дать ему сидеть на одном месте больше одного года, так станет брать... Можно сказать, что Кольцов-Масальский был не то что исключением из правил, но... Всеуездный сольвычегодский мир отправил царю челобитную, в которой свидетельствовал, что их воевода государю радует, взяток не берет, убытков и насилия не чинит, торговле не мешает и мирских людей оберегает, а потому сольвычегодцы, опасаясь, что при преемнике князя Кольцова-Масальского может быть хуже, просили оставить им прежнего воеводу еще на год. Царь разрешил.

В промежутке между воеводами Головачевым и Булычевым, в июне 1648 года из столицы в Сольвычегодск был прислан дворянин Федор Приклонский для сбора денег на жалованье ратным людям. Сумма была огромной – пятьсот с лишним рублей. Собирали эти деньги правожом. Сольвычегодцы решили умиловить Приклонского самым простым и известным им способом – собрали двадцать рублей и... Приклонский их взял, но как раз в это время приехавшие из Москвы сольвычегодцы рассказали о том, что делается в столице, что там бунт, что московские посадские люди и стрельцы, недовольные налогом на соль, введенным правительством боярина Бориса Морозова, жгут и разоряют боярские дворы, что Приклонский собирает деньги для Морозова, которого царь уже отправил в отставку и ссылку... Сольвычегодцы подумали и решили двадцать рублей мирских денег вернуть. Уездный земский староста Богдан Шулеповский и площадной подьячий⁴² Давид Хаминов пришли к Приклонскому и потребовали вернуть деньги обратно. Хаминов еще и пригрозил Приклонскому: «Будет тебе то же, что было от нас воеводе Федору Головачеву и воеводе Алексею Большову, будет и тебе смертное убийство». Толпа, собравшаяся вокруг воеводского двора и двора, в котором находился Приклонский, стерегла обоих всю ночь. На утро у Приклонского отняли царский наказ, по которому он собирал деньги на ратных людей, все бумаги, все деньги и все имущество, которые при нем были, а самого жестоко избили. Как только Приклонский очнулся после побоев – так сразу и ушел на двор к воеводе, князю Шаховскому, а от воеводы – в соборную церковь, надеясь там отсидеться. Сольвычегодцы, узнав, что он жив, пошли в церковь, но... ее взяли под охрану люди Строгановых. Как только стемнело, Приклонский бежал в Москву.

Ювелиры и мыловары

По перечневой росписи 1647 года мы можем судить о том, что представлял собой Сольвычегодск около середины семнадцатого века: «У Соли на посаде изба съезжая да две избы таможенных, двор воеводской, двор казенной зелейной, двор кабацкой, погреб кабацкой, изба кабацкая, на притыке три двора Строгоновых, двор протодьяконов, двор Суконной сотни, двенадцать дворов поповых, три двора дьяконовых, восемь дворов дьячковых, десять дворов понамаревых, три двора просфирницыных, двор вдовой попадьи, двор да два места дворовых отписных, двести тридцать дворов посацких, а людей в них двести семьдесят человек, двор Гостиные сотни, два двора Суконной сотни, семь дворов мирских всеуездных, два двора подьячих, двор понамарев, три двора монастырских. <...> Да семьдесят четыре кельи, питаются христовым именем, восемнадцать дворов пустых, восемнадцать мест дворовых».

К концу семнадцатого века количество дворов вырастает до четырех с лишним сотен, а общая численность всего населения Соли Вычегодской составляет от двух до двух с половиной тысяч человек, то есть больше, чем сейчас, в конце первой четверти двадцать первого века. Весь сольвычегодский посад делился на «концы» или «стороны». Сторон было две – Никольская и Троицкая, а уже стороны состояли из улиц и переулков. Имена улиц, пусть и не всех, известны из документов того времени: Горная, на которой стоял государев зелейный двор, два кабака и дворы на приезд приказных людей и всяких, Кабацкая, на которой, кроме кабака, стоял двор воеводы, улица Строгановых, Полянская, Береговая, Березовская, Прямая, Ворыпаеха и переулки, на которых стояли дворы посадских людей⁴³. Поскольку Сольвычегодск был городом не только торговым, но и ремесленным, то в нем проживали иконники, красильники, медники, оловянники, часовщики, столяры, каменщики и портные. Многочисленные кузнецы были записаны в железо-кузнечный цех, сапожники – в чеботно-сапожный, а чеканщики, мастера серебряного и финифтяного дела составляли отдельный цех.

О сольвычегодских ювелирах следует сказать отдельно. В середине семнадцатого века они достигли такого уровня мастерства, что пятерых из них – Томилу Васильева, Бориса Герасимова, Афанасия Козлова, Петра Наземова и Федора Суворова – пригласили для работы над окладами икон московского Успенского монастыря. Сольвычегодские мастера серебряного дела в своих изделиях широко использовали финифть. Лучшие образцы сольвычегодской или усольской финифти хранятся теперь в Оружейной палате. Там хранятся сделанные в 1695 году сольвычегодскими мастерами на заказ для патриарха Адриана сделанные ставик – вместилище для столовых ножей, позолоченные рукояти которых украшены финифтью. Священнослужители и вообще были большие любители красивых столовых ножей. В 1681 году на церковный обиход для Устюга были куплены у сольвычегодских мастеров двадцать два серебряных ножа с чеканными оправами, а к ним пятьдесят пять ножей с медными оправами, украшенными сканью и финифтью. Через десять лет архиепископ Великоустюжский и Тотемский велел послать в Соль Вычегодскую для переделки вилки. Сольвычегодцы выгодно продавали свои изделия, украшенные финифтью, и в Москве. Продавали не только ножи, но и медные чернильницы, тарелки, шкатулки, чарки, перстни и пуговицы. На устюжских ярмарках изделия усольских мастеров, как можно видеть по тамошним таможенным книгам, не переводились. Вот только несколько примеров. Шестого апреля 1676 года сольвычегодец Яков Дубровин «явил и продал на Устюге ножи с серебряною и с медною оправою, и чернильниц медных, и череня, и перстней, и пугвиц медных с финифтом, всего на девять рублей и двадцать алтын». Дубровин торговал своей продукцией в Устюге регулярно. Двадцатого июня «Соли Вычегодской Андрей Аристов явил и продал на Устюге ножев с медною оправою, и черенов с медною ж оправою, всего на четыре рубля». Первого июля «Соли Вычегодской Сергей Федосеев явил и продал на Устюге ковш да чарку медные с финифтом, да ножев и череня с медною оправою, и перстней, и пугвиц, и чернильницу медные <...> Григорей Федосеев явил и продал на Устюге перстней медных с финифтом,

и ножики, и черенья с серебряною и с медною оправою на три рубля на шестнадцать алтын на четыре деньги».

В разговор о серебре и финифти неловко вставлять мыло, но из песни слов не выкинешь – сольвычегодцы умели варить хорошее мыло и привозили его на продажу в Устюг, о чем есть записи в устюжских таможенных книгах второй половины семнадцатого века. Одним из самых активных продавцов сольвычегодского мыла на устюжском торгу был семейство посадских людей Протопоповых. В 1634 г. Иван Протопопов привез на продажу сто косяков белого мыла, в 1642 г. – сто косяков, в 1643 г. – сто сорок косяков, в 1646 г. – двести сорок косяков, а в 1647 г. продал двести семьдесят косяков мыла за триста двадцать рублей. Если принять во внимание, что косяк мыла в семнадцатом веке представлял собой плиту весом от четырнадцати до сорока пяти килограммов, то получатся тонны. За первые полгода 1679 года люди Семена Протопопов продали в Устюге сто пять косяков белого мыла. Еще одним семейством сольвычегодских мыловаров были Конашковы. Двадцать первого ноября 1676 года «Соли Вычегоцкой Иван Михайлов Конашков приехал от Соли, явил по усольской выписе мыла белого 10 косяков. Ноября в 27 день Иван же приехал от Соли, товару явил по усольской выписе мыла белого 15 косяков. Декабря во 12 день он же, Иван, приехал от Соли Вычегоцкой, явил по усольской выписе мыла белого 10 косяков <...> Декабря в 29 день Иванов отец Михайло Стефанов приехал от Соли, товару явил по усольской выписе 20 косяков». Из года в год Конашковы торгуют мылом на устюжском торгу. Таможенная книга за 1678 год сообщает, что «Михайло же Стефанов Конашков приезжал от Соли Вычегоцкой к Устюгу в декабре, и в январе, и в феврале, и в марте месяцев в разных числах. Явил по шти усольским выписем мыла белого 65 косяков». На вырученные от продажи деньги чаще всего покупали сырое говяжье сало, необходимое для варки мыла.

Оставим мыло и говяжье сало. Поговорим о предметах куда более высоких. В конце семнадцатого века на берегу озера Соленого на средства Григория Дмитриевича Строганова в строгановском же Введенском монастыре начинают возводить стены каменного Введенского собора, взамен сгоревшего деревянного. Разрешение от церковных властей на строительство было получено в мае 1688 года, а строить начали через год и закончили в 1693 году. Новый собор по размерам не уступал Введенскому, а по наружному убранству... Тут было чему удивиться. Ходили слухи, что чертежи собора делали по заказу Григория Строганова в Голландии. Часть мастеров тоже была из иностранцев. На строительстве собора постоянно были заняты четыре сотни рабочих – строители, кузнецы и каменотесы. Для изготовления орнаментальных керамических плит организовали отдельное производство, остатки которого археологи обнаружили в 1961 году вблизи города. Особо сложные детали соборного декора изготавливали в Москве и привозили в Сольвычегодск в ящиках, обитых изнутри войлоком. Рассказывать об архитектурных особенностях собора, построенного в стиле строгановского барокко, дело благодарное и опасное – не дай бог об этом узнают искусствоведы, которые уже написали об этом соборе многочисленные статьи и монографии... Мы, однако, об этом уже говорили при описании Введенского собора. Скажем только, что внутреннее убранство собора украшает семейрусный иконостас изумительно тонкой работы. Изготовила его артель московских резчиков под руководством Григория Иванова. От бесчисленных золоченых завитков, розеток, корон, листьев, тонких стеблей и висящих на них виноградных лоз глаз не оторвать, но поражают воображение не они, а иконы, написанные крепостным иконописцем Строгановых Стефаном Нарыковым и... тут мы опять вступаем на территорию, бдительно охраняемую вооруженными до зубов патрулями и разъездами ученых искусствоведов, которые стреляют без предупреждения в любого, не принадлежащего к их цеху. Лучше расскажем о соборной колокольне, на которой были устроены часы с боем и висело восемь колоколов. Самый большой колокол весом в сто семьдесят пудов был подарен архиепископом Устюжским и Тотемским. Правда, колокол подарили уже в середине следующего века. Собственно, саму

колокольню тоже построили в восемнадцатом веке. Колокольня до нас не дошла – ее разобрали в тридцатых при большевиках. Очень новой власти нужны были кирпичи для строительства нового мира. Тогда же была разобрана и каменная монастырская ограда. Между колокольней и собором находились могилы местночтимых юродивых Михаила, Иродиона, Фомы и Ивана Самсоновича. Могил теперь тоже нет. На их месте... ничего на их месте нет. Летом трава растет, одуванчики, сурепка.

Чтобы не заканчивать рассказ о семнадцатом веке в жизни Сольвычегодска и уезда на такой печальной ноте, процитируем челобитную, которую архангельский приход Пачеозерской волости Сольвычегодского уезда отправил в конце 1690-х годов архиепископу великоустюжскому и тотемскому преосвященному Александру. Жаловались прихожане на безобразное поведение своего попа Никиты Иванова. Поп, конечно, был тот еще... В церковную казну руку запускать, со своей духовной дочерью жил в блуде, за что по указу архиепископа били его шелепами, то есть веревочными плетями. «И всегда, государь, он, поп Никита, пьет безчинно, пьет на кабаках безобразно <...>. А в нынешнем, государь, в 206 году генваря в 27 день, напився пьян и пришед к вечерне, <...> почал в трапезе пьяный кричать во всю голову неподобно, чего и на кабаках мало ведется и старост, и мирских людей бранил всякую неподобную матерною бранью и после того крику пьяный служил вечерню в возгласах и в ектениях вельми неисправно. И по господским, государь, праздникам, и по воскресным дням на кабаках вельми пьет безобразно и в дом свой питухов с вином приводит. А в 202 году с Фомины недели и во всю пятидесятницу повечерия не было в церкви трипесны и каноны все остались непеты и после пятидесятницы до декабря повечерия не бывало ж. И июля в 22 число в день воскресный пришел в церковь вельми пьян и заутреню начал, а сам в алтаре на лавице уснул, и пономарь его из алтаря и из церкви вон вывел. В прошлом 203 году ноября в 4 день венчал свадьбу Филки Верховцева пьян замертво, ектении и молитвы говорил – того никому разуместь было немощно, а с книгою требником в святом алтаре пал и с престола крест благословенный сронил, и в другой после с тою же книгой пал и половину царской двери с крюков сшиб <...>. А ноября в 13 день пришел к вечерне пьян и вечерню начал не распоясався, и сумка с требою на шее, а патрахили, ни риз на нем всю вечерню не было и учинил бунт, дьячка Васку оконною порицею и крестьянина Максимка Заболоцких по хребту и по бокам бил и всех из церкви и из трапезы вон выгнал, и в паперти в след неведомо чем бросил, а сам после сшел на кабак, да там и ночевал и назавтрее к церкви не приходил <...>. И всячески, государь, он, поп, над крестьяны издевается, где его зовут в мире с потребою: к болю с причастием и к роженицам с молитвою, и он, приходя пьян, роженицам дав у бани молитву, отходит от бани прочь, не дав младенцу имени, просит себе вина <...>. А иного, государь, его попова безчиния и безстрашия и писать невозможно».

Нет, эта челобитная никак не веселее разобранной по кирпичику колокольни Введенского монастыря, а вот история про церковного дьячка из Сольвычегодского уезда не такая мрачная. Она полна оптимизма и веры в прошлое. В 1625 году церковный дьячок по имени Тренка, то есть Третьяк, переписывал у себя в избе наказную память приставов, которые ездили по уезду, собирая очередные подати. К несчастью, на оригинал памяти упал уголек от лучины и несколько верхних строк прогорело. В этих первых строках обычно писался царский титул. С одной стороны, ничего страшного – кто же не помнит царского титула. Хоть среди ночи разбуди любого, кто переписывал такие бумаги, и он тебе наизусть... Это с одной стороны, а с другой... Сольвычегодские земские судейки, посчитав, что дело это политическое, взяли и посадили под арест несчастного дьячка и тотчас отправили в Москву нарочного рассыльного с донесением о таком деле. Москва и разбираться не стала, а отправила донесение к непосредственному сольвычегодскому начальству в Устюжскую четверть. Оттуда пришел в Сольвычегодск ответ, который и сейчас кого хочешь может удивить. «И то усольский судейка Богдашко Шулеповский с товарищи учинили негораздо, писали к нам с нарочным гонцом не о деле и тем нашей

казне в прогонных деньгах своею глупостью истерию чинят. А то дело учинилось не хитростью, что у наказные памяти первые строки прожжено». Дьячка приказано было немедленно из-под ареста освободить, а с земских судеек взять штраф в размере прогонов на две подводы от Сольвычегодска до Москвы и обратно, да еще оплатить питание гонцу за все время командировки из расчета по три деньги в день «чтоб тем мужикам вперед неповадно было так глупать, не с делом нарочно гонцов к нам присылал».

На этом, пожалуй, мы и закончим рассказ о жизни Сольвычегодска и уезда в семнадцатом веке. Такого переполненного событиями бурного века в истории Сольвычегодска уже не будет. Этот век соляных варниц, соболиных ярмарок, искусных ювелиров, иконописцев, кузнецов, мастериц лицевого шитья, усольской финифти, освоения Сибири и строгановского барокко можно назвать золотым в истории города. Для полноты картины не хватает только списка городских пожаров. В семнадцатом веке в Сольвычегодске их было четыре. Самый большой случился в конце сентября 1656 года. Пожар, как написано в «Истории города Соли Вычегодской», начался «от Овдюхи Уфтяжанки». В челобитной на царское имя сольвычегодцы писали: «Сентября 24 числа, в ночи, в седьмом часу грех ради наших приде Гнев Божий на нас сирот Твоих: у Соли на посаде Твое Государево Царское богомолие, пять церквей⁴⁴ с пределы, а в них пятнатцеть служб, (престолов) да Твоя Государева Съезжая и Таможенная Избы и Кружешной двор и воеводцкой и земские дворы и поварня и тюрьмы и богаделны и у нас сирот Твоих, у посадских людишек, тяглых, податных двести двадцать один двор и на площадь, которые торговые лавченка и онбаришка, погорело все до основания. А осталось, Государь, податных и бобыльских дворишков и кельишек небольшое место <...> и дворишка и места были тесные, и разломать было не мощно, и гневом Божиим была в тоя поры буря великая; и многие, Государь, посадския людишка со всеми статками погорели до основания; а были мы сироты Твои в тоя поры во отъездах. А после, Государь, Литовского разорения, как Литовские люди на Русь были и в Поморье, и у Соли, во 121 (1613) году, наше посадишко такими великими пожары выгорело <...>. А у нас сирот Твоих на посаде пашен и угодей, кроме дворов и дворовых мест, нет ничево; и <...> от прежних частых и от нынешняго великово пожару, обнищали и обдолжали великими долги; и от такие, Государь, великие бедности многие погорелые посадские людишка бредут врозь по иным городом и по уездом; и в Твою, Государеву службу записывались многие тяглые посадские людишка для того, что, Государь, жить стало негде, а вновь на посаде дворишков ставить и заводить нечем; а нам, Государь, остальым посадским погорелым людишкам <...> Твоих Государевых податей, данных и оброчных и стрелецких денег и в Сибирской хлебной и денежной запасы и в ямскую гоньбу по болшей Сибирской дороге и к ружному старосте и за пустые волости в полетной платеж платить стало не в мочь, потому что, Государь, и достальные людишка на посаде стали нужны; и стоим мы сироты из Твоих Государевых доходов на правеже по вся дни <...> а окупиться, Государь, нам сиротам Твоим нечем. Милосердый Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всеа великия и малыя и белыя Росии Самодержец, пожалуй нас сирот Своих достальных погорелых посадских людишек, как тебе милостивому Государю Бог известит, об Своем Царском богомолии о церквах и о погорелом месте <...> и об тех людех, которые <...> от пожарново разорения разбрелись в рознь, и в Твою Государеву стрелецкую службу записывались, чтоб нам сиротам Твоим достальным погорелым людишкам из Твоих Государевых всяких доходов на правеж и за пустые места за разбрелых людей убитым не быть и досталь врознь не разбрестись и впредь Твоих Государевых податей и служб и Сибирской дороги не отбыть и в конец не погинути. Царь Государь, смилуйся».

Наверное, если бы Москва верила слезам, то от таких челобитных несомненно был бы толк, но Москва им не верила. Тогда не верила, да и сейчас...

Уездный город

Восемнадцатый век для Сольвычегодска стал веком превращения из процветающего торгового, промышленного и ремесленного центра в самый обычный, захолустный, к счастью, не заштатный, а все же уездный город. Тому было несколько причин.

Во-первых, была проложена новая и более удобная дорога в Сибирь, которая проходила гораздо южнее Сольвычегодска. В связи с этим Сольвычегодск перестал быть городом на большой дороге, и его торговля начала чахнуть и умирать. Еще активнее, чем в семнадцатом веке, часть населения города и уезда стала всеми правдами и неправдами пробираться в Сибирь, надеясь там если и не разбогатеть, то, по крайней мере, спастись от нищеты и бескормицы. Конечно, сказать, что торговля прекратилась вовсе ни в коем случае нельзя – в Архангельск, в Устюг и в Сибирь по-прежнему везли сольвычегодские товары, среди которых были топленое сало, хлеб, лен, льняное семя, юфть и даже меха, но объемы этой торговли были куда скромнее, особенно меховой.

Во-вторых, был основан Петербург, и большая часть российских товаров, продаваемых в Европу через Архангельск, пошла через него. Товары, направлявшиеся в Архангельск, шли, как правило, по Северной Двине и по ее самому крупному притоку – Вычегде, на котором почти у ее впадения в Северную Двину и стоит Сольвычегодск. Сразу упали доходы тех, кто занимался в Сольвычегодске строительством судов для перевозки товаров, потеряла работу часть судовых плотников, лоцманов, грузчиков и тех, кто нанимался на барки матросами. Побывавший в Сольвычегодске в августе 1771 года академик Иван Иванович Лепехин писал о том, во что превратилась к тому времени сольвычегодская торговля и промышленность: «Купцы сего города не беззажиточны и промышляют большею частию отъезжими торгами; то есть ездят в город Архангельской с хлебом и салом, и оттуда берут всякие товары, как заморские, так и Российские, и отвозят на Кяхту, откуда запасшись Китайскими и Сибирскими товарами возвращаются на Ирбитское, а потом и на Макарьевское годовое торжище; не редко же с оными ездят и в другие Российские города. В городе никаких других фабрик нет, кроме одного кожевенного завода и трех салотопен».

В-третьих, сольвычегодские ремесленники потеряли большое количество заказов. Например, кузнецы, делавшие для сибиряков домашнюю утварь, плотнические инструменты и судовые снасти. Правда, весной 1705 года Петр Первый приказал сольвычегодскому воеводе Курбатову изготовить для нужд армии и срочно доставить в Смоленск триста тысяч ножей, точнее, небольших рогатин, семьдесят шесть тысяч гвоздей, двадцать одну тысячу буравов и полторы сотни тысяч шил, но этот заказ был единственным⁴⁵.

В-четвертых, солеварение пришло в совершенный упадок по причине полного истощения соляных источников. Концентрация соли в них так понизилась, что производство перестало быть рентабельным. Строгановы, скупившие и разорившие мелких конкурентов, выдавившие с сольвычегодского рынка соли производителей покрупнее, сами по понятным причинам потеряли интерес к нему, продали принадлежавшие им варницы и в начале двадцатых годов восемнадцатого века покинули Сольвычегодск, переставший быть экономическим и административным центром их вотчин⁴⁶. Уже упоминавшийся академик Иван Лепехин писал: «Соленые варницы, для коих населено сие место, как выше сказано, в совершенном оставлены небрежении и упадке; ибо прежде было тут с пятьдесят варниц, но ныне едва и одна рассолом довольствоваться может; и кажется, что вместо пользы приносит вред. <...> Нынешняя варница с 1764 году состоит в казенном ведении, и рассол добывается только из двух и то обветшалых труб <...> Такой малой и безприбыльной соли выход до такого состояния довел сей промысел, что вывариваемой соли едва достаёт на нужды городских жителей и не редко принуждены бывают заимствовать соль <...>».

Общий экономический упадок привел к последствиям, так сказать, второго порядка. Уже в начале восемнадцатого века начало приходить в упадок искусство уольской финифти. Собственно, мастерство сольвычегодских эмальеров никуда не исчезло, но после распада строгановских мастерских им перестали поставлять серебро, и эмали стали делать на меди, потом все реже стали встречаться расписные эмали, и им на смену пришли одноцветные с серебряными накладками, потом к концу века стали делать серебряные изделия в технике скани вовсе без эмали. Потом эмальерное производство в Сольвычегодске умерло окончательно и больше не возобновлялось, но в первой половине восемнадцатого века в Сольвычегодске еще проживало довольно большое количество искусных эмальеров, и некоторых из них даже вызывали для работ в Москву. В 1759 году канцелярия Устюжской провинции решила спасти сольвычегодских эмальеров и переселить «финифтяного серебряного и протчего мастерства мастеров для его защищения и содержания и размножения» из Сольвычегодска в Устюг, но Москву судьба сольвычегодских мастеров и сольвычегодской эмали не интересовала, и переселение закончилось, так и не начавшись.

В результате экономического упадка изменилась структура населения города Сольвычегодска. По переписной книге 1710 года в городе с населением в три с небольшим тысячи человек проживало огромное количество нищих – около семисот человек. Посадские тяглые двory разделены на четыре категории – средние, младшие, вдовьи и бобыльские. Лучших нет вовсе. При этом двory средних пятьдесят два, а двory нищих мужских и вдовьих без малого две сотни. Дворов, принадлежащих купцам, входящим в Гостиную сотню, четыре, что составляло половину процента всего населения города. В начале восемнадцатого века существовала такая категория городских жителей как подворники. Так назывались люди, не имевшие ни собственного жилья, ни возможности снять его. Жили они, что называется, из милости, как правило, у таких же бедных, как и они, домохозяев в наихудших условиях. Фактически это были те же самые нищие, питавшиеся, как тогда говорили, Христовым именем. Таких подворников в Сольвычегодске проживало более четырехсот человек обоего пола, что составляло почти пятую часть всего населения города. Приведем лишь три из десятков примеров таких двory, попавших в Переписную книгу: «Во дворе вдова скудная Катерина Тарасова у нея сноха Катерина 35 лет у нея дочь девица Марфа 9 лет у нея на подворье Сергей Пивоваров 62 лет у него жена Анна 40 лет у него сын Степан 32 лет, а ныне он в Сибирских городех, дочь Анна 17 лет Евдокия 8 лет у нея ж подворник Андрей Пунанов 35 лет у него жена Парасковья 30 лет у них сын Мокий 8 лет. <...> В келье нищая вдова Евдокия Федорова дочь Кобылиха 60 лет у нея дочь вдова Акилина 40 лет у нея ж подворник Василей Игнатьев 49 лет у него жена <...> В келье нищая вдова Анна Никифорова дочь 56 лет у нея сын <...> с нею же в другой келье нищей Федор Сердешников 49 лет у него жена <...>». Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить... Переписная книга сообщает и о том, что «Двор воеводичкой пуст огни и розвалился. <...> Изба богаделенная в ней сядят престарелые и увечные странные люди мужеска полу 24 человека женска полу 64 человека питаютца от мирского подаяния и на корм, и на платье им даецца из земских мирских зборов от земских старост».

Пока Сольвычегодск понемногу приходил в упадок, он успел в 1708 году стать городом в составе Архангелогородской губернии, в 1710 году войти в состав Великоустюжской провинции той же губернии, в 1780 году в составе той же провинции перейти в Вологодское наместничество и в 1796 году стать уездным городом Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. Над гербом города, утвержденным Екатериной Второй в 1780 году, Герольдмейстерская контора долго не думала – две ступки соли в красном поле. По плану 1784 года в Сольвычегодске насчитывалось двадцать девять кварталов, триста сорок домов и тринадцать церквей.

За четыре года до того, как Сольвычегодску стать уездным городом, его и Сольвычегодский уезд описали в изданном в Петербурге «Месяцослове историческом и

географическом» в разделе «Описание городов Великоустюжской области с их округами». Каковое описание лучше не пересказывать своими словами, а процитировать с небольшими купюрами: «Окружается с северной и восточной стороны пашнями и лесом, с южными сенокосными лугами, а с западной лесами. Местоположение онаго ровное и сухое, в длину 480, а поперег 450, в окружности же 1468 сажен. Укрепления никакого нет, а фигурию несколько походит на треугольник. Разделения на части не имеет, а состоит из 17 улиц, из которых Климантовская против прочих жилом обильнее. Присудственные места помещены близ рынка в ветхих деревянных покаях прежде бывшей Усольской воеводской канцелярии; городской же магистрат и сиротский суд в купеческом каменном доме за договорную плату. Герб сего города со времени учреждения наместничества есть следующий: в нижней половине щита в красном поле две ступки соли; по тому что здесь издревле имеются соляные промыслы, и вываривается соль на продажу в одном сем городе, а в другие места за малою ныне вываркою отпусков не бывает. <...> Знаменитым в сем городе зданием можно почестъ Введенский монастырь, положенный по штату в третьем классе; оной стоит на краю города, при соляном озере и болоте, в северную и сухую сторону, на ровном и сухом месте. В нем церковь каменная Входа Пресвятыя Богородицы <...> при ней два придела, и с северной стороны братская трапезная келья; а для обучения священно и церковно-служительских детей Российской грамоте и Латинскому языку училищная палата; для настоятеля и монашествующих особые кельи, и кругом всего монастыря ограда с четырьмя воротами каменные. <...> Церквей в городе восемь каменных и столько же деревянных. <...> Обывательского и казенного строения более четырехсот домов; фабрик никаких здесь нет, кроме одного кожевенного завода и трех салотопен. Здешние купцы и мещане производят свой торг иностранными и Российскими товарами, из коих первые получают от Архангельского порта и с Китайской границы; Российские же товары из Москвы, с Макарьевской ярмарки, из Устюга и со своих заводов, а имянно топленое сало и пек, так же мягкую рухлядь, юфть, разной хлеб, лен, льняное семя и прочее отвозят водою к Архангельскому порту на 11465 рублей в год; а лучшие их торги суть отъезжие в Сибирских городах. Другие по недостатку капитала и непривычке к торговым промыслам упражняются в разных рукоделиях, но лучшее ремесло их есть серебряное сканной работы и финифтяное с серебряною и золотою накладкою; некоторые же отходят по паспортам в разные Российские города.

Ярманка в сем городе бывает одна июня с 7 числа и продолжается три дни, недельные же торги бывают по воскресным дням, но только ни на торги ниже на ярмонку купцы из других городов не приезжают, съезжаются из околних мест и ближних уездов одни крестьяне со своим издельями и разными домашними произведениями, как то со льном, пенькой, льняным хрящевым холстом, немолотым хлебом и с разным лесом, которые продавши в городе, покупают разные для них потребные шелковые и другие иностранные и Московские мелочные товары.

Обыватели города нужное для своего пропитания получают из разных мест, а имянно хлеб и мяса из здешней округи, крестьянами в городе на продажу привозимые, свежую рыбу из своих рек, а морскую соленую от Архангельска; дичь из здешней и смежных округ, но и то весьма мало; лук, чеснок, огурцы из Вологды; в своих же огородах кроме малого числа капусты, моркови и редьки не сеют, а что касается плодоносных дерев, то оных в сем городе никаких нет.

Уезд Сольвычегодский <...> простирается в длину 125, в ширину 112, а в окружность 330 верст. Местоположение его не одинаковое, инде ровное, а инде гористое; однако ж нет гор отменной величины; равным образом и материк различной, в некоторых песчаной. В других глинистой, почему и к плодородию не весьма удобной, кроме немногих мест, на коих обыкновенно сеют рожь, ячмень, овес и несколько пшеницы; урожай на удобренной земле и в хороший год: ржи от пяти до семи, а прочих от трех до пяти четвертей на одну посеянную четверть⁴⁷. Остающийся за продовольствием своим

хлеб привозят по большей части в великой пост в город Сольвычегодск на продажу небольшим количеством.

Лесу в сем уезде, как на строение годного, так на дрова и другие потребы, жители не только для себя довольно имеют, но несколько и для продажи на плотах сплавливают в город Сольвычегодск. Между прочим, лесом есть кедровая роща, в шестнадцати верстах от города, в оной некоторые деревья приносят и плод, хотя не повсегодно; но самородная ли она или сажена неизвестно. Степей по всему уезду нет, а болот довольно, имеющих от пяти до сорока верст окружности, также малых и неглубоких озер от одной до двух верст в окружности <...>. Рек судоходных две: Двина и Вычегда. Да третья небольшая Вилядь, в них ловится рыба щуки, лещи, нельмы, язи, окуни, сороги, налимы, сиги, харьюзы. <...>

Ярманка бывает только одна в Ильинском приходе, на реке Виляди, июля с 20 и продолжается неделю; на оной продаются наиболее холст, лен, масло коровье и другие крестьянские произведения; для покупки коих приезжают Устюжские и Сольвычегодские купцы, привозя с собою разные мелочные товары; других же торгов нигде нет.

Уездные жители упражняются в сродном и обыкновенном крестьянству земледелию, от которого пропитание и нужное для содержания своего получают; из многосемейных же отходят в Сибирские и другие города по пашпортам».

Описание достаточно полное, и к нему добавить почти нечего, кроме того, что к сибирским и другим городам уже с сороковых годов восемнадцатого века можно было прибавлять Алеутские, Командорские и Курильские острова, Камчатку и северную часть Тихого океана. Не только сольвычегодские купцы, но и посадские люди, и крестьяне самым активным образом включились в освоение новых, как писали в своих отчетах мореходы, знаемых и незнаемых земель, которое тогда означало добычу пушнины в первую очередь.

В 1747 году сольвычегодский купец Иван Мостовский в компании с московским купцом первой гильдии Иваном Рыбинским и другими купцами снарядил и отправил на промысел к острову Беринга судно «Симеон и Иоанн». В конце сороковых годов поверенными сольвычегодского купца Ивана Жилкина устюжанами Иваном Баховым и Никитой Шалауровым на судне «Перкун и Занат» был открыт морской путь из устья реки Анадырь на Камчатку, в устье реки Камчатки. В 1771 году сольвычегодский купец Дмитрий Панков на судне «Св. Александр Невский» отправился к Андреяновским островам в Алеутском архипелаге, где пробыл три года и промысловики с его корабля «как промысел, так и торг с тамошними жителями производить имели». Кроме обычной промысловой добычи, люди Панкова собрали еще и ясак. Только одной этой «ясашной рухляди» по возвращению на Камчатку они сдали на четыре тысячи с лишним рублей серебром. В 1780 году Дмитрий Панков на судне «Св. Евпл», которым владели сольвычегодский купец Василий Посельский и тотемский Иван Рыбников, ходил на пушной промысел, но уже в качестве морехода и передовщика⁴⁸.

Сольвычегодцы участвовали в компаниях, которые создавали на паях купцы, не только как главные компанейщики, имевшие наибольшее количество паев, но и как рядовые пайщики, которым мог принадлежать всего один пай, или просто работные люди, нанятых за определенную, но всегда небольшую, плату. Купцу Ивану Жилкину принадлежало целое судно «Св. Капитон», а сольвычегодскому крестьянину Никифору Шабалину всего один пай в компании купца Семена Красильникова. В команде казака Игнатия Студенцова, ходившего на «Св. Капитоне» в 1757–1761 годах на Алеутские острова и открывшего остров Кыска, были трое сольвычегодских работных человека – Иван Чернаев, Степан Худяков и Григорий Попов. Последнего, как следует из рапорта камчатским властям Студенцова, алеуты при сборе ясака ранили стрелой в руку. Вернулся живым из этих троих на Камчатку только Степан Худяков. Не вернулся из четырехлетнего плавания в 1758–1762 году на боте «Св. Иулиан» и сольвычегодский крестьянин Петр Строганов, умерший на одном из Алеутских островов⁴⁹.

Малое, народное, двухклассное

Прежде чем переходить к девятнадцатому веку, необходимо сказать о малом народном двухклассном училище, которое открылось в январе 1788 года. Открыть его было не так просто, потому что для учебного заведения нужно иметь здание, в котором оно помещалось бы, учителя, а лучше двух, для первого и второго классов, деньги для выплаты им жалованья, учительские квартиры, дрова для их отопления, свечи для занятий, учебные пособия... Все это должен был обеспечить город. Хорошо, если город имеет на это средства, а если это Сольвычегодск... Тем не менее, средства, хоть и с трудом, город нашел. Двенадцать сольвычегодских мещан, в числе которых был городской староста Худяков, пожертвовали на училище двенадцать рублей, а практически все сольвычегодские купцы и часть мещан обязались вносить каждый год из собственных средств по шестьдесят рублей в пользу училища. Кроме того, городская дума постановила отчислять в пользу училища один процент с питейных доходов. Увы, обещания мещан и купцов так и остались во многом обещаниями. То есть они бы эти деньги непременно вносили, кабы они у них имелись, но... их или не было, или они были совсем не в том количестве, чтобы их жертвовать на народное образование. Тогда бургомистр Литвинов внес на содержание училища некоторую сумму с завещанием не употреблять ее на другие цели. Через тринадцать лет, в 1801 году, эта сумма, благодаря и другим пожертвованиям, увеличилась до тысячи рублей. Правда, в последующие годы другие городские головы и гласные городской думы эти деньги все же истратили на устройство хлебного магазина и на различные другие нужды.

Вернемся к открытию училища. Торжество началось с литургии в городском соборе, потом был крестный ход с хоругвями во главе с местным духовенством, потом окропление святой водой классных комнат, потом речи, как тогда говорили, приличествующие такому важному событию в жизни города и первых учеников. На открытие училища приехали правитель наместничества генерал-поручик Мезенцов и директор училищ Вологодского наместничества Левашов. В день открытия училища приехавший в Сольвычегодск правитель наместничества угощал обедом местных чиновников, церковное начальство и почетных граждан города. Не обошлось и без пушечного салюта, правда из одной пушки, и праздничной иллюминации. В год открытия в училище был только первый класс, в котором детей обучали чтению, письму, священной истории и сокращенному катехизису, то есть основам христианского учения. В целях экономии наняли одного учителя вместо двух, да и одному сократили жалованье против установленного. На содержание училища, на жалованье учителю и сторожу городская дума совокупно отпускала в год всего двести рублей, что почти в два раза меньше того, что полагалось по штату. Все же на следующий год открыли и второй класс, в котором читали книгу о должностях человека и гражданина, чтобы узнать о том, что «Не должно нам никогда того желать, что званию нашему непристойно», изучали арифметику, пространный катехизис, грамматику русского языка, занимались чистописанием и рисованием. Два раза в год детей в торжественной обстановке публично экзаменовали по пройденному материалу в присутствии местного начальства и духовенства.

О первых годах существования училища известно не очень много. При его открытии было около двадцати пяти учеников. Через семь лет учеников по разным причинам осталось всего пять – кто-то уже окончил курс, кого-то родители забрали, не видя пользы в двухлетнем обучении, а кого-то и вовсе не хотели отдавать, считая, что домашнее обучение или индивидуальное с нанятыми учителями будет ничуть не хуже⁵⁰. Смотритель училища купец Свиньин потребовал от городского сотского переписать детей разных сословий, которые могли бы поступить для обучения в училище. Таковых оказалось около трех десятков. Их и усадили за парты, а Приказ общественного

призрения, ведомству которого принадлежало училище, выразил смотрителю благодарность.

В этом месте мы буквально на одно предложение прервем рассказ о сольвычегодском малом народном училище, чтобы сообщить читателю о том, что 11 апреля 1803 года, если конечно верить писателю Алексею Толстому и его двоюродным братьям Алексею, Владимиру и Александру Жемчужниковым, в деревне Тентелевой Сольвычегодского уезда, неподалеку от города Сольвычегодска, в небогатой дворянской семье родился Козьма Петрович Прутков, завещавший плюнуть в глаза тому, кто скажет, что можно объять необъятное, и никогда не шутить с женщинами, поскольку эти шутки глупы и неприличны. Как только он вырос, то захотел быть красивым, а для этого покинул родовую деревню, Сольвычегодский уезд и поступил в гусары. После двух лет службы вышел в отставку, уехал в Петербург и стал служить... Впрочем, это уже второе и даже третье предложение, которые к Сольвычегодску и его уезду не имеют никакого отношения, а потому вернемся лучше к малому народному училищу.

В октябре 1804 года сольвычегодский городничий и смотритель училища Карл Иванович Мейнц сообщал вышестоящему начальству, что «некоторые жители почти почитают за ненужный метод, положенный в народных училищах, в рассуждении, что на штиль латинского языка выговор букв и складов преподается, также, что церковным книгам не обучают и проч., то я почел за долг свой разогнать их несправедливые толки и внушить, сколь полезен училищный порядок, как превосходны щедроты великого монарха, и заставить их вводить детей в училище». Городничий требовал от духовенства и городской думы запретить священникам обучать детей горожан. Городская дума обязана была переписать всех детей и представить этот список в училище. Собрали двадцать пять мещанских детей, но приняли только тех, которые еще не обучались, а тех, кто еще не дорос или был болен, не взяли. Мещанкам, однако, разрешили обучать девочек, так как в училище не было отдельной комнаты, чтобы их обучать.

В 1805 году сольвычегодское малое народное училище преобразовали в уездное и 14 мая того же года открыли несмотря на то, что для второго класса еще и учебников не прислали, а один из учителей не смог к означенному сроку добраться до Сольвычегодска, задержанный ледоходом на Вычегде. Училище поместили в частном доме, принадлежащем купчихе Зуевой. Исправник пожертвовал полезные для юношества книги, а купец Литвинов карту Российской империи с историческим описанием. Сольвычегодцы всех сословий собрали денежных пожертвований на сумму 117 рублей 55 копеек. Учителем в первом классе уездного училища стал Федор Протопопов, который и был им в малом народном училище, а для второклассников через год приехал новый учитель – Федор Радковский. Что касается жалованья... С ним были, мягко говоря, затруднения. Протопопову определили 150 рублей в год и 25 рублей доплаты за преподавание рисования, а Радковскому 180 рублей в год при том, что по штату им полагалось, как мы уже говорили, триста рублей в год каждому. Кроме того, в уездном училище появился не предусмотренный штатным расписанием законоучитель – дьякон Успенской церкви Андрей Дорофеев с жалованьем 50 рублей в год. Из-за недостатка средств сторожем была женская прислуга. Деньги от одного процента винного откупа, которые при открытии малого народного училища были назначены в его пользу, как это часто бывает, истратились на содержание городского магистрата. Учителям положенных им квартир, дров и свечей не дали, а само училище не смогли обеспечить даже бумагой. В 1805 году сольвычегодская городская дума на запрос смотрителя Карла Ивановича Мейнца, в какие сроки и в каком количестве будет она выделять деньги, положенные на училище, ответила, что вовсе не будет отпускать, поскольку денег не хватает и на городские нужды. Большая часть обывателей так бедна, что не в состоянии платить и государственные подати. Те же, кто имеет средства, те в пользу училища уже одновременно пожертвовали известные суммы с тем условием, чтобы городское начальство освободило их впредь от поборов в пользу училища, которое и без того уже

почти двадцать лет они содержат. Все же сольвычегодские купцы и мещане собрали на училище 70 рублей 20 копеек, а чиновники 49 рублей 35 копеек.

Самое удивительное, что бывший тогда смотрителем училища Мейнц писал в дирекцию училищ Вологодской губернии в ноябре 1805 года: «Сколько возможно будет, потщусь гг. здешних обитателей склонить к подписке издаваемого журнала под названием “Лицей”». Какая подписка, когда денег здешние обитатели не могли собрать даже на бумагу... Впрочем, Мейнц буквально через три месяца ушел в отставку, и до назначения нового смотрителя эту должность занимал учитель второго класса Радковский, при котором в 1807 году в училище произошел пренеприятный инцидент.

Общеизвестно, что в уездных училищах того времени учеников за плохое поведение и невыученные уроки нещадно пороли, но в сольвычегодском училище восьмилетнего солдатского сына Прокопия Агапова за невыученный урок высекли так, что через неделю от нанесенных побоев мальчик скончался. Труп его был покрыт синими пятнами и на теле были видны рубцы от розог. Началось следствие, которое вел новый городничий Силин. Отец мальчика на допросе показал, что сын говорил: «Секли его в училище на полу розгами, сперва по приказанию учителя Федора Васильевича, солдатский сын Иван Алексеев, а потом и сам оный учитель, у коего розга изломалась в руках (а розги-де в училище у них толстые), и он де Прокопей не мог сам подпоясаться кушаком; а потом оный сын мой, по приказанию другого учителя, отца Иоанна, и еще в училище сечен был розгами же вторично, и после временем несколько скучал, говоря что у ево-де брюхо болит... От чего же ему смерть последовала, я, Агапов, совершенно не знаю, а полагаю, что умер он естественною, а не насильственною смертью, и никакого в том подозрения и доказательств не имею, потому, что после умертвия его Прокопея, по утру увидел я из роту конец глиста, коего вытянул рукой мертвого, показал своей жене и бросил <...>».

Оба учителя на допросе показали, что секли Прокопия чуть ли не прутиком, который вытащили из веника. При этом ученики в один голос говорили, что секли его розгами. Доказать, что Прокопий Агапов умер от побоев, городничему не удалось, дело было передано в уголовную палату, которая... сделала замечание, что прибегать к телесным наказаниям в училищах недопустимо. Дело решено было оставить, поскольку по показаниям родителей и по следствию не было доказано, что смерть наступила от побоев. Виновников в смерти Прокопия Агапова, таким образом, не оказалось.

Училище после этого почти опустело. Родители туда отдавать детей не хотели ни за что. Те немногие оставшиеся дети, по словам нового смотрителя Васюткина, «так застрашены, что отвечают шопотом; сколько я ни говорю, чтоб они смело отвечали, но все еще не могу наставить». Васюткин отмечал, что такая обстановка в классах приводит «к отвращению отдавать родителям детей своих в училище». Что касается учителей, то Радковский, по словам смотрителя, «ленив, а посему и не прилежен к должности», а Протопопов «горяч, строптив и груб в обхождении с учениками». Такая обстановка в классах и привела к тому, что в 1807 году в сольвычегодском уездном училище обучалось восемнадцать человек. Во втором классе и вовсе было три ученика. В первом классе было два ученика, которые почти за три года научились лишь читать и писать, а один за год и два месяца смог осилить только чтение. Дело дошло до выговора директора училищ губернии сольвычегодским учителям и обвинений сначала в нерадивости, а потом и в том, что «их грубые поступки отвлекают учеников от продолжения учения в училище». Оправдываясь, Васюткин писал директору о нежелании сольвычегодцев отдавать детей в училище, которое связано с тем, что «по домам обучают мужики, бабы, девки старые, попы, попадьи и дьячки, пономари с их женами без всякого опасения, обучают без умолкну псалтырям и часовникам, как будто бы приуготовляя все юношество в чины духовные, в проповедники публичные и богословы. <...> О, если бы совершенное последовало запрещение по домам учить, то не только бы в уездном училище учеников, но и приходские и сельские бы возникли. И сим ваше высокородие осмелившись

уведомить, покорнейше прошу <...> войти в состояние отдаленного сего грубого края, не можно ли каким нибудь средством смирить непокоряющихся и училище здешнее презирающих, а без пособий вашего высокородия опасаясь, чтобы здешнее училище не пришло в совершенное уничтожение».

Губернское начальство требовало от смотрителя училища увеличить количество учеников, и тот пошел уже по испытанному пути – попросил городского голову Степана Пьянкова «о внушении здешним гражданам, у которых есть дети о введении оных для обучения в здешнее училище», но... нашла коса на камень. Родители, как писал Пьянков Васюткину, объявили, что «детей своих обучают в своих домах, а за сим и к отдаче их в училище не имеют желания, а сверх сего также некоторые граждане изъявили, что будто бы замечено ими, что учителя народного училища в учебные часы нередко занимаются прогулкою по городу и чрез то разумеют нерадивость к своей должности, что самое поставляют причиною, побуждающе их к обучению детей своих предпринимать другие средства». Город не просто маленький, а очень маленький, и потому гуляющего в течение рабочего дня учителя обсуждают между собой даже собаки с кошками, не говоря о сороках.

В марте 1809 года существенно повысили от казны жалованье учителям и смотрителю, но учительская дисциплина от этого не повысилась. К прогулкам по городу добавилось пьянство, да такое запойное... В конце 1818 года учителем второго класса вместо уже упоминавшегося Радковского, уехавшего в Вологду, прислали бывшего учителя Верховажского приходского училища Ивана Геркулесова, который, как писал смотритель Сольвычегодского училища, «оказал в поведении себя весьма непорядочным и в должности своей незначительным и бесполезным. От нетрезвенной жизни подвергнув себя падучей болезни, он оказался валяющимся на улице, а потому за отказом хозяина квартиры принять его к себе, и взят полициею, а после оказался больным и в сумасшествии и был отправлен в лазарет. А как общество ропщет уже, то хотя бы и пришел он в прежний порядок, принять его к должности допустить опасно». За полгода такой, с позволения сказать, службы, городничий Соколов трижды помещал Геркулесова в кордегардию на гауптвахту и после вытрезвления сдавал на руки смотрителю. Под стать Геркулесову оказался законоучитель училища священник Варфоломей Максимов, которого за все его художества в пьяном виде, неповиновение церковному начальству и другие провинности неделю держали под стражей.

Мастеровые люди

Мы, однако, уже довольно далеко забрались в девятнадцатый век, а потому оставим на время полную злословий летопись уездного училища и посмотрим на жизнь Сольвычегодска, не связанную с народным образованием. Девятнадцатый век в Сольвычегодске долго не хотел начинаться. То есть формально он начался, и даже после войны с Бонапартом в городе поселили некоторое количество пленных французов, но во всем остальном... По-прежнему на сольвычегодском торгу и на ярмарке торговали мылом, луком, чесноком, морковью, капустой, редькой, огурцами, говядиной, топленым салом, дичью, кожами и совсем немного солью. По-прежнему, как писал сольвычегодский учитель и краевед Федор Васильевич Протопопов, которого мы помним по делу Прокопия Агапова, в начале десятих годов девятнадцатого века вода в Вычегде была мутной, из-за быстрого течения и в ней по-прежнему водились семга, нельма, щуки, леши, налимы, пескари и раки. Сольвычегодск тогда умещался на площади в один квадратный с четвертью километр. По-прежнему своенравная и стремительная Вычегда подмывала берег в районе города. В 1804 году на деньги княгини Шаховской, урожденной баронессы Строгановой, берег на небольшом участке напротив соборной церкви укрепили новым деревянным обрубом взамен обветшавшего, но остальной берег у города продолжал разрушаться, и река уже грозила снести несколько недалеко отстоящих

от берега церквей. Сольвычегодцы, видя такое положение, написали письмо Александру Первому с просьбой дать денег на укрепление берега. Император на эти работы ассигновал девяносто тысяч рублей и даже прислал в Сольвычегодск инженеров.

Жили в городе, как и в восемнадцатом веке, все те же – чиновники, военные, священники, купцы, мещане, крестьяне и дворовые люди. Более всего проживало мещан – шестьсот с лишним человек обоего пола. За ними по численности шли крестьяне, которых было в два раза меньше, потом священники, которых вместе с семьями было почти полторы сотни человек. Купцов в Сольвычегодске проживало всего ничего – три семейства общей численностью шестнадцать человек да к ним еще четыре человека иногородних купцов. Прибавим сюда три десятка монахов и монахинь, вольноотпущенных от господ Нарышкиных и княгини Шаховской, переплетчиков, лекарских учеников, сторожей, присяжных, офицеров, рядовых инвалидной и инженерной команд, жителей богадельни – всего тысяча шестьсот тридцать три человека. На весь город приходилось семь почтальонов – двое мужчин и пять женщин.

По утвержденному Екатериной Второй плану в Сольвычегодске было полтора десятка улиц. Землемеры все расчертили по линейке и нарезали больше трех с половиной сотен участков, но еще до всякого плана сольвычегодцы построили двести сорок три деревянных дома, и стояли они... как построили, так и стояли. По плану, конечно, тоже построили, но всего сорок два и в том числе пять каменных. Публичных зданий, как сообщал Протопопов, кроме богадельни, выстроенной местным купцом Ждановым и существовавшей на проценты с небольшого капитала, им же оставленного, и частных пожертвований, не имелось. Присутственные места помещались в нанятом на казенный счет частном доме, а для магистрата, городской думы, словесного и сиротского судов город купил большой деревянный дом.

Промышленность... Нет, в начале девятнадцатого века сольвычегодская промышленность рывка не сделала. Кожевенный завод, который в восемнадцатом веке выделывал юфть и отправлял ее на продажу в другие города, к началу десятых годов уже двадцать с лишним лет как разорился. За два года до описываемого Протопоповым времени прекратил работу лесопильный завод в пятнадцати верстах от города, поставлявший в большом количестве пиленные доски и брусья в архангельский порт. Зато появилось два новых завода – красильный и мыловаренный. Правда, они находятся, как пишет Протопопов, «в посредственном состоянии; первый по причине дороговизны краски, а второй, что заводчик не имеет хороших сведений улучшить свое искусство и достаточного на то капитала». Есть еще несколько салотопенных, свечных и кирпичных заводов, но... знаем мы эти заводы. Они были в девятнадцатом веке в каждом уезде и были, как правило, таких размеров, что помещались чаще всего в каких-нибудь крошечных сарайчиках величиной с большую собачью будку, и работало на них два, много три рабочих.

«Из числа важнейших художеств, – пишет Протопопов, – известны здесь: сканная серебряная и финифтяная работы, також и живописное искусство; последние два ремесла не столько значительны, в каком виде они прежде были, а особенно финифтяное, которое ныне пришло в совершенной упадок, по причине малого расхода и нерачения работающих оное. Сканное ж серебряное искусство до сих пор имеет свою цену: выделывают на манер Еврейского филигранного мастерства разные вещи из тонкой, сканной (девяносто шестой пробы) проволоки, как-то: вазы, баульчики, корзинки, солонки, кошельки, гербовники, серьги, марки и проч., и проч. Работа хотя и не прочная и скоро темнеет, но для глаз привлекательная. Оную можно производить с выгодой в больших городах, где вероятно скорее она могла расходиться из рук мастеров; и мастера могли бы там скорее, утончивши вкус, привести ее в высшую степень совершенства, нежели в таком удаленном краю, как здесь, и где все предметы, окружающие мастера, суть готического вкуса». То есть варварского, как считали в начале девятнадцатого века.

Кроме заводов, ювелиров и мастеров усольской финифти, были в городе слесари и искусные кузнецы, работавшие не только по железу, но и по меди с оловом, но все это были мастера штучные, после себя не оставившие учеников. «Недавно околачивали искусным образом ящички чеканным белым железом, и не более двух лет, как сия изящная отрасль искусства прекратилась смертью мастера. Такой же участи должны ожидать здесь и другие художества; ибо мастера здешние совсем не имеют в предмете передавать свое искусство посторонним и чрез то улучшать и укоренять оные; да и никто не печется ввести их в толь благонамеренные виды». Что и говорить, Федор Протопопов смотрел на своих земляков строго – и нерачительные, и вкус неутонченный, и искусство свое не передают... Выходит, что Введенский и Благовещенский соборы у него предметы «суть готического вкуса». Обидно, что и говорить.

Впрочем, не все так плохо: «находятся здесь хорошие плотники, столяры, токари, каменщики, оконничники, чеботари и многие другие мастеровые люди, упражняющиеся в сих изделиях для городских и сельских нужд. Мещанские девушки здешнего города славятся вышиванием полотенец и простынь». В двух верстах от города, как пишет Протопопов, «один крестьянин довел себя в сем искусстве до значительной степени: работает маленькие жаровенки, замки, утюги и прочие железные вещи с искусством и полировкой мало уступающим Тульским. Здешняго ж уезда в Кивокурской волости, разстоянием от города в 160 верстах работают замочки в золотник⁵¹ и более, и стенные часы, также с хорошим искусством». Вообще в уезде было царство натурального хозяйства – крестьяне ткали холсты, сермяжные сукна, тесьму, кушаки выделявали овчины, шкуры оленей и телят. Хватало не только себя обеспечить, но и продать излишки в Сольвычегодске.

Небольшая часть жителей никакими ремеслами и художествами не занималась, а имела доход от земли, доставшейся им по наследству, и которую они сдавали в аренду малоземельным крестьянам или обедневшим горожанам за половину урожая. Те же, кто заработать в Сольвычегодске не смогли, отправлялись в столицу, в сибирские и другие города. Часть сольвычегодского купечества осела в Иркутске, Якутске, Охотске и имела там крупные торговые обороты, приезжая на свою малую родину только для того, чтобы повидаться с родственниками, но вовсе не для того, чтобы торговать сибирскими товарами. Туда же, в сибирские города, к сольвычегодским купцам отправлялись на работу земляки работать приказчиками, и так там хорошо устраивались, что переписывались из сольвычегодцев в жители сибирских городов. Купцы, имеющие свои дела в Сольвычегодске, отправляли водой в Архангельск хлеб, лен, семена, сало, смолу и даже говядину, а оттуда привозили сахар, кофе, тонкие сукна, заморские вина, треску, палтуса, семгу, сельдь и ворвань. Из Устюга, Вологды, Ярославля и Москвы везли в Сольвычегодск медные кольца, кресты, белила, сургуч, сандал, бумагу и купорос. Это все привозилось в Сольвычегодск обычными торговыми путями, но, как сообщает Протопопов, «и ныне находятся люди, имеющие охоту к кочевой жизни, кои ездят к Оби до Березова и даже до местечка Обдорска⁵², путями весьма трудными, как-то: через речки, болота и лежа почти непроходимыя и места малообитаемыя. Туда завозят вино, водку, табак, кольца и тому подобное и имеют удачу, подпоя кочующих, выменивать на безделицы шкурки звериные, дорогой цены стояущия».

Вся сольвычегодская торговля была сосредоточена на двух ярмарках – Прокопьевской, проходившей в начале июля, и Введенской, проходившей в конце ноября. Как правило, приезжали туда окрестные крестьяне с продуктами и домоткаными изделиями. Приезжали из Устюга и Галича купцы с шелковыми, хлопчатобумажными тканями и тонкими сукнами. Еще в восемнадцатом веке, когда не было высоких пошлин на лес, пригоняли плоты с сосновым строевым лесом, разной величины лодки, привозили драницу – дощечки для обивки стен и потолков, скалье – бересту для кровель. Кроме этих двух ярмарок были два торговых дня – воскресенье и четверг, в которые на торг приезжали крестьяне из окрестных деревень с продуктами, дровами, сеном и деревянной

посудой. Цены на продукты приводить смысла не имеет, поскольку деньги тогда были другими, но мы приведем хотя бы для того, чтобы помечтать о том, что можно было бы купить на сольвычегодском рынке на нашу нынешнюю зарплату. Баран стоил три рубля с полтиной, живой десятидневный теленок три рубля, цыпленок пятнадцать копеек, курица полтинник, петух двугривенный, десяток яиц столько же, сколько и петух, пуд семги – восемнадцать рублей, а пуд щук или лещей – шесть, десяток карасей – полтинник, а столько же ершей три копейки. Пуд лучшей говядины стоил четыре рубля, а пуд лучшей свинины – пять шестьдесят.

Если мы возьмем «Опыт описания Вологодской губернии», составленный в 1830 году вологодским гражданским губернатором Николаем Брусиловым, и почитаем то, что написано о Сольвычегодске и уезде, то... не найдем и трех отличий с описанием Федора Протопопова. Самое главное отличие – появление в Сольвычегодске уездного народного училища. Ярмарка в городе осталась одна. Красильный и мыловаренный заводы умерли, но кожевенный стал работать. Купцы как ездили с хлебом и салом в Архангельск – так и продолжают ездить. Накупят там иностранных товаров, отвезут их на китайскую границу в Кяхту, там наберут китайских товаров и едут на Ирбитскую ярмарку или на Нижегородскую, но никак не в Сольвычегодск. Совокупный капитал, объявленный сольвычегодскими купцами на 1830 год, сто двадцать две тысячи рублей. При этом доход города в том же году – три тысячи рублей. Вот, собственно, и все, но... не все.

Павел Исаакович

В 1826 год город Сольвычегодск в первый, но не в последний раз стал местом политической ссылки. Сослали туда не кого-нибудь, а внука Абрама Петровича Ганнибала – Павла Исааковича. Между прочим, родственника Александра Сергеевича по материнской линии. Павел Ганнибал был подполковником Изюмского гусарского полка в отставке, участником войны с Бонапартом, кавалером нескольких орденов, человеком очень храбрым, вспыльчивым, своенравным и за словом в карман не лез... Вернее, он за тем, что говорил, не всегда следил. Дело Павла Исааковича в другое время и в других обстоятельствах, может, и не началось бы, но Ганнибал попал в то время и в те обстоятельства, в которые попал и... Впрочем, предоставим слово самому отставному подполковнику. Вот, что он пишет в письме начальнику Третьего Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии генерал-адъютанту Бенкендорфу: «В 1826 году, июня месяца, числа не упомяну, я зашел отобедать в ресторан и, к несчастью моему, встретился там с господином подполковником Краковским, который, вероятно, с намерением начав со мною разговор, обратил его на тех несчастных, которые по заслугам своим получили уже достойное наказание, упрекал их в возмущении 1825 года – делал самые поносные замечания. Я, движимый чувством сострадания, решился напомнить ему указ милостивого Монарха нашего, запрещающий упреки потерпевшим наказания – из уст моих вырвалось слово, что они слишком строго наказаны».

Подполковник Краковский конечно же донес, и через два месяца, когда Павел Исаакович уже и думать забыл об этом разговоре, его арестовали и препроводили в один из казематов Петропавловской крепости. В начале октября того же года комендант Петропавловской крепости генерал-адъютант Сукин получил распоряжение столичного генерал-губернатора Голенищева-Кутузова, в котором говорилось: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил: Содержащегося во вверенной Вашему Высокопревосходительству крепости отставного подполковника Ганнибала выслать Вологодской губернии в город Сольвычегодск, где жить ему под надзором полиции. Вследствие чего благоволите Ваше Высокопревосходительство приказать его Ганнибала доставить к здешнему Обер-полицмейстеру для дальнейшего исполнения Высочайшей воли».

И поехал бедный Павел Исаакович Ганнибал за казенный счет в город Сольвычегодск. Хорошо, что не в Сибирь, не в рудники, а в Вологодскую губернию. В конце октября того же года приехал он Сольвычегодск. Город был взбудоражен. Еще бы – Ганнибал у ворот. Это потом политических ссыльных здесь будет пруд пруди, а тогда... Прожил Ганнибал в Сольвычегодске полгода, и за это время успел рассориться почти со всем сольвычегодским обществом. Сам он так описывал свою нелегкую жизнь политического ссыльного: «Я не был пощажен тамошним господином городничим Соколовым: к квартире моей были приставлены десятские, сам господин городничий, ежедневно посещая меня в нетрезвом виде, более обращением своим расстраивал мое здоровье – ипохондрия усиливалась, о чем рапортовано было ежемесячно им, господином городничим, куда следует. В несчастном моем положении избегая всякого общества, я навлек на себя вражду, тем более что в одно время наскуча посещением незваных гостей моих, забывших должную благопристойность, в том числе и господина городничего, – я решился выгнать их вон».

В свою очередь городничий Соколов в одном из своих рапортов губернскому начальству сообщал о Ганнибале: «Всегда почти мрачен и часто, особливо в квартирах, задумывается до такой степени, что по несколько минут как будто и не видит, и не слышит ничего; опомнясь же, быстро говорит о себе». Городничий забыл прибавить, что не только всегда почти мрачен, но и всегда почти пьян, а в пьяном, да и в трезвом виде любил стрелять из окна дома купца Пьянкова, в котором проживал, из маленькой сигнальной пушки, которую он то ли привез собой из столицы, то ли купил в Сольвычегодске по случаю. Поскольку средств у Ганнибала, привыкшего жить на широкую ногу, катастрофически не хватало, несмотря на назначенное от казны содержание, Павел Исаакович стал занимать деньги у сольвычегодцев. У всех, у кого можно было занять. Даже у городничего, которого он на дух не выносил, подполковник занял более полутора сотен рублей.

Долгами дело не ограничилось. Скучающий ссыльный стал ходить с визитами к сольвычегодцам. Оно бы еще ничего, если бы его приглашали, но он приходил без приглашения и вел себя так, что двери почти всех домов для него оказались закрыты. Городничий доносил вологодскому губернатору, что Ганнибал, явившись без приглашения к заседателю и застав там купца Пьянкова, «оказывал некоторые знаки своего отвратительного нерасположения» к нему, а после его отъезда так разошелся, что обещал «разбить ему рожу, называл мужиком и ничего незначащим человеком». Городничий усовестить Ганнибала не смог, и тогда вологодский губернатор, который регулярно получал рапорты городничего, приказал «объявить Ганнибалу, дабы вел жизнь смиренную и без приглашения никуда не выходил, кроме церкви. В оскорблениях известному в честности купцу Пьянкову и купцу Мамаеву должен он заглаживать извинением, испросив прощение; ежели же они будут просить за понесенные оскорбления, то он может подвергнуть себя содержанию, как буйный и нетерпимый в обществе человек. Жителям объявить, если кому случится оскорбление от Ганнибала, то хозяин онаго должен ответственность». Однажды дело дошло до того, что протоиерей Кириллов просил заехавшего к нему городничего вывести из дома Ганнибала с его другом неким Воронежским, товарищем из сольвычегодцев по совместным выходкам, с полицией, поскольку пришли они без приглашения и уходить не собирались.

Как только Павлу Исааковичу городничий зачитал приказ губернатора, он пришел в ярость. Городничий так живописал в своем рапорте эту сцену: «Как смел генерал-губернатор обо мне так писать, чтоб я испросил прощение – и у кого же: у купцов! <...> И Вы, Василий Васильевич, доносили на меня?.. Знайте же, что я Вас убью, застрелю, и что это не на словах, а на самом деле исполню!..» И это при том, что ссыльный имел в своем распоряжении хотя и сигнальную, но все же пушку. Городничий так испугался, что написал губернатору: «Не было ли бы полезно послать Ганнибала в другое место, где бы можно было распорядиться с ним так, как образ его поступков требует». Он же и в

министерство внутренних дел написал подробное письмо с рассказом о поведении ссыльного, спросив при этом: «не благоугодно ли сослать Ганнибала в Соловецкий монастырь». Оказалось, что благоугодно, и в полдень двадцать шестого апреля 1827 года Ганнибала в сопровождении жандарма и гарнизонного солдата отправили на Соловки, причем предписано было в Архангельск его не завозить, а доставить в монастырь другой дорогой. Перед отъездом Павел Исаакович захотел проститься с некоторыми сольвычегодцами, но в этом ему было отказано. Разрешили лишь позавтракать у его друга Воронежского, но при этом не дали ни ножа, ни вилки.

После того, как Ганнибала увезли, в истории сольвычегодской политической ссылки наступил перерыв почти на сорок лет.

Дело купца Папулина

Прервем хронику текущих сольвычегодских событий, чтобы рассказать об истории, которая началась в Сольвычегодске в десятых годах девятнадцатого века, но вышла далеко за пределы маленького уездного города Вологодской губернии. В 1814 году епископ Вологодский и Устюжский Онисифор, совершая обзор епархии, приехал в Сольвычегодск и осмотрел Благовещенский собор, который за восемь лет до его приезда сильно пострадал от пожара. Надо сказать, что и через восемь лет после пожара его последствия устранены не были. Денег на это у соборного причта не было. Оно и понятно – город к тому времени, можно сказать, перебивался с хлеба на квас и собору помочь никак не мог. Епархия тоже такими средствами не обладала, но хозяйственный епископ увидел в соборе большое количество крупного и мелкого жемчуга, драгоценных камней оставшегося еще со строгановских времен. Не откладывая дела в долгий ящик, Онисифор обратился в Синод с предложением «продать некоторую часть жемчугу и камней разного достоинства из Сокровищ соборных и тем извлечь Сольвычегодский Собор и служителей онаго из скудного их состояния». Синодальное начальство с предложением согласилось, епископ составил смету на ремонт, и оказалось, что... все равно на ремонт не хватит. Преосвященный Онисифор попросил у церковного начальства прибавить денег «к сумме, какая продажею вещей приобретена будет», но Синод денег не дал, а предписал преосвященному «сделать опись всем драгоценным вещам в том соборе находящимся, с изъяснением, какие из них еще можно назначить в продажу по ненадобности их». Быстро составили расширенный список того, что можно было продать. Что-то предполагалось продать целиком, а с чего-то решили снять оклады, драгоценные камни, жемчуг и продать отдельно. В сентябре 1818 года в Москве на продаже церковного имущества Благовещенского собора выручили на нужды храма около двадцати одной тысячи рублей. Часть серебряной басмы, снятой с икон, переплавили и продавали серебро в слитках.

Весной 1819 года решено было начать ремонт собора. В ходе ремонта предполагалось разобрать примыкавшие к собору малые придельные храмы. Дополнительных денег Синод на ремонт не давал, и потому решили пойти по уже проторенной дорожке – продавать иконы. Тут как на грех в начале июня того же года случился новый пожар. Мало того, что огнем повредило главы и крышу собора, так еще и полностью сгорела приписанная к нему Сретенская церковь. Из огня удалось вынести только иконы. В декабре 1821 года соборный протоиерей Афансий Кириллов вместе с причтом и церковным старостой обратились к Онисифору с предложением разрешить продажу ветхих икон, в приделах, предназначенных к разборке. Разрешение они через два месяца получили и стали искать покупателя. Месяца не прошло, как он нашелся – им оказался судиславский купец второй гильдии Папулин. Продали ему 207 икон по соборной описи, некоторое число ветхих икон, 19 складней и крест на общую сумму 9100 рублей. В 1823 году и в 1826 годах соборный причт продал Папулину еще 64 иконы, 28 ветхих образов для переписки, трое Царских врат, 35 складней... Соборными приделами дело не ограничилось. Часть икон взяли из главного храма. Активно торговали, что и

говорить. Всего продали около 380 икон, среди которых были и миниатюрные, и среднего размера, и даже большие, достигавшие в высоту двух метров. И все бы ничего, но беда была в том, что судиславский купец Папулин был старообрядцем федосеевского согласия, то есть раскольников, а продажу икон и церковного имущества раскольникам правительство запрещало.

Все купленные иконы Папулин увез к себе домой, в Судиславль, и поместил после реставрации, которую сам же и оплатил, в двух моленных скитах, устроенных им для призрения мужчин и женщин федосеевского согласия. То, что в скиты не поместилось, Папулин отослал другим старообрядцам, в том числе и на московское Преображенское кладбище, где находился духовный центр федосеевцев. Часть икон была отослана в Петербург, а несколько большемерных икон Папулин отправил своим единоверцам в храм Покрова Пресвятой Богородицы на московском Рогожском кладбище. Это уже квалифицировалось как распространение раскола. Конечно же, нашлись люди, которые об этом донесли куда следует. Тут уже правительство, изводившее раскольников всеми доступными ему средствами, вмешалось. Судиславские моленные Папулина хотя и спустя некоторое время, но закрыли, а иконы конфисковали и в 1846 году отправили на хранение в кладовые костромского Ипатьевского монастыря.

Началось следствие. Нагрянули с обыском на московское Преображенское кладбище, и там тоже нашли иконы из Сольвычегодска. Откуда ни возмись, возник какой-то отец Федор Артемьев из Сызрани, заявивший на следствии, что протоиерея Благовещенского собора подкупили за тысячу рублей, а икон Папулин вывез на шести парах подвод не 380, а все 1350, заплатив за них всего шесть тысяч рублей. Мало того, он еще продал часть этих икон староверам за тринадцать тысяч рублей. Все это были обвинения бездоказательные и даже абсурдные, поскольку такого количества икон было не набрать, даже если Благовещенский собор обобрать дочиста, но доказательствами следствие себя не утруждало. Папулина арестовали по личному распоряжению Николая Первого, сослали в Кирилло-Белозерский монастырь, а затем и на Соловки.

Что касается икон, то они в конечном счете оказались у графа Сергея Григорьевича Строганова, который узнав о закрытии папулинских моленных и аресте самого Папулина, обратился к обер-прокурору Святейшего Синода с просьбой отдать ему конфискованные иконы как «памятники благочиния его предков». 22 октября 1847 года ходатайство графа было удовлетворено и секретным указом императора костромскому епископу Иустину было предписано передать иконы Строганову, что и было сделано. Благодарный Сергей Григорьевич пожертвовал четыреста рублей в пользу Ипатьевского монастыря.

Потом граф Строганов переехал вместе со своей коллекцией из Москвы в Петербург, потом части ее пожертвовал в Музей Духовной академии и в музей при Обществе поощрения художников, потом, уже после семнадцатого года, новая власть конфисковала петербургский дворец Строгановых вместе с коллекцией икон, потом изрядно обветшавшие иконы отдали на реставрацию в Русский музей, потом они так в нем и остались. Впрочем, это уже совсем другая история, к Сольвычегодску и его уезду отношения не имеющая.

Строгий выговор с запиской в книгу

Вернемся в середину девятнадцатого века. Немного скучной статистики. В тот год, когда в Сольвычегодск привезли Ганнибала, в городе имелась деревянная городская тюрьма, две пожарных трубы, четыре пожарных бочки, городская больница, помещавшаяся в доме, принадлежащем городу, при ней лекарь и два подлекаря. Зарплата лекаря составляла шестьсот, а подлекаря двести рублей в год. При этом зарплата городничего была ровно в два раза меньше зарплаты лекаря. На весь город приходилось пять низших служителей – канцеляристов, подканцеляристов и копиистов, то есть тех,

кто служил в присутственных местах и канцеляриях учреждений. Им платили мало – всего по восемьдесят пять рублей в год из доходов города, а не из казначейства, как лекарю, подлекарям и городничему. Канцеляристы и копиисты, наверное, как-то выкручивались – писали за умеренную плату сольвычегодцам и жителям уезда прошения, подкладывали начальству на подпись в первую очередь те прошения, за которые... Впрочем, документов на этот счет не сохранилось, и потому не будем их обвинять. На восемьдесят рублей жалованья в год поди проживи – это ведь семь рублей с копейками в месяц. Еще и Бог что ни год благословляет супругу беременностью... Тут фунт семги за полтинник не купишь – тут только ершами по три копейки за десяток и питаться. Еще и водка проклятая, еще и карты...

От крупного события, каким в масштабе Сольвычегодска был приезд в город первого политического ссыльного, да еще такого, как Павел Ганнибал, перейдем к событиям более мелким и происшествиям. Правду говоря, в жизни Сольвычегодска позапрошлого века более мелких событий и происшествий тоже было не так много. Вологодские губернские ведомости, подробно освещавшие жизнь губернии и ее уездных городов, о Сольвычегодске и уезде писали до обидного мало. Возьмем, к примеру, 1838 год – самый первый год издания Вологодских губернских ведомостей и посмотрим, что тогда писали о Сольвычегодске и уезде. В феврале дворянским заседателем в Сольвычегодск назначен отставной губернский секретарь Николай Подьяконов; тогда же, в феврале, городничего майора Волкова наградили орденом Св. Станислава III степени; продавался одноэтажный ветхий дом, принадлежащий мещанину Прокопию Белослудскому, «и продается за неплатеж им на удовлетворение претензии по опеке малолетних детей Паламодовых»; в апреле Вологодским губернским правлением был объявлен торг на доставку в Сольвычегодск по воде полутора сотен пудов пороха; в том же месяце ревизия присутственных мест Вологодской губернии показала, что в Сольвычегодске арестантов нет, незавершенных дел всего семь, пожарные инструменты исправны «и в городе опрятность». Сольвычегодскому городничему «за наблюдение в городе опрятности и исправности пожарных инструментов» велено «объявить признательность, о чем чрез припечатание в Губернских Ведомостях от Вологодского Губернского Правления и объявляется». В конце июля из Сольвычегодска в Вологду приехал учитель Сольвычегодского уездного училища двенадцатого класса Иван Протодяконов, а из Вологды в Сольвычегодск выехал уездный землемер Журавлев. В конце сентября выставлено за долги на продажу движимое и недвижимое имущество умершего сольвычегодского купца Василия Пьянкова. В октябре земским исправником в Сольвычегодск определен отставной капитан Нарбут. Предыдущему земскому исправнику Василенко, который во время рекрутского набора «оказался не только нераспорядительным, но даже беспечным», Вологодское губернское правление приказало «сделать строгий выговор с запиской в книгу, предварив ее при том, что если к новому году он по крайней мере не очистит всю рекрутскую и податную недоимку за текущий год, то подвергнется законной ответственности».

В примечаниях к этому строгому выговору с записью в книгу скажем, что чиновники не рвались ехать служить в Сольвычегодский и соседние с ним уезды. Так они не рвались, что правительство даже издало указ о льготах для тех, кто поедет в Сольвычегодск или Яренск, или вовсе на край света в Усть-Сысольск, обещая выплатить пособие в размере годового оклада не в зачет жалованья. Тем же, кто прослужит беспорочно восемь лет, полагалась прибавка к обычному жалованью в половину оклада, тем, кто прослужит восемнадцать лет, прибавляли три четверти оклада, а тем, кто прослужит двадцать лет, прибавляли к обычному еще один оклад и... все равно не хотели.

Осталось только добавить, что в тот год фунт соленой семги по данным Вологодских губернских ведомостей на рынке Сольвычегодска стоил полтинник. Сама по себе эта сумма нам не говорит ни о чем, но если пересчитать ее на пуд и сравнить с ценой

за пуд соленой семги, указанной в записках Федора Протопопова, то выйдет, что пуд соленой семги подорожал на два рубля или на десять процентов за двадцать пять лет. За это же время цена пуда свежей говядины первого сорта, стоившей четыре рубля, выросла почти на четверть, но Вологодские губернские ведомости дают цену за фунт, а Протопопов за пуд и потому цена за пуд могла быть и меньше. Цена пуда свежих щук тоже увеличилась на четверть. Выходит, что цены на семгу и мясо росли в год на один процент. ~~Нам бы такие темпы инфляции.~~ Цена за пуд сена за четверть века упала в два раза – с пятидесяти копеек до двадцати пяти.

Теперь о происшествиях. Их, как уже говорилось, было немного и даже меньше, чем немного, но они все же были. В июле 1829 года приезжал в город чиновник вологодского губернатора по особым поручениям Зависецкий расследовать секретные дела о скоропостижной смерти исправника Болотова и об убийстве жены уездного казначея Беляева, причем главным подозреваемым был сам Беляев. В начале ноября 1839 года, писали Вологодские губернские ведомости, крестьянин из деревни Устьмабель Сольвычегодского уезда Григорий Ларионов, тонувший в реке Двине, умер «от холоду». В конце того же месяца казенный крестьянин Череповской волости Никифор Чулков убится на мукомольной мельнице. Ревизия показала, что дороги в уезде находятся «в худшем виде, хотя и было Земским Судам в особенности исправникам не раз замечено о приведении их в вид исправный, равно также о срытии по возможности непомерной крутизны горы вообще о наблюдении в селениях опрятности». В январе 1840 года сольвычегодского почтмейстера титулярного советника Егора Андреевского произвели в коллежские асессоры. Ровно через год сенатским указом исправляющего должность сольвычегодского окружного начальника государственных имуществ титулярного советника Осипа Матиевского произвели в коллежские асессоры, а на вакансию уездного землемера определили коллежского регистратора Илиодора Швиля. В марте 1841 года в городские головы выбран купеческий сын Андрей Хаминов, в гласные городской думы мещане Федор Милохин и Николай Колобов, в бургомистры мещане Василий Зазубрин и Василий Токмаков, в ратманы мещане Григорий Муксунов, Дмитрий Милохин, Алексей Неволин и Александр Инкин. В середине июня городская дума «вызывает желающих занять праздную вакансию секретаря по праву поступления на оную с получением жалованья восемьдесят шесть рублей серебром в год». Тогда же в июне из Сольвычегодска в Вологду приехали уездный судья Насонов, купец третьей гильдии Пьянков и чиновник палаты государственных имуществ капитан Закускин. В первой половине года в Сольвычегодске и уезде, как и во всей губернии, прививали оспу детям. Привито было сто пятьдесят три ребенка. В конце октября в Сольвычегодске сгорел дом мещанина Ивана Клишева. В начале ноября вологодский гражданский губернатор и губернская строительная комиссия объявили «совершенную благодарность членам временного в городе Сольвычегодске Строительного Комитета по перестройке каменного корпуса тамошних Присутственных мест, и Гражданскому Инженеру Фортунатову, за оказанную ими распорядительность при спасении того корпуса и заготовленных материалов во время бывшего шестого минувшего сентября весьма в близком расстоянии пожара, в особенности же заступавшему должность Председательствующаго в том Комитете Дворянскому Заседателю Уездного Суда Котову, показавшему при сем случае отличное усердие и само отвержение», а в конце месяца в должности городничего Сольвычегодска был утвержден штабс-капитан Воцкий и по постановлению Вологодского губернского правления сделан выговор с занесением в книгу исправляющему должность пристава первого стана Сольвычегодского уезда Сахарову за медленность по делу о горевшем у крестьянина Горячевского дом с именем. В середине декабря гражданский инженер Фортунатов уехал в Вологду.

Теперь о том, о чем не писали в губернских ведомостях, но о чем можно прочесть в воспоминаниях Лонгина Федоровича Пантелеева – русского издателя, общественного деятеля и члена организации «Земля и воля», отец которого как раз в конце тридцатых и

начале сороковых был начальником инвалидной команды в Сольвычегодске. По рассказам его матери, отец Пантелеева, Федор Савельевич, офицер гарнизонного батальона в Вологде, устал от постоянных учений и дежурств, поскольку был уже немолод. «Захотелось ему места поспокойнее; снесла я дюжину серебряных ложек жене батальонного командира, – ну, отец и получил место начальника инвалидной команды в Сольвычегодске». Недолго прослужив начальником инвалидной команды, Федор Савельевич заболел и с неофициального разрешения губернского начальства уехал лечиться в Вологду, а инвалидной командой... стала командовать его жена, мать грудного Лонгина Федоровича. Она могла бы хоть до пенсии командовать, если бы ей таковая полагалась, но «так как здоровье отца не поправлялось, то он подал прошение об отчислении его от инвалидной команды, а в Сольвычегодск был прислан приемщик, которому матушка и сдала команду и все казенное имущество. В те времена всякая сдача обязательно сопровождалась уплатой приемщику известной суммы». Если вы думаете, что в соседних Устюге или в Тотьме, или не в соседних Чухломе или Кологриве было по-другому, то ошибаетесь.

Оставим на время хронику происшествий и посмотрим на то, что происходило с Сольвычегодским уездным училищем в двадцатые и тридцатые годы девятнадцатого века, но перед этим скажем несколько слов о том, как проходили ежегодные публичные испытания учеников. Публику на эти экзамены привлекали угощением, которое устраивали в конце торжества. Поскольку уездные училища обычно помещались чуть ли не в избушках и каморках, то помещение для таких испытаний предоставлял кто-нибудь из состоятельных граждан, и он же тратился на угощение. Вот составленное штатным смотрителем училища Мудровым описание публичных экзаменов, прошедших в конце августа 1816 года в доме сольвычегодского исправника. «После литургии и молебна в соборной церкви, учащие, ученики и посетители вошли в залу испытания, предоставленную исправником Силиным в дом его по неудобности занимаемых училищем покоев, для какового случая г-жа Силина украсила предварительно портрет Государя Императора лаврами и букетами, а пол зала усыпала цветами, в коем по вшествии, посетители были встречены краткими стихами от ученика первого класса Зинова Мудрова, а потом началось испытание. По сем произнес слово “о российской словесности” штатный смотритель Мудров. Наконец хозяин дома угостил посетителей богатым угощением. Из второго класса выпущен один ученик». Вся церемония длилась около трех-четырёх часов, и все это время ученики, смотритель и учителя развлекали посетителей стихами, приветствиями, разговорами и многоголосным пением церковных и светских песен. В 1818 году на публичном испытании пятеро учеников устроили для приглашенных диспут о преимуществах между историей, географией, грамматикой и математикой.

Между тем неоднократные проверки училища губернским начальством обнаруживали слабую подготовку учащихся. Директор училищ постоянно был недоволен то медленным ходом обучения, то тем, что ученики вы зубривают учебники, не понимая того, что в них написано. Несмотря на то что уездные училища были призваны готовить учеников к поступлению в гимназии, из сольвычегодского училища за первые двадцать семь лет его существования в Вологодскую гимназию поступило лишь два человека. Все остальные выпускники пошли работать в казенные учреждения. К началу 1830 года в училище состояло 38 учеников. В марте 1832 года училище было преобразовано из двухклассного в трехклассное, и жизнь в нем понемногу стала налаживаться. К тому времени в училище преподавали и русский язык, и историю, и географию, и арифметику с геометрией. Через год после преобразования училище приобрело двухэтажный полукаменный дом. В 1837 году учеников, по случаю поступления крестьянских мальчиков, из которых собрались готовить писарей, стало 106. Штатному смотрителю училища Петру Семеновичу Балову в конце декабря 1840 года от Санкт-Петербургского учебного округа была объявлена благодарность. Сообщая Балову о вынесенной

благодарности, директор училищ Вологодской губернии Башинский писал: «<...> особенно по успехам и количеству учащихся может ныне служить примером для других, что самое Его Сиятельство приказал сделать известным по всей дирекции <...>». Через шесть лет Башинский приедет в сольвычегодское уездное училище с проверкой и в ревизионном отчете напишет, что «Внешность детей весьма была прилична, так что по одной наружности детей очень можно судить о хорошем устройстве заведения. Даже дети самобеднейших были в приличном одеянии. Чертежи и рисунки образцовые. Смотритель Балов расторопен, отличный чиновник. Сделано наставление учителям, чтобы они неослабно следили за ходом усовершенствования предметов, и сами постоянно занимались обогащением себя новыми запасами наук».

Вернемся к известиям о жизни Сольвычегодска, регулярно сообщаемыми Вологодскими губернскими ведомостями. Если мы самым внимательным образом посмотрим на то, что публиковалось в губернской газете в сороковых годах позапрошлого столетия на этот предмет, то... нет, не уснем, но зевать будем... В сорок третьем году по постановлению губернского правления сделан выговор членам Сольвычегодского Земского Суда и Секретарю за нерассмотрение и отсылку дел с недостатками в местный уездный суд к решению. Городской голова Хаминов пожертвовал двадцать копеек серебром пострадавшим от пожара в Перми, мещане Михайло Мелентьев, Александр Нозиков, бургомистр Зазубрин и солдатка Афимья Шивринская по пять копеек, а губернский секретарь Кирьянов двугривенный. В том же году первого октября в огромный каменный дом с колоннами, которое купец Пьянков продал городу под присутственные места, переехали уездное казначейство, городническое правление, уездный суд, земский суд и канцелярия уездного стряпчего, занимавшие ранее частные квартиры в разных местах города. Кроме того, в доме был устроен зал для дворянского собрания и квартира городничего. Въехали торжественно – сначала молебен с водоосвящением, потом литургия, потом торжественная речь архимандрита чиновникам в зале дворянского собрания, и после возгласения многолетия государю императору и всему августейшему дому все комнаты дома окропили святой водой. Ну, а после окропления «Духовенство, Чиновники и граждане, присутствовавшие при этом торжестве, угощены в особой зале завтраком, который окончился тостом за здоровье Государя Императора и всего Августейшего Дома, сопровождаемым громким “ура!” как выражением верноподданнической преданности Государю и Престолу. Вечером перед домом, иллюминированным внутри и снаружи, выставлено было Вензеловое Имя Государя Императора, блестящее радужными огнями. Тихий осенний вечер, при сухой погоде, вполне содействовал общему торжеству, заключившемуся балом, данным Чиновниками в зале Дворянского собрания».

На первом этаже теперь уже бывшего дома Пьянкова устроили тюрьму, а в конце января сорок четвертого освятили тюремную церковь во имя святителя Николая. «При сем приятно для сердца Русскаго услышать о пожертвовании двух тысяч рублей ассигнациями на сооружение тюремной церкви крестьянином Крохиным <...> и в последствии на этот же предмет купецкою вдовою Паламодовою внесенных двух тысяч рублей ассигнациями». По окончании литургии совершили молебен с провозглашением многолетия государю императору и всему августейшему дому, преосвященному Иринарху, епископу Вологодскому и Устюжскому, был крестный ход при колокольном звоне, после которого члены Тюремного комитета, все духовенство и многие посторонние лица были приглашены на завтрак к старосте тюремной церкви и уездному судье Насонову.

И снова, теперь уже в сентябре сорок шестого года, «От Вологодского Губернского Правления сим объявляется, что в оном, в следствие рапорта Сольвычегодского Городового Магистрата, двадцать пятого числа будущего Ноября, продаваться будут: деревянный дом с строением и землею, мыловаренный завод с анбаром на своз и анбар с хлевом и сенницею на своз же, принадлежащие

Сольвычегодскому мещанину Василию Неволину, и состоящие в городе Сольвычегодске за неплатеж Невוליным в пользу частных лиц и казны денег». Снова цены за пуд ржаной муки, за фунт гороха, пшена, свежей говядины и свинины первого сорта, за курицу, десяток яиц, фунт соленой семги, коровьего масла или конопляного масла, пуд сальных свечей...

Было, однако, исключение. В июле сорок шестого года губернские ведомости писали: «С последнею почтою получено известие, что в Сольвычегодске 4-го числа текущего Июля свирепствовал почти целый день сильный и порывистый юго-восточный ветер, которым с главного купола церкви Введенского монастыря сорвало крест, с многих домов, в том числе с Присутственных мест снесло крыши, коверкало их и бросало на значительное пространство, оконничные рамы вырывало из петель и летевшими осколками и щепами выбило значительное количество стекол, у многих домов сорвало с петель полотна ворот и сломало много заборов. Быстрая и широкая Вычегда бушевала, кипела и пенилась от всплесков волн. Разбито разной величины судов и лодок четырнадцать. К счастью никто не сделался жертвою этой страшной бури».

Буря утихла, и в сорок седьмом году Вологодские губернские ведомости сообщают из Сольвычегодска о том, что в пользу пострадавших от пожара жителей Томска коллежский асессор Насонов, удельный депутат Львов, титулярный советник Юдицкий и штабс-капитан Яровой пожертвовали по пятьдесят копеек, титулярный советник Жаворонков двадцать пять копеек, а титулярный советник Карпущенков отдал рубль; о том, что за перевоз через Вычегду во время весеннего половодья берут полкопейки серебром с пешего человека не служащего, с лошади без упряжки, коровы и быка со штуки полтора рубля, с товаров, перевозимых в телегах без лошадей и без телег с пуда четверть копейки, а в летнее и осеннее время с пешего человека не служащего четверть копейки, с лошади без упряжки, коровы и быка со штуки три четверти копейки; о том, что весной сорок восьмого года в Сольвычегодском уездном суде «первого числа будущего марта будет продаваться деревянный одноэтажный дом, состоящий города Сольвычегодска в четвертом квартале, оцененный в сто рублей серебром, принадлежащий сольвычегодскому мещанину Андрею Попову за упущения его в бытность опекуном над имением малолетних детей Паламодовых».

Примечания

¹Областные власти обещают не только дорогу от Котласа от переправы сделать асфальтовой, но и построить мост через Вычегду, чтобы можно было до Сольвычегодска доехать без пересадки на паром. Правда, обещают не первый год. Пока мост проектируют. Тоже, кстати, не первый год. Архангельский губернатор обещал, что основные работы по строительству моста и подъездных путей (включая асфальтирование) запланированы на период 2025–2028 годов. Не то, чтобы у нас губернаторы горазды обещать, но... Пока дорогу время от времени подсыпают гравием и разравнивают грейдером.

²Краевед Павел Григорьевич Доронин, обнаруживший Вычегодско-Вымскую летопись, через тридцать лет после находки подготовил ее к публикации. В предисловии к ней он писал: «Приводимые ниже документы мной были переписаны в 1927 году из рукописной книги устьвымской Благовещенской церкви под названием “Старинная летопись устьвымской архангельской и благовещенской церкви и царские грамоты”. Рукописная книга ¼ формата состояла из 87 страниц текста, написанного довольно убогим почерком начала XIX века. Она была переплетена в толстую обложку холщовым покровом. До полсотни страниц в ней ничем не заполнено. <...> В 1929–30 годах Степановская и Благовещенская церкви были закрыты и переданы под складские помещения и под столовую управлению лагерей. О дальнейшей судьбе этих рукописей мне ничего неизвестно. <...> Прилагаемая устьвымская летопись, судя по припискам, приложенным к летописи, была начата между 1586–1588 годами черным (монастырским)

попом Мисаилом, в период епископства Антония Вологодского. Первоначально летопись велась при устьвымской Архангельской церкви. После смерти Мисаила, летопись продолжал священник Благовещенской церкви Евтихий. События в летописи доведены только до 1619 года, так как в дальнейшем последовал запрет вести летописи церковнослужителям низшего звания». Ничего хорошего ни Степановскую, ни Благовещенскую церкви после передачи их под склады и столовую управления лагерей не ждало, а уж хранившиеся в них летописи...

³Об Алексее Ивановиче Соскине известно не очень много. Родился он примерно в 1761 году и, как сказано в Обывательской книге города Соли Вычегодской конца восьмидесятых годов восемнадцатого века, «его отец, дед, прадед и прапрадед были старинные сего города сольвычегодские граждане». Когда Алексею было одиннадцать лет, умер отец, и ему пришлось работать. Чтобы обеспечивать не только себя, но и свою мать. Начал он с должности рассыльщика Сольвычегодского городского магистрата и закончил ратманом – членом городского магистрата. В промежутке был и писцом, и копиистом у городского головы, выбирали его и городским словесным судьей. Через два года после смерти матери в восемьсот втором году, Соскин, которому к тому времени было уже сорок четыре года, женился на дочери сольвычегодского присяжного сержанта Аграфене Старковой. Умер в июне 1822 года от чахотки и похоронен, как написано в метрике городской Владимирской церкви, на городском кладбище. Точное место захоронения неизвестно. Потомства не оставил. Вот, собственно, и все, что мы о нем знаем. Писать историю города стал в двадцать восемь лет, находясь в должности ратмана. Писал он ее, как указывал в предуведомлении к читателю, «От сущаго усердия моего ко отечеству, хотя я в исторических и пиитических, философских науках не бывал, дерзнул град Соль Вычегодскую описать, древнее и нынешнее его состояние. И что убогий мой труд, ежели благоволит благосклонный читатель прочитать, не дивись простому слогу и слов изречению. <...> И буде, благосклонный читатель, если вы, согражданин, оного нашего отечественного града или места, то останитесь без сумнения. Я вам истинно объясняюсь, что в сей Истории все то, что я письменно приобрел и от кого слышал и сам видел, а коли и паче по долгу звания христианина солгать мне несвойственно на град отечества моего воспитавшим и согражданам, а притом же ни для какой собственной прибыли и наживы. Я единственно сию историю написал в незабвенную память своим согражданам, из которых многие мне в сочинении сего моего убогаго труда сообщением документов вспомогатели были... и по обстоятельствам сколько мох написах». Представь себе, благосклонный читатель, Сольвычегодск конца восемнадцатого века – окруженные с трех сторон лесами и болотами, а с четвертой – рекой семнадцать церквей, третьеклассный монастырь, питейный дом, горсть деревянных домиков, в которых живут крестьяне, мещане, купцы, торгующие топленным салом, кожами, льном, хлебом, мехами, выращивающие на своих огородах капусту, морковь и редьку, а в одном из домов сидит молодой человек двадцати восьми лет, читает «Древнюю Российскую историю» Ломоносова, «Описание Сибирского царства» Миллера, «Дневные записки путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства», «Историю Российской коммерции» Чулкова, летописи, вороха документов, принесенных с работы, чинит ножиком перья, жжет свечи, на которые уходит прорва денег, и пишет, пишет «от сущаго усердия ко отечеству» и в «незабвенную память своим согражданам» историю города Соли Вычегодской вместо того, чтобы растить капусту с редькой, ловить налимов и щук в Вычегде, торговать топленным салом или, на худой конец, просто пить горькую.

⁴Под летописцем здесь имеется в виду рукопись восемнадцатого века «Летописец о граде и о посаде Соли Вычегодской», которая теперь хранится в рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

⁵Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках о Московитских делах» писал: «...ибо все то, что окружено стеною, укреплено тыном или огорожено другим способом, они называют городом».

⁶Тын или частокол – простейший тип деревянной крепостной стены из вкопанных в землю и заостренных сверху бревен. Тыновые стены окружали острог и устраивались во рву и на валах.

⁷Иглы или укрепления – подпорки тына в виде наклонных бревен или в виде коротких столбов-упоров, которые забивались в землю перед тыном, образуя подпорную стену.

⁸Тарасы – то же, что и городни.

⁹Верхние бои – бойницы, из которых обычно велась стрельба.

¹⁰Были еще и колодезные мастера, копавшие вместе с подручными колодцы, в которые устанавливали рассолоподъемные трубы; набивщики, набивавшие мешки с уже просушенной солью; мешкодеры, державшие мешки во время их набивки солью; дровяные нарядчики, следившие за своевременным подвозом дров к варницам, песочники, удалявшие из црена выпадавшие в осадок в процессе варки соли плохорастворимые в воде вещества и, наконец, выскребенцы, вычищавшие из црена все то, что к нему прилипло насмерть после того, как варка закончена и полученная соль отправлена на сушку.

¹¹Там же, где «россольные места» приходилось искать, делали это в низких, болотистых и сырых местах, покрытых чахлым ельником или березняком, или вовсе лишенных растительности. В местах диких искали те, в которых лесные звери оставляли много следов, когда лизали соленую почву. Мастер брал кусочки глины и сначала пробовал их на вкус, а потом бросал в костер. Если глина в костре потрескивала и, после того как подсыхала, липла к языку, считалось, что место для закладки трубы найдено. Если же это был, к примеру, ручей, то по его берегам мог оставаться белый соляной налет от естественного выпаривания. Еще одним признаком нужного места был «засольный дух» – запах сероводорода, выделявшегося в местах выхода соленых источников на поверхность.

¹²С круглым годом тоже все было не так просто. Вычегда протекала слишком близко от Соляного озера, и половодье было таким сильным, что заливало все варничные места. С середины апреля и до начала мая все варницы работу прекращали и готовились к наводнению, которое уносило и заготовленные дрова, и портило варничные печи, и даже сносило кое-как построенные жилые помещения разнорабочих. В середине июня вода спадала и начиналась авральная работа по устранению последствий. Самым лучшим сезоном для варки соли было летнее время до конца августа.

¹³Зимой пресная вода из рассола вымерзала, и ярыжки разбивали и выбрасывали из ларей лед для повышения концентрации соли в оставшемся растворе.

¹⁴Рассолы были двух типов – «мягкие», в которых содержалось минимальное количество известняка, гипса и глины, и «твердые», в которых содержание примесей было больше. Кипели они по-разному, и процесс кристаллизации соли в них тоже имел свои особенности. Опытный повар должен был все эти особенности учитывать.

¹⁵Пока «содильщик» помешивал кипящий рассол, повар занимался тем, что очищал раствор от посторонних примесей. Для этого он по углам црена заранее расставлял деревянные или железные корытца с рукоятками, к которым кипением прибивало песок, накипь и разные механические примеси. Количество корыт зависело от «твердости» или «мягкости» рассола. Для первых ставили дюжину, а для вторых десятков. Как только последний напуск рассола заканчивал кипеть, корыта вытаскивались.

¹⁶Из црена выбирали не всю соль – некоторое количество оставляли на дне. Сейчас химик сказал бы – оставляли для того, чтобы в следующий раз эти кристаллы стали центрами кристаллизации, а тогда, в средневековье, говорили «на семена».

¹⁸В 1622 г. Максим Яковлевич, Андрей и Петр Семеновичи Строгановы жаловались в Устюжский приказ на уменьшение производительности своих варниц в Сольвычегодске: «Писал де ты к нам, не справясь будтось вывариватца соли по шти тысяч пудов, а у них де в варницах столько соли не вываривается, потому, что у них промыслы худые: вываривается в три дня да за три ночи только пудов по пятидесяти и меньше. А соляная де варя идет не во весь год, всего они варят по полугоде и меньше, потому, что с весны вода от имает, и уроны делает. А иногда стоят заморозы». Не просто так они жаловались, а просили Устюжский приказ снизить налог на добываемую на их сольвычегодских варницах соль в три раза – с одной деньги за пуд до одной деньги за три пуда.

К началу девятнадцатого века о солеварении в Сольвычегодске напоминали, как писал в 1813 году учитель Сольвычегодского уездного училища Федор Протопопов, «одни только раздробившиеся остатки некоторых труб, которые все засорены. Из одной из сих труб, не очень засоренной, и до сих пор бедные жители, и крестьяне для сбережения соли, берут воду и употребляют ее в домашних нуждах. Хлеб, ею растворенный, довольно вкусен; но похлебки, на сей воде варимые, употребляются от великой нужды по причине противного запаху». Теперь, конечно, воду из Соленого озера или из Усолки для приготовления пищи никто не берет, но вода из сольвычегодского водопроводного крана по-прежнему пахнет... да и на вкус ничуть не лучше.

¹⁹У истоков торгово-промышленной империи Строгановых стояло четыре брата – Спиридон, Кузьма, Лука и Федор. Были они посадскими людьми, происходившими из поморского крестьянства. Жили они в пятнадцатом веке и до начала шестнадцатого действовали сообща. В начале шестнадцатого века торгово-промышленный дом Строгановых распался на три самостоятельных ветви – тотемских Строгановых, сольвычегодско-пермских Строгановых и жителей деревни Циренниково, расположенной рядом с Сольвычегодском. Тотемских Строгановых хватило всего на три поколения – во втором десятилетии семнадцатого века эта ветвь пресеклась. Потомки циренниковских Строгановых, перешедших в крестьянское сословие еще в семнадцатом веке, до сих пор живут и здравствуют.

²⁰Здесь мы не касаемся варниц, которые неутомимый Аника Строганов купил или вновь устроил в соседней Тотьме, в устье реки Колы на Кольском полуострове и на берегах притока Сухоны Леденьги в селе Усолье Леденгское.

²¹Иногда строгановские рассололивные трубы давали столько рассола, что варницы с этим количеством не справлялись, притом, что рассольные лари были наполнены доверху. В таких случаях Строгановы продавали часть уже выкачанного раствора другим варницам, у которых рассола не доставало. К примеру, монахи Спасо-Прилуцкого монастыря, владевшие на протяжении всего семнадцатого века варницей в Сольвычегодске, трубы не имели вовсе и весь рассол покупали у братьев Строгановых.

²²Что касается английского железоделательного завода, то сведений о том, был ли он построен или все ограничилось планами, неизвестно. Скорее всего, не построили, и доходить до всего пришлось своим умом, потому что при сыне Грозного Федоре Иоанновиче англичанам снова была выдана привилегия на постройку такого завода. Все же англичане на Вычегде добывали руду, вывозили ее в Англию и уже там выплавляли железо.

²³В обширном строгановском хозяйстве были и специалисты по рудному делу. В деловых бумагах восьмидесятых годов шестнадцатого века по разделу имущества Строгановых упоминаются «Тимоша рудовщик с семьею», доставшиеся Семену Аникиевичу, и «Передерня рудовщик с женою» отошедшие Максиму Яковлевичу.

Раз уж зашла речь о специалистах, скажем и о том, как такие люди попадали в крепостную зависимость к Анике Федоровичу и его сыновьям. В первый, довольно успешный для Московского царства, период Ливонской войны, в торьямах Москвы и других городов оказалось множество немецких и литовских пленных. Власти их легко

раздавали и феодалам, и купцам. Аника посылал сыновей в Москву с тем, чтобы они среди этих пленных отбирали прежде всего высококвалифицированных ремесленников, переводчиков, строителей, судостроителей, рудознатцев, врачей и моряков.

²⁴ Делить совместно нажитое непосильным трудом имущество начали еще при жизни тяжело болевшего Григория Аникиевича. По деловой памяти от 29 сентября 1577 года Семену Аникиевичу и Максиму Яковлевичу на их два жеребья достались в общее владение на Сольвычегодском посаде «две горницы старые Оникиевские», да «горница слюдяная», да «горница новая слюдяная с волоками», плюс амбары, мыльни, конюшни, поварни, кузницы, лавки, «полянки за кузницами новыми», деревни с мельницами и без возле Сольвычегодска, и не только возле. Никита Григорьевич на свой единственный жеребей получил хоромы в Сольвычегодске, еще одни хоромы, еще деревни, еще пожни и полянки. Потом, уже в Москве, делили варницы и рассолоподъемные трубы. Семену Григорьевичу и Максиму Яковлевичу шесть варниц, а Никите Григорьевичу – три. Рассолоподъемные трубы пока оставили в общем владении, но по приезде домой в Сольвычегодск обязались их непременно разделить, а также разделить все до единого црены. Потом делили пермские вотчины, потом дворы, принадлежавшие Строгановым в Москве, Калуге, Переяславле и Вологде, потом драгоценности, что были на тот момент в Москве – «яхонту и жемчугу, и перстней золотых, и алмазов, и серег всяких, и лапы золотые, и что привез Семен с собою скорлату*, и соболей, и алтабасу**, и часы песчаные немецкие, и бархат червчатой немецкой».

Через три года Максим Яковлевич, Семён Аникеевич и Никита Григорьевич Строгановы призвут с Волги в свои пермские вотчины атамана Ермака с его казаками и, снабдив всем необходимым, отправят завоевывать Сибирское ханство. Между прочим, Максиму Яковлевичу шел тогда двадцать четвертый год, а Никите Григорьевичу девятнадцатый.

*Скарлат – старинное фландрское сукно. Дорогая ткань, окрашенная в ярко-алый, пурпурный, багряный или другой оттенок красного цвета. Скарлатом во времена Ивана Грозного покрывали женские шубы. Покрывали те, кто мог себе позволить такие расходы. По духовной грамоте княгини Авдотьи Ивановны Шемякиной-Пронской, супруги одного из воевод Ивана Грозного, такая «шупка скорлат червчат», была завещана церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Замоскворечье.

**Алтабас – разновидность парчи, плотная шёлковая ткань с орнаментом или фоном из волочёной золотой или серебряной нити.

²⁵ Один из крупнейших советских исследователей разнообразной деятельности Строгановых в эпоху первоначального накопления капитала Андрей Александрович Введенский писал в своей книге «Дом Строгановых в XVI–XVII веках»: «Центром гигантского хозяйства оставалось сольвычегодское родовое гнездо, где крепким пауком сидел сам хозяин Аника Строганов, “лаской” и жесточью эксплуатировавший манси (вогуличей), татар, ханты (остяков), коми – зырян и пермяков. Здесь батожьем засекались насмерть деловые и дворовые люди и на свирепой крепостнической эксплуатации создавались разнообразные производства и широко поставленные вотчинные земледельческие хозяйства. Здесь создавались торговлей большие капиталы. Здесь вынашивались планы завоевания Сибири». Конечно, книга была издана в шестьдесят втором году, и потому Анику, кроме как пауком и жестоким эксплуататором, и назвать-то было нельзя, но... трудно не согласиться с тем, что и в такой оценке есть доля правды. Может, и не паук, но хватка была у Аники Федоровича мертвая. Не дай бог у такого три рубля занять до нового урожая.

²⁶ За год до пострига Аника Строганов получил грамоту Ивана Грозного о принятии его с детьми в опричнину. Строгановых не то, чтобы взяли в опричнину так сказать по совокупности заслуг, нет. Они сами попросились.

²⁷ Сам Аника мог донашивать отцовские кафтаны и шубы, но от первой жены Мавры и второй Софии остался довольно богатый гардероб, в котором и «камчат желтой

во швы шитый золотом и серебром на белой земле с передцы сплетеными» и «опашен скорлатной Мавринской с пуговицы серебряными». Что касается хором, в которых жил Аника с семьей*, то они, хотя и были большими и трехэтажными, похвастаться какой-то особенной роскошью не могли. Конечно, была и серебряная, и стеклянная посуда, и песочные, и механические часы немецкой работы, и иконы в дорогих окладах, и даже клетка с попугаем, но при таких капиталах...

* Строгановские хоромы простояли двести тридцать три года и были разобраны в самом конце восемнадцатого века. Судить о том, как они выглядели, мы можем лишь по небольшому фрагменту панорамы Сольвычегодска Афанасием Чудиновым, исполненной за пять лет до их сноса. Наверняка можно сказать лишь то, что стояли они рядом с Благовещенским собором и соединялись с ним крытой галереей, имели две четырехугольные в плане башни. Одна из них была шестиэтажной, высотой чуть более тридцати метров, и по высоте соперничала с собором.

²⁸О том, какие книги имелись в библиотеке Аники Строганова, мы знаем из описи, составленной 5 июня 1578 года дьячком Сумороком Дядкиным во время раздела имущества, начавшегося в 1577 году после смерти старших сыновей Аники – Якова и Григория. Библиотека Аники Строганова была самой крупной среди частных книжных собраний того времени и уступала по размерам только библиотекам четырех самых больших монастырей – Иосифо-Волоколамского, Соловецкого, Кирилло-Белозерского и Троице-Сергиева.

²⁹Надо сказать, что и в архитектуре собора, и в его убранстве ориентировались на Москву и на кремлевские храмы. Ктиторское место Благовещенского собора, то есть то место, на котором собирался сидеть Аника Строганов, по форме и декору очень напоминает царское место в Успенском соборе Кремля. Строгановы еще и стремились собрать при соборе библиотеку ничуть не хуже, чем в Успенском соборе. Для этого строгановские люди специально сделали списки с книг московского Успенского собора. Мало того, в Благовещенском сольвычегодском соборе хранились тетради, в которых самым подробным образом было записано, в какие дни в Москве ходят с крестными ходами из Успенского собора по другим церквям и когда звонят в колокола.

³⁰Строгановы покупали для своих храмов все самое лучшее из того, что могли купить. Так были закуплены в Германии паникадила для Введенского и Благовещенского соборов.

³¹Введенский в своей книге о доме Строгановых так описывает сбор речного жемчуга: «Строгановские ловцы жемчуга на реке Иксе <...> плыли по течению на маленьком плоту с прорубленным в центре отверстием. В это отверстие вставлялась берестяная труба со вделанной в дно слюдяной пластинкой. В эту трубу ловец рассматривает дно реки. Увидев раковину, он нацеливается на нее шестом с расщепом на конце и вытаскивает раковину на плот».

³²В сольвычегодском музее собрана большая коллекция этих удивительных по тонкости работы вещей. В августе 1975 года в музей проникли воры и похитили почти полностью коллекцию мелкой пластики и кресты. Еще и несколько икон и пелен. Два дня воры жили в Сольвычегодске и изучали обстановку, а после того, как изучили, пробрались на чердак собора и спустились в зал музея. Кража случилась в ночь с воскресенья на понедельник, который был выходным днем. В течение полугода искали украденное и практически все нашли. Находили пропавшее большей частью в Белоруссии и на Украине. Одна пелена успела попасть в Ереван. В музей вернулось пятьдесят три из украденных пятидесяти трех предметов. Лишь одна маленькая панagia до сих пор в розыске. После этого случая в музее появилась сигнализация. Да и на крышу теперь просто так не попасть.

³³В середине девяностых годов шестнадцатого века Иван Лукошков принял постриг и уехал из Сольвычегодска. В 1602 году монах Исайя Лукошков стал настоятелем владимирского Рождественского монастыря, а еще через девять лет, в 1613 году, этот

сольвычегодец в сане архимандрита присутствовал на Земском соборе, избравшем Михаила Романова на царство, и поставил свою подпись девятым сразу же за митрополитами, архиепископами и епископами под Утвержденной грамотой об избрании на московское государство Михаила Федоровича Романова. В 1619 году архимандрит Исая принимал участие в избрании Филарета Романова на патриаршество.

Когда в 1614 году Андрей и Петр Строгановы делили двор возле Благовещенского собора, то в документе о разделе упомянули «Лукошково дворище».

³⁴Первоначально Вычегда, которая теперь буквально подходит к Благовещенскому собору, была в восьми верстах от него в районе нынешнего поселка Вычегодский. В 1928 году директор сольвычегодского музея Владимир Антонович Ешкилев писал, что сольвычегодцам придется переезжать в Котлас как когда-то жителям Выбора и Чернигова в Сольвычегодск, чтобы не быть смытыми в Вычегду, подходившую вплотную к городской застройке. Теперь, в начале двадцать первого века, Благовещенский собор отделяет от берега реки несколько десятков метров. Если берег не укрепить... Не укрепляют. То есть деньги выделены – без малого девяносто миллионов рублей на укрепление берега и реконструкцию набережной имени Аники Строганова, на которой и стоит собор. Работы должны закончиться в октябре двадцать пятого года. В июне двадцать четвертого они еще и не начинались.

³⁵О торговле вином следует рассказать, хотя бы и в примечаниях, подробнее. Переписку в семнадцатом веке таможенных и кабацких голов Соли Вычегодской с их непосредственным начальством в Великом Устюге можно разделить на примерно равных две части – первые жалуются вторым на постоянное снижение кабацких сборов в связи с неурожаем, дороговизной, уменьшением количества кабацких завсегдатаев, с тем, что меньше торговых людей и торговцев пушшиной останавливаются в кабаках города и уезда, а вторые постоянно требуют радевать о государевых доходах, собирать подати сполна, вкладывать вырученные деньги в строительство новых кабаков и в винокурение «деньги отдавали в вино и в солод и в хмель и в дрова». В марте 1627 года таможенный и кабацкий сольвычегодский голова Бажен Кляпышников пишет своему непосредственному начальству в Устюжскую четверть о снижении в г. Соли Вычегодской таможенных и кабацких сборов в связи с пожаром и отсутствием торговцев: «после усольского пожару многие посацкие люди розошлись, а иных городов торговые люди не приезжают ж, – в рядах онбаров и лавок нет, стать с товары негде, и торговати <...> не с кем, а на кабаках <...> питью розходу мало, <...> а которые <...> были питухи в прошлом году, и те обнищали и врознь розбрелись». Начальство в своем ответе требует от Кляпышникова усилить работу по сбору денег и построить новый кабак на берегу Вычегды. Власти тогда были куда откровеннее и ради прибыли не только не стеснялись спаивать население, но и прямо писать об этом. Так в указной грамоте Устюжской четверти от шестнадцатого июня 1631 года сольвычегодскому таможенному и кабацкому голове Владимиру Андрееву о радении в сборе денег написано: «и на питухов лишних напойных денег не приписывали, тем бы питухов от кабаков не отучали». Не приписывать напойные деньги означает не что иное, как требование не увеличивать суммы за якобы выпитое вино. То есть власти, выражаясь современным языком, призывали не обсчитывать пьяниц, чтобы... Должно быть, при чтении этих слов в указной грамоте кабацкий голова горько усмехнулся.

Городовая книга по Сольвычегодску за 1633 год сообщает, что «кабацкая прибыль невелики. Для того, что у Соли на посаде и в Усольском уезде в миру стала скудость великая <...> из городов люди с товары не едут, а на кабаках питухи не пьют, а которое кабацкое питье, вино и пиво, с Семеня дни роздано в долги, и за то кабацкое питье питухи напойных денег без правезу не платят».

Таможенный и кабацкий голова Андреев регулярно жаловался в Устюг на недобор таможенных и кабацких сборов. В начале декабря 1630 года он пишет о неурожае, о дороговизне и о бесчинстве проезжающих через город и уезд казаков, посланных на службу в Сибирь: «на твоих государевых кабаках питухов побивают и розганивают и твою

государеву казну за стойкою у целовальника пограбили и меня <...> и целовальники хотели саблями иссечи, <...> и от тех <...> казаков многие торговые проезжие люди врознь розъехалися и товары никакими не торговали и мяхкую рухлядь всякую мимо Усолье провозили».

Недостатка в пьяных бесчинствах в те поры в Сольвычегодске не было. В то самое время, когда Андреев был таможенным и кабацким головой, в городе содержался под стражей опальный князь Иван Голицын с семьей, и для его охраны власти прислали полтора десятка стрельцов, которые, конечно же, как отписывал в Устюжскую четверть Андреев, в свободное от караулов время вместе со своим командиром Богданом Тихоновым стали «по кабаком по ночем ходить и питухов грабить и шапки схватывать и питье отнимать, и все государево питье емлют, а денег не платят, и закладывают в том питье кресты медные ртутью ртучены, называют серебряны». Андреев пытался их урезонить, но... Урезонивать пьяных стрельцов дело неблагоприятное и опасное. Они, как пишет кабацкий голова, «били ослопы и платя на мне ободрали <...> и впредь мне <...> угрожают убийством». Мало того, «на кабаках у целовальников твое государево питье черпают сильно своею рукою безденежно». Тут впору и самому запить.

Инициативные кабацкие головы устраивали развозную торговлю по волостям. Приедут в один из праздников в деревню и давай торговать неделю или две, а то и три вином и пивом. Иногда там же и винокурню походную устраивают и пивоварню. Крестьянам это, мягко говоря, не нравилось, и они жаловались царю. Вот цитата из челобитной, написанной в 1625 году волостным миром Андреевской волости Сольвычегодского уезда: «с Лальского кабака целовальники кабацкие твое государево кабацкое питье, вино чарочное по вся годы по настоящим храмовым праздникам и по господским, и по воскресным дням без твоего государева указу, а продают, государь в Андреевской волости живучи, вино недели по три, и по четыре, и больше, мало не съезжают во весь год. И от того, государь, кабацкого продажного вина волость пустеет, и многие крестьяне из волости врознь бредут». В 1646 году на развозную торговлю из таких гуляй-кабаков, устроенных таможенным и кабацким головой Ильей Потулковым, жаловался весь уезд.

Илье Потулкову в феврале того же года пришла указная грамота из Устюжской четверти с требованием выяснить, почему вятчане перенесли дороги мимо таможен и кабаков Сольвычегодского уезда. Вот и узнавай у вятчан, почему они перенесли...

³⁶Яренский уезд был северо-восточным соседом Сольвычегодского уезда, но в тех местах расстояния таковы, что невестам приходилось плыть вниз по Вычегде из дому до Сольвычегодска почти двести километров, а девушкам-зырянкам, приплывавшим из села Усть-Выми, которое еще выше на девяносто километров по течению, и все триста. Хорошо если тебя возьмут замуж и не придется возвращаться, а если нет – плыви еще триста километров вверх по реке, против течения, утирая горючие слезы, или нанимайся сено косить или убирать урожай в деревни Сольвычегодского уезда. Таких девушек называли «казачихами». А.А. Введенский пишет, что невесты приезжали даже с Печоры, но в это, признаться, поверить трудно. Это как же нужно хотеть замуж, чтобы с Печоры, через непроходимые леса и болота, за многие сотни километров, притом, что Печора с Вычегдой нигде не соединяются, сначала плыть, потом идти, потом снова плыть на ярмарку невест в далекий Сольвычегодск.

³⁷Тогда, в средневековье, так еще получалось. Потом-то для тушения пожаров требовались пожарные в медных касках с насосами и трубами, а для прекращения эпидемий – врачи, прививки и инфекционные отделения в больницах, а тогда еще получалось так, как у игумена Борисоглебского монастыря. Не у всех, конечно.

³⁸Еще несколько мелких и, может быть, несущественных подробностей из переписи 1625 года об остроге и посадке Сольвычегодска, без которых обычный читатель может быть и обойдется, но ~~буквоед~~ краевед ни за что. Острог имел в длину пятьсот сажень, а в ширину сто пятнадцать. Стало быть, площадь его была 57500 квадратных

саженной или чуть более девятнадцати гектаров или 0,19 квадратных километров. Как на этой площади уместить пять церквей, десятки лавок и все остальное... притом, что только воеводский двор занимал почти тридцать соток, а кабак представлял собой, говоря современным языком, целый комплекс хозяйственных помещений, в который входили две избы, погреб, амбар «да против кабака в той же улице на другой стороне поварня». В остроге же стоял двор «на приезд приказным людям», да два двора «на приезд всяким людям». Еще один царев кабак вдобавок к острожному был на посаде, сразу за Спасскими воротами крепости. Ко всему этому прибавим двадцать восемь «дворов поповых и дьяконовых и дьячковых и просвирицных и трапезниковых нетяглых <...> да три богаделни». Была и еще одна богадельня, построенная на средства Никиты Григорьевича Строганова, и пятьдесят семь келий, в которых жили нищие, питавшиеся милостыней.

³⁹Прошло четыре года ... В челобитной князя Михаила Гагарина от второго марта 1631 года о даче суда с крестьянами Сольвычегодского уезда земским судьей Семеном Меньшиковым, церковным старостой Приезжим Томиловым и другими по делу о бое и грабеже его людей на Вилегоцком яме по дороге в Сибирь читаем: «взяли у людишек моих ожерелье жемчужное муское пристежное да четыре золотых червонных, да четыре цевки золота да серебра, да трои дороги, да две нашивки золотных портищевых, да двои завяски однорядошные, одна з золотом, а другая с серебром, да два вершка шапошные суконные, да ожерелье бархатное сотячее». Всего на пятьдесят четыре рубля.

Нужно сказать, что с некоторыми сольвычегодцами на большой дороге лучше было не встречаться. Приведем лишь несколько примеров из челобитных о грабежах, случившихся в период с 1628 по 1632 год. Челобитная помещика Ивана Плещеева о даче суда с жителями Сольвычегодского уезда Иваном Протопоповым и Андреем Яровым, ограбившим Плещеева на сумму почти в тысячу рублей. Между прочим, Протопопов и Яровой были людьми Ивана Максимовича Строганова, которому пришлось уплатить половину суммы при примирении сторон. Челобитная игумена Николаевского Угрешского московского монастыря Андриана и келаря Анфиногена Крыженовского о даче суда с крестьянами Сольвычегодского уезда Иваном Лыгаловым, Петром Суворовым и другими по делу о бое и грабеже их крестьянина Никиты Корелы по дороге из Сибири. Грабители отняли у Корелы мехов почти на сто сорок рублей. Челобитная торговца Гостиной сотни Никифора Ревякина о даче суда с крестьянином Сольвычегодского уезда Василием Белавинским по делу о хранении краденого имущества, в которой он пишет: «пограбили у нас розбоем на Двине реке против Олексина села Захар Пятлин с товарищи нашего живота городских товаров и кабал на пять тысячей на пятьсот на пятнатцать рублей, и тому Захару у Соли Вычегоцкия учинилася смерть безвестная, а положил он, Захар, того нашего живота ему, Василью, на сто на пятьдесят рублей». Челобитная крестьянина Сольвычегодского уезда Лариона Пахтусова о проведении обыска по делу о бое и грабеже его с женой и детьми дьячком съезжей избы Пятым-Щекой Жаравлевым с шайкой товарищей: «и меня ... и детишек моих били и женишка моего ножом в мышку обрезали и изувечили».

В июне 1631 года воевода Василий Янов и подьячий Тимофей Пчелин отписывают в Устюг о случае разбоя на реке Вычегде и о невозможности послать погоню за разбойниками из-за отсутствия в городе стрельцов и пушкарей. В ответ на эту отписку им приказывают выбрать двадцать «охочих добрых» людей на места стрельцов, «которые б из луков и ис пищалей стрелять умели, и велел им быть с ружьем для всякого береженья у Соли Вычегоцкой безотходно».

Обстановка на большой дороге в Сибирь была настолько беспокойной, что в мае 1647 года сольвычегодскому воеводе Большеву пришло распоряжение из Устюжской четверти выделить провожатых для доставки соболиной казны из Сибири и высылке туда колодников. Тогда же сольвычегодскому таможенному голове велено было выделить провожатых едущим в Сибирь и обратно служилым людям и целовальникам.

⁴⁰1636 год в Сольвычегодске был богат на самого разного рода события. Сольвычегодский всеуездный мир, который составляли посадские люди и уездные крестьяне, в том году обратился к воеводе с просьбой казнить сидевших в городской тюрьме восьмерых разбойников, от которых житья не было ни городу, ни уезду. Несмотря на то, что они сидели в тюрьме, сольвычегодцы очень опасались их побега. Воевода, ссылаясь на отсутствие царского указа, казнить их не собирался. Тогда мир сам решил их казнить и... казнил. В саванах, с зажженными свечами в руках, в сопровождении тюремных сторожей и палача их вывели на берег Вычегды и там казнили.

⁴¹Человека, который пахал, бороновал и унавоживал, звали Никита Пономарев, того, кто разделявал гряды и сажал рассаду – Осип Рыжухин, а того, кто все лето поливал капусту за двадцать алтын – Пашка Черепанов. Конечно, эти люди не Строгановы, не пан Яцкий и даже не взяточник воевода Головачев, и в истории Сольвычегодска и уезда они не играли никакой роли, но они были, и их нужно упомянуть хотя бы в титрах хотя бы самыми мелкими буквами в массовке после гримеров, осветителей и водителей.

⁴²Площадной подьячий – в семнадцатом веке вольный письменный делец, действовавший под надзором правительства на городских площадях. Предшественник современных нотариусов и адвокатов.

⁴³Дворы у всех были разные. У кого-то крошечный огород с двумя грядками лука и чеснока, у кого-то кузница, а у кого-то и соляная варница. У небогатого сольвычегодского рыбака двор с огородом занимал семь соток, у мясника – немногим более четырех с половиной соток, у портного – около трех соток, у зажиточной или, как тогда говорили, у прожиточной семьи Комлевых – одиннадцать с лишним соток, а у Семена Аникиевича Строганова по описи 1611 года – без малого пятьдесят шесть соток. Между прочим, при всех своих неисчислимых богатствах, хоромы Строгановы построили себе деревянные, поскольку тогда, впрочем, как и сейчас, считалось, что жить в деревянном доме полезнее для здоровья. Раз уж зашла речь о деревянных хорах Строгановых... Ночью десятого сентября 1618 года кто-то поджег хоромы Максима Яковлевича Строганова, и они сгорели дотла. Как он сам писал в своей челобитной «и со всеми животишками и хлебные анбары со всякими хлебными запасы и соляные анбары с солью и со всяким житейским посудьем серебряным и с медным и с конской збруей и с приправою и с людским платьем, згорело все без остатка и нас, государи, со всеми нашими дворовыми людишками хотели сжечь неведомо хто и вышли мы с пожару с людишками своими босы и наги». Максим Яковлевич просил усилить розыск и послушать, что говорят по сольвычегодским и устюжским базарам и кабакам, где «побранься или подрався или в пьянстве, или кто ни есть меж собой в речах проговорится, хто нас сжег до основанья и тех бы людей переимати». Не вышло из этого розыска ничего. Никто не проговорился.

⁴⁴По переписной книге 1678 года в Сольвычегодске действовала двадцать одна церковь. Все церкви, за исключением каменных Благовещенского и Введенского соборов, а также одноэтажной Спасообыденной церкви, построенной в стиле нарышкинского барокко, были деревянными. И это при том, что население города, как мы уже упоминали, к концу семнадцатого века составляло от двух, до двух с половиной тысяч человек. Такого количества церквей на душу населения и в Москве того времени не было.

⁴⁵Император вспомнил о Сольвычегодске еще раз, в 1708 году, когда приказал отправить в город на поселение часть шведских пленных, предварительно отобрав мастеровых, которых велено было оставить в Москве.

⁴⁶Строгановские хоромы, которые начинал строить еще Аника Федорович, простояли 233 года и были разобраны в 1798 году по неизвестной причине.

⁴⁷Если принять во внимание, что четверть это 9,5 пудов пшеницы, 6,25 пудов ржи, 7,25 пудов ячменя и 6 пудов овса, то на наши центнеры выходит от пяти до семи центнеров ржи, пшеницы почти столько же, а овса и ячменя даже немного больше, но это на удобренной земле и в хороший год, а в плохой... Правду говоря, и в хороший тоже очень мало.

⁴⁸Передовщик организовывал промысел пушнины, отвечал за снаряжение судна, следил за поведением работных людей и за выполнением инструкций администрации.

⁴⁹ И еще о сольвычегодцах на Камчатке. К самому Сольвычегодску эта история не имеет ровно никакого отношения, но упомянуть о ней стоит. В конце апреля 1771 года в камчатском Большерецком остроге созрел тайный заговор* и вспыхнул бунт среди ссыльных офицеров, поддержанный частью местных жителей. Был убит командир Камчатки капитан Нилов и захвачено военное судно «Св. Петр и Павел». Главарем бунтовщиков стал сосланный навечно на Камчатку венгерский гусар и авантюрист, состоявший до русского плена на службе у польских конфедератов, Мориц Август Бениовский. Вместе с одним из политических ссыльных, отставным ротмистром Ипполитом Степановым, он написал «Объявление в Сенат», в котором говорилось о беззакониях, чинимых Екатериной Второй и ее фаворитами, о лишении престола законного императора Павла Петровича, о разорении камчатской земли из-за самоуправства начальников и даже о бедствиях простого народа. «Мы все присланы в Камчатку не по правосудию <...> на свое содержание, где всегда зима и хлеба нет, а покупают дорогой ценой и питаемся все рыбой. И привыкшие люди в работе сносить того не могут <...> А в России начальники единое только имеют право делать людям несчастье <...>, должно с сожалением сказать, сколько несчастлив народ российский <...> не получает облегчения, а всего больше усиливается начальник, а не закон... Народ российский терпит единое тиранство. Понеже в России не только крестьяне, но и дворянства малейшая часть обучается наукам <...> Вот причина рабства, что богатый человек имеет случай угнетать бедных людей. Ежели он и мало знает законов, то судьи ему за деньги помогают растолковать сему бедному народу в пользу богатого Указы, а богачи их исходатайствуют от Сената в свою пользу. <...> мы выбрали себе в предводительство достойного человека барона Морица, который отечеству нашему заслугу показать имеет, и как он, так и желающие законному нашему Государю его императорскому величеству Павлу Петровичу присягу учинили и отправиться намерены куда предводителю нашему разсудится, взяв судно казенное, денег, провианту, оружейных припасов <...> все мы единственно и на всякое время усердны нашему Отечеству и законному нашему Государю, его императорскому величеству Павлу Петровичу и покажем ему единому свою подданнейшую должность и вернейшую заслугу». Перед выходом в море все, бывшие на борту мятежного галиота, приняли присягу на верность государю Павлу Петровичу. Присягу, между прочим, приняли за четверть века до восшествия сына Екатерины Второй на престол.

Под водительством Бениовского «Св. Петр и Павел» с командой из семидесяти человек дошел, побывав по пути на Курилах, в Японии и на Тайване, до Макао, где часть беглецов умерла от лихорадки, а оставшиеся сорок человек, доплыв уже на других судах до города Пор-Луи во Франции и пройдя пешком полтысячи с лишним километров до города Парижа, откуда... камчатских жителей по их просьбе русский поверенный в делах Франции отправил за казенный счет в Россию. Не всех, конечно, а только тех, кто захотел вернуться. Вернуться пожелало семнадцать человек. Екатерина Вторая, пусть и не сразу, но их простила, и никто из возвратившихся не был наказан. Так вот, в команде Бениовского было четверо сольвычегодцев: купец Иван Кудрин, промышленник купца Холодилова крестьянин Леонтий Попов и два брата Кошелевых – Савка и Володка, уроженцы Ильинского погоста Сольвычегодского уезда.

Среди семнадцати человек, вернувшихся в Россию, сольвычегодцев нет, но... Польский историк Кайданьский, изучая материалы французских архивов, нашел список первой группы волонтеров французского корпуса, который под командой произведенного французами в полковники Бениовского должен был на судне «Маркиза де Мербиф» весной 1774 года отправиться на остров Маврикий, а оттуда на Мадагаскар, чтобы присоединить последний к владениям французской короны. В этом списке среди дюжины камчатских беглецов есть Иван Кудрин и Леонтий Попов. К сожалению, о том, как

сложилась дальнейшая судьба братьев Кошелевых, Ивана Кудрина и Леонтия Попова нам неизвестно. Может, их скосила мадагаскарская желтая лихорадка, может, шальная пуля, может, они выжили и...

Что же касается «Объявления в Сенат», написанного Ипполитом Степановым и Морицем Августом Бениовским, то на пакете, в котором оно было получено, генерал-прокурор князь Вяземский по повелению императрицы собственноручно написал: «Сей пакет хранить в Тайной экспедиции и без доклада Ее Величеству никому не распечатывать».

* Удивительно не то, что заговорщики сумели склонить к побегу значительную часть жителей Большерецка, который отнюдь не был курортом, приятным для проживания, и не то, что Бениовский представлялся политическим ссыльным, отправленным на Камчатку за участие в тайном сватовстве наследника престола Павла Петровича к дочери Римского императора и даже показывал зеленый бархатный конверт с печатью его высочества, а то, что уговаривая людей присоединиться к побегу, авантюрист читал им отрывки из утопии Кампанеллы «Город Солнца», убеждал их в существовании этого города и даже показывал его на карте, говоря при этом, что именно туда беглецы направят галиот «Св. Петр и Павел».

⁵⁰В 1804 году директор училищ Вологодского наместничества писал генерал-губернатору и вологодскому архиерею: «А как дошло до моего сведения, что не только в тех городах, где училища еще не открыты, но и в тех, где оные издавна существуют да и в самом здешнем городе разного звания люди, даже и женщины, обучают детей не по изданным и утвержденным правилам и без позволения директоров, то <...> всепокорнейше ваше превосходительство прошу полицейским чиновникам известные мне училища позволить освидетельствовать, а в городах Устюге, Тотьме и Сольвычегодске полицмейстеру и городничим предписать, чтоб они вкупе с учителями непозволенные заведения также освидетельствовали и не имеющих свидетельства обязали подписками впредь не обучать».

⁵¹Место, о котором пишет Протопопов, находилось в деревне Тимоховской Кивокурской волости Сольвычегодского уезда. Жил там мастер Илья Юницын, которые эти самые замочки и делал. М.П. Погодин в своих дорожных записках «Дорога из Нижнего до Вологды», опубликованных в 1841 году в журнале «Московитянин», писал: «Увидел микроскопические замочки с ключами сольвычегодского мастера Юницына, который продавал их сперва по гривеннику, потом по рублю и, наконец, по пяти рублей. Есть цепочка из них, где у каждого замочка свой ключик, не подходящий к другим. У мастера блоха привязана на цепь за ногу, однако ж не мешающую ей прыгать. Какова же должна быть тонкость железного волоска и способность Русского человека, который все эти чудеса производит с помощью одного напилка. Поверить трудно!» В 1837 году в списке вещей, представленных на Вологодскую губернскую выставку, в графе «стальные изделия» можно прочесть: «Представлены Г. Советником Жарковым: 1 цепочка для часов, составленная из 816 замочков, весом в 3 золотника, цена – 272 р. 1 цепочка, из 306 замочков, весом 2 и одну осьмью золотника, цена 76 р. 50 к. 1 цепочка из 310 замочков, весом в 2 с половиною золотника, цена 77 р. 50 к. 1 кошелек из 1200 замочков, 300 р.». В описании этих экспонатов сказано: «Работа Сольвычегодского уезда Кивокурской волости деревни Тимоховской крестьянина Юницына. Изделия замечательны оригинальностью; как цепочки, так и кошелек, составлены из мелких, едва заметных замочков, которые между тем искусно отделаны и имеют общий ключик, которым все могут отпираться и запираются свободно. Достоин внимания то, что крестьянин Юницын самоучкою навык этому мастерству и производит его без всякого пособия машин, одними простыми средствами, употребляющимися в сельской промышленности». Только представьте себе цепочку из восьмиста с лишним замочков весом в три золотника, что составляет 12,798 г. То есть вес одного замочка 15,68 миллиграммов. В другой цепочке из 306 замочков и средний вес одного – 30 миллиграммов, а в третьей – 34 миллиграмма. И это сделано «без

всякого пособия машин, одними простыми средствами, употребляющимися в сельской промышленности». Как тут не вспомнить: «— Где же ваш мелкоскоп, с которым вы могли произвести это удивление? А Левша ответил: — Мы люди бедные и по бедности своей мелкоскопа не имеем, а у нас так глаз пристрелявши».

Цепочки эти были так широко известны, что запись о них попала даже в Географический статистический словарь Российской империи, изданный в 1854 году. В статье о Кивокурской волости было написано: «Кивокурская волость Вологодской губернии Сольвычегодского уезда замечательна по выделке столь мелких железных замочков, что в одном золотнике их от шестидесяти до ста штук; каждый из них запирается и отпирается. Из них делают цепочки для часов».

На этом история микроскопических замочков не кончается. В 1882 году цепочки для часов, составленные из замочков, были представлены на Московской художественно-промышленной выставке. В отчете о выставке об этих цепочках было написано: «В городе Сольвычегодске и уезде его с весьма давнего времени работали цепочки для часов, составленные из мелких замков. В настоящее время остался один только мастер этого изделия, крестьянин Тимошинской волости В. С. Юницин, старик около семидесяти лет. Две цепочки, представленные им на выставку, отличаются чистотою работы. Каждый замочек в цепочке отпирается своим ключиком. Цепочки приготовляются Юнициным исключительно по заказу, и дают весьма незначительный заработок, так как части их, состоящие из чрезвычайно мелких отдельных предметов, требуют много времени для выполнения ручным способом». Кем приходился «старик около семидесяти лет» Илье Юницину, мы не знаем.

⁵²Обдорск – это нынешний Салехард, и до него от Сольвычегодска даже по прямой, по которой не добраться, больше тысячи километров, а по дороге и вовсе больше трех тысяч.